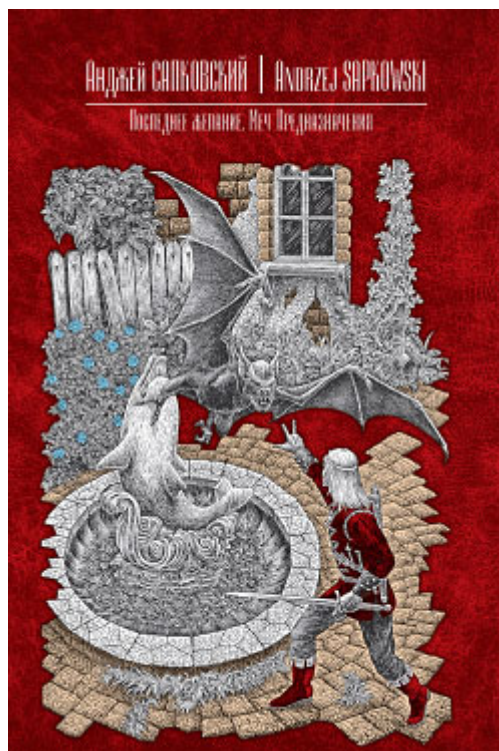

Анджей Сапковский Последнее желание

Ведьмак – 1

Текст предоставлен издательством «АСТ» <http://www.litres.ru>
«Последнее желание. Меч Предназначения»: АСТ, Люкс; Москва; 2004
ISBN 5-17-023133-4, 5-9660-0091-3

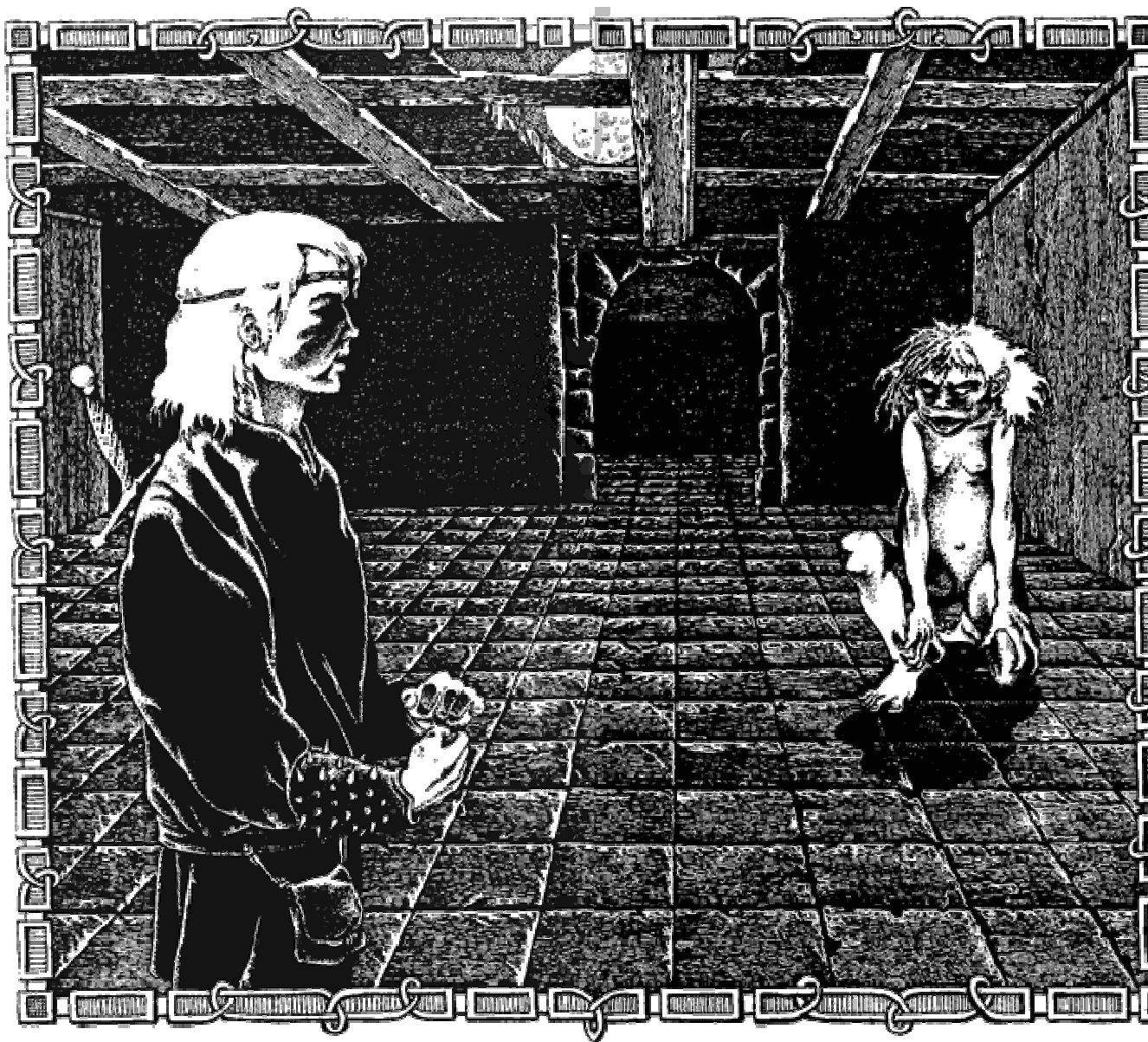
Аннотация

Анджей Сапковский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью российской фантастики. Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить абсолютно оригинальные фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии», мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но трогающего его душу.

Анджей Сапковский Последнее желание

Глас рассудка I

Она пришла под утро.

Вошла осторожно, тихо, бесшумно ступая, плывя по комнате, словно призрак, привидение, а единственным звуком, выдававшим ее движение, был шорох накидки, прикасавшейся к голому телу. Однако именно этот исчезающе тихий, едва уловимый шелест разбудил ведьмака, а может, только вырвал из полусна, в котором он мерно колыбался, словно погруженный в бездонную топь, висящий между дном и поверхностью спокойного моря, среди легонько извивающихся нитей водорослей.

Он не пошевелился, даже не дрогнул. Девушка подпорхнула ближе, сбросила накидку, медленно, нерешительно оперлась коленом о край ложа. Он наблюдал за ней из-под опущенных ресниц, не выдавая себя. Девушка осторожно поднялась на постель, легла на него, обхватила бедрами. Опираясь на напряженные руки, скользнула по его лицу волосами. Волосы пахли ромашкой. Решительно и как бы нетерпеливо наклонилась, коснулась сосочком его века, щеки, губ. Он улыбнулся, медленно, осторожно, нежно взял ее руки в свои. Она выпрямилась, ускользая от его пальцев, лучистая, подсвеченная и от этого света нечеткая в туманном отблеске зари. Он пошевелился, но она решительным нажимом обеих рук остановила его и легкими, но настойчивыми движениями бедер добилась ответа.

Он ответил. Она уже не избегала его рук, откинула голову, встряхнула волосами. Ее кожа была холодной и поразительно гладкой. Глаза, которые он увидел, когда она приблизила свое лицо к его лицу, были огромными и темными, как глаза русалки.

Покачиваясь, он утонул в ромашковом море, а оно взбурлило и зашумело, потеряв

покой.

Ведьмак

1

Потом говорили, что человек этот пришел с севера, со стороны Канатчиковых ворот. Он шел, а навьюченную лошадь вел под уздцы. Надвигался вечер, и лавки канатчиков и шорников уже закрылись, а улочка опустела. Было тепло, но на человеке был черный плащ, накиннутый на плечи. Он обращал на себя внимание.

Путник остановился перед трактиром «Старая Преисподняя», постоял немного, прислушиваясь к гулу голосов. Трактир, как всегда в это время, был полон народу.

Незнакомец не вошел в «Старую Преисподнюю», а повел лошадь дальше, вниз по улочке к другому трактиру, поменьше, который назывался «У Лиса». Здесь было пусто — трактир пользовался не лучшей репутацией.

Трактирщик поднял голову от бочки с солеными огурцами и смерил гостя взглядом. Чужак, все еще в плаще, стоял перед стойкой твердо, неподвижно и молчал.

— Что подать?

— Пива, — сказал незнакомец. Голос был неприятный.

Трактирщик вытер руки полотняным фартуком и наполнил щербатую глиняную кружку.

Незнакомец не был стар, но волосы у него были почти совершенно белыми. Под плащом он носил потертую кожаную куртку со шнуровкой у горла и на рукавах. Когда сбросил плащ, стало видно, что на ремне за спиной у него висит меч. Ничего странного в этом не было, в Выземе почти все ходили с оружием, правда, никто не носил меч на спине, словно лук или колчан.

Незнакомец не присел к столу, где расположились немногочисленные посетители, а остался у стойки, внимательно изучая взглядом трактирщика.

— Ищу комнату на ночь, — проговорил он, отхлебнув из кружки.

— Нету, — буркнул трактирщик, глядя на обувь гостя, запыленную и грязную. — Спросите в «Старой Преисподней».

— Я бы хотел здесь.

— Нету. — Трактирщик наконец распознал выговор незнакомца. Ривянин.

— Я заплачу, — тихо и как бы неуверенно сказал чужак.

Тогда-то и началась эта паскудная история. Рябой верзила, с момента появления чужака не спускавший с него угрюмого взгляда, встал и подошел к стойке. Двое из его дружков встали шагах в двух позади.

— Ну, нету же местов, шпана ривская, — гаркнул рябой, подходя к незнакомцу вплотную. — Нам тут, в Выземе, такие ни к чему. Это порядочный город.

Незнакомец взял свою кружку и отодвинулся. Взглянул на трактирщика, но тот отвел глаза. Он и не думал защищать ривянина. Да и кто любит ривян?

— Что ни ривянин, то ворюга, — продолжал рябой, от которого несло пивом, чесноком и злобой. — Слышь, что говорю, недоносок?

— Не слышит он, уши-то дерьмом забил, — промямлил один из тех, что стояли позади. Второй захохотал.

— Плати и выматывайся, — рявкнул рябой.

Только теперь незнакомец взглянул на него.

— Пиво допью.

— Мы те подмогнем, — прошипел дылда. Он выбил у ривянина кружку и, одновременно схватив одной рукой плечо, впился пальцами другой в ремень, пересекающий наискось грудь чужака. Один из стоявших позади размахнулся, собираясь ударить. Чужак

развернулся на месте, выбив рябого из равновесия. Меч свистнул в ножнах и коротко блеснул в свете каганцев. Пошла кутерьма. Поднялся крик. Кто-то из гостей кинулся к выходу. С грохотом упал стол, глухо шмякнулась об пол глиняная посуда. Трактирщик — губы у него тряслись — глядел на чудовищно рассеченное лицо рябого, а тот, вцепившись пальцами в край стойки, медленно оседал, исчезал из глаз, будто тонул. Двое других лежали на полу. Один не двигался, второй извивался и дергался в быстро расплывающейся темной луже. В воздухе дрожал, ввинчиваясь в мозг, тонкий, истошный крик женщины. Трактирщик затрясся, хватил воздуха, и его начало рвать.

Незнакомец отступил к стене. Сжавшийся, собранный, чуткий. Меч он держал обеими руками, вода острием по воздуху. Никто не шевелился. Страх, как холодная грязь, облепил лица, связал члены, заткнул глотки.

В трактир с шумом и лязгом ворвались трое стражников. Видимо, находились неподалеку. Обернутые ремнями палицы были наготове, но, увидев трупы, стражи тут же выхватили мечи. Ривянин прильнул спиной к стене, левой рукой вытащил из-за голенища кинжал.

— Брось! — рявкнул один из стражников дрожащим голосом. — Брось, бандюга! С нами пойдешь!

Второй толкнул стол, мешавший ему зайти ривянину сбоку.

— Жми за людьми, Чубчик! — крикнул он тому, что стоял ближе к двери.

— Не надо, — проговорил незнакомец, опуская меч. — Сам пойду.

— Пойдешь, пойдешь, сучье племя, только на веревке! — заорал тот, у которого дрожал голос. — Кидай меч, не то башку развалю!

Ривянин выпрямился. Быстро перехватил меч под левую руку, а правой, выставив ее в сторону стражников, начертил в воздухе сложный знак. Сверкнули набивки, которыми были густо покрыты длинные, по самые локти, манжеты кожаной куртки.

Стражники моментально отступили, заслоня лица предплечьями. Кто-то из гостей вскочил, другой помчался к двери. Женщина снова завопила. Дико, пронзительно.

— Сам пойду, — повторил незнакомец звучным металлическим голосом. — А вы трое — впереди. Ведите к ипату. Я дороги не знаю.

— Да, господин, — пробормотал стражник, опустив голову, и, робко озираясь, двинулся к выходу. Двое других, пятясь, вышли следом. Незнакомец, убрав меч в ножны, а кинжал за голенище, пошел за ними. Когда они проходили мимо столов, гости прикрывали лица полами курток.

2

Велерад, ипат Вызимы, почесал подбородок и задумался. Он не был ни суеверен, ни трусоват, но перспектива остаться один на один с белоголовым его не прельщала. Наконец он решился.

— Выйдите, — приказал стражникам. — А ты садись. Нет, не тут. Туда, подальше, если не возражаешь.

Незнакомец присел. При нем уже не было ни меча, ни черного плаща.

— Слушаю, — сказал Велерад, поигрывая тяжелой булавой, лежащей на столе. — Я Велерад, ипат, то бишь — градоправитель Вызимы. Что скажешь, милсдарь разбойник, прежде чем отправиться в яму? Трое убитых, попытка навести порчу — недурственно, вовсе недурственно. За такие штучки у нас в Вызиме сажают на кол. Но я — человек справедливый, сначала выслушаю. Говори.

Ривянин расстегнул куртку, извлек из-под нее свиток из белой козловой кожи.

— Это вы на дорогах по трактирам приколачиваете, — сказал он тихо. — То, что тут написано, правда?

— А, — буркнул Велерад, глядя на вытравленные на коже руны. — Вон оно дело-то какое. Как же я сразу-то не сообразил. Ну да, правда. Самая что ни на есть правдивая правда.

Подписано: Фольтест, король, владыка Темерии, Понтара и Махакама. Ну а коли подписано, стало быть, правда. Но руны рунами, а закон законом. Людей убивать не позволю! Усек?

Ривянин кивнул, — понял, мол. Велерад гневно засопел.

— Знак ведьмачий при тебе?

Незнакомец снова полез за полу куртки, вытащил круглый медальон на серебряной цепочке. На медальоне была изображена ощерившаяся волчья морда.

— Как звать-то? Мне воще-то все равно как, спрашиваю не из любопытства, а для облегчения беседы.

— Геральт.

— Геральт так Геральт. Судя по выговору — из Ривии?

— Из Ривии.

— Так. Знаешь что, Геральт? Об этом, — Велерад хлопнул ладонью по козловой шкуре, — забудь. Выкинь из головы. Это дело серьезное. Многие пробовали. Это, брат, не то что пару-другую голодранцев прикончить.

— Знаю. Это моя профессия, милсдарь ипат. Написано: три тысячи оренгов награды.

— Три тысячи, — выпятил губы Велерад. — И принцесса в придачу, как людишки болтают, хоть этого милостивый Фольтест не написал.

— Принцесса мне ни к чему, — спокойно сказал Геральт. Он сидел неподвижно, положив руки на колени. — Написано: три тысячи.

— Ну, времена, — вздохнул градоправитель. — Ну и паршивые же пошли времена! Еще двадцать лет назад кто бы подумал, даже по пьянке, что такие профессии появятся? Ведьмаки! Странствующие убийцы василисков! Ходящие, словно точильщики, по домам истребители драконов и топляков. Геральт? В твоём цехе, ведьмаковском, пиво пить дозволено?

— Вполне!

Велерад хлопнул в ладоши и крикнул:

— Пива! А ты, Геральт, садись поближе. Чего уж там.

Пиво было холодное и пенистое.

— Ну, говорю, времена настали, — снова затянул Велерад, прихлебывая из кружки. — Дерьма всякого развелось. В Махакаме, в горах, нечисть кишмя кишит. По лесам раньше волки выли, а нынче, понимаешь, упыри, боровики всякие, куда ни плюнь — оборотень или какая другая зараза. По селам русалки да нищенки детей умыкают, уже на сотни счет пошел. Хвори, о каких раньше никто и слыхом не слыхивал. Прямо волосы дыбом встают. Ну и еще это вот, для комплекта! — Он толкнул свиток по столу. — Неудивительно, Геральт, что на вас такой спрос.

— Это, градоправитель, королевское обращение, — поднял голову Геральт. — Подробности знаете?

Велерад откинулся на спинку стула, сплел пальцы на животе.

— Подробности, говоришь? А как же, знаю. Не то чтоб из первых рук, но источники надежные.

— Это мне и надо.

— Уперся, стало быть. Ну, как знаешь. Слушай. — Велерад отхлебнул пива, понизил голос. — Наш милостивый Фольтест, когда еще в принцах ходил, при старом Меделе, показал, на что способен, а способен-то он был на многое. Мы надеялись, что со временем это пройдет. Ан нет. Вскоре после коронации, тут же после смерти прежнего-то короля, Фольтест превзошел самого себя. У всех у нас челюсти отвалились. Короче: заделал дитятко своей сестрице Адде. Адда была моложе его, они всегда держались вместе, но никто ничего не подозревал, ну разве что королева... В общем, глядь, а Адда уже во-от с таким брюхом, а Фольтест начинает заводить разговоры о свадьбе. С сестрой, понял, Геральт? Положеньице сложилось хуже некуда, а тут аккурат Визимир из Новиграда задумал выдать за Фольтеста свою Дальку, прислал сватов, а нам, понимаешь, хоть держи королька-то нашего за ноги-руки, потому как он вознамерился гнать сватов взащей. Ну, обошлось, и слава богам, иначе-

то оскорбленный Визимир кишки б из нас повыпускал. Потом, не без помощи Адды, которая повлияла на братца, нам удалось отсоветовать сопляку без времени в женихи лезть. Ну а тут Адда возьми и роди, в положенное время, а как же. А теперь слушай, потому как тут-то и началось. Того, что выродилось, почти никто и не видел. Ну, там, одна повитуха выскочила в окно из башни и убилась насмерть, другая спятила и до сих пор не отошла. Потому-то я и думаю, что ребеночек, дитяtko королевское, не из красавцев выдался. Девчонка. Впрочем, она тут же померла, никто, сдается мне, особо не спешил пуповину перевязывать. Адда, на свое счастье, родов не пережила. А потом, братец ведьмак, Фольтест в очередной раз сглупил. Ублюдка-то надо было спалить иль, может, закопать где-нить на пустыре, а не хоронить в саркофаге да упрягивать в подземельях дворца.

— Что теперь рассуждать, — поднял голову Геральт. — Поздно. Во всяком случае, надо было вызвать кого-нибудь из Посвященных.

— Это ты о мошенниках со звездочками на колпаках? А как же! Их сюда с десятков слетелось, но уже после того, как стало ясно, что в том склепе лежит. И по ночам из него вылазит. А вылазить-то начало не сразу, э, нет. Семь лет после похорон жили мы спокойно. А тут однажды ночью, аккурат было полнолуние, во дворце визг, крик, переполох! Да что долго рассусоливать, сам знаешь, оповещение королевское читал. Дитяtko подросло, и неплохо, да и зубки вымахали ого-го! Одним словом, упыриха! Эх, жаль, ты трупов не видел. Как я. Иначе б постарался Вызиму стороной обойти.

Геральт молчал.

— И тогда, — продолжал Велерад, — Фольтест скликал к нам целую орду всяческих колдунов. Орали они друг на дружку, чуть не побились своими посохами, которые, видно, носят, чтоб собак отгонять, ежели кто науськает. А науськивают-то, я думаю, регулярно. Ты уж прости, Геральт, ежели у тебя другое мнение о волшебниках. Полагаю, в твоём цеху их тоже немало, но на мой вкус — так это дармоеды и дурни. К вам, ведьмакам, в народе больше уважения и доверия. Вы хоть, как бы это сказать, конкретны, что ли.

Геральт улыбнулся, но смолчал.

— Ну, ближе к делу, — градоправитель, заглянув в кружку, долил пива себе и ривянину. — Некоторые советы этих колдунов казались не такими уж idiotскими. Один, например, предложил спалить упыриху вместе с дворцом и саркофагом, другой посоветовал отрубить ей башку заступом, остальным больше нравились осиновые колья, которые следовало вбить ей в разные части тела, конечно днем, когда дьяволица спит в гробу, притомившись после ночных утех. К несчастью, нашелся один шут в колпаке на лысом черепе, горбатый отшельник, который заявил, что все это чары и колдовство, что их можно расколдовать и из упырицы снова получится Фольтестова дочечка, красивенькая как картинка. Надо только отсидеть в подвале всю ночь — и привет, дело в шляпе. После чего — представляешь себе, Геральт, что это был за придурок, — он отправился на ночь во дворец. Как легко догадаться, осталось от него маловато, почитай, только колпак да посох. Но Фольтест вцепился в его идейку, как репей в собачий хвост. Запретил убивать упырицу и изо всех возможных дыр королевства притащил в Вызиму шарлатанов, чтобы те переколдовали ведьму в принцессу. Это была, доложу я тебе, та еще компания. Какие-то скрюченные бабы, хромоножки, грязные, братец, завшивевшие, — страх, да и только. Слезы. Ну и давай они шаманить, в основном над тарелкой и кружкой. Правда, некоторых Фольтест не без помощи Совета расколдовал быстренько, нескольких даже острастки ради повесил на частоколе, но маловато, маловато. Я б, к примеру, всех их на шибеницу отправил. Ну о том, что за это время упырица ухитрилась загрызть кой-кого, наплевав на мошенников и их заклинания, думаю, говорить не приходится. Да и о том, что Фольтест во дворце больше не жил. И вообще никто уже там не жил.

Велерад замолчал, отхлебнул пива. Ведьмак тоже помалкивал.

— Так оно и идет, Геральт, шесть лет уже, потому как *оно* уродилось лет четырнадцать назад. Были у нас за это время и заботы иного характера, подрались мы с Визимиром из Новиграда, но по вполне достойным, понятным причинам, поскольку речь

шла о передвижке пограничных столбов, а не о каких-то там доченьках или родственниках узах. Фольтест, кстати, уже начинает снова поговаривать о женитьбе и разглядывать присылаемые соседскими дворами портреты, которые раньше прямым ходом отправлял в отхожее место. Но время от времени на него обратно находит, и он принимается рассылать гонцов на поиски новых колдунов. Ну и награду положил три тысячи, из-за чего сбежалось несколько сумасбродов, странствующих рыцарей, даже один свинопас, известный всей округе недоумок, да будет земля ему пухом. А упырице хоть бы хны. Время от времени загрызет кого. Привыкнуть можно. А от тех героев, что пытаются ее расколдовать, хоть та польза, что бестия нажрется, не отходя от саркофага, и не околачивается за пределами дворцовых служб. А Фольтест живет теперь в новом дворце, вполне приличном.

— За шесть лет, — Геральт поднял голову, — за шесть лет никто не покончил с этим делом?

— Правда твоя. — Велерад проницательно глянул на ведьмака. — Потому, похоже, и сделать-то ничего нельзя. Придется терпеть. Я говорю о Фольтесте, нашем возлюбленном и милостивом монархе, который все еще велит приколачивать свои призывы и обращения на перепутьях. Только вот охотников вроде бы поубавилось. Недавно, правда, объявился один, так он хотел эти три тысячи непременно получить вперед. Ну, посадили мы его в мешок, значит, и кинули в озеро.

— Да уж, жулья хватает.

— Это точно. Их даже, я бы сказал, с избытком, — поддакнул ипат, не спуская с ведьмака глаз. — Потому, когда пойдешь во дворец, не требуй золота авансом. Если, конечно, пойдешь.

— Пойду.

— Ну, твое дело. Только не забудь мой совет. Ну а коли уж мы заговорили о награде, то последнее время людишки стали поговаривать о второй части. Я тебе говорил: принцессу в жены. Не знаю, кто это придумал, но ежели упырица выглядит так, как рассказывают, то шуточка получается невеселая. И все ж таки не было недостатка в дурнях, которые во весь опор помчались во дворец, как только разошлась весть, что появилась оказия затесаться в королевскую родню. Конкретно, два сапожниковых подмастерья. Слушай, почему сапожники такие идиоты, Геральт?

— Не знаю. А ведьмаки, милсдарь градоправитель, пытались?

— Не без того, а как же. Однако чаще всего, узнав, что упырицу надобно не убить, а расколдовать, тут же пожимали плечами и уезжали. Потому-то мое уважение к вашему брату серьезно выросло. Ну а потом приехал один, тебя помоложе, имени не упомянул, если он вообще его называл. Этот пробовал.

— Ну и?

— Зубастая принцесса растянула его кишочки на расстоянии полета стрелы.

Геральт покачал головой.

— Это все?

— Был еще один.

Велерад помолчал. Ведьмак не торопил.

— Да, — сказал наконец градоправитель. — Был. Сначала, когда Фольтест пригрозил ему шибеницей, ежели тот прибьет или покалечит упырицу, он только рассмеялся и стал собирать манатки. Ну а потом...

Велерад снова снизил голос почти до шепота:

— Потом принял заказ. Понимаешь, Геральт, у нас в Вызиме есть пара толковых людей, притом и на высоких должностях, которым вся эта фигня осточертела. Слух прошел, будто эти люди втихую убедили ведьмака не тратить времени на всякие там фигли-мигли и чары, с ходу прибить упырицу, а королю сказать, что, мол, чары не подействовали, что-де доченька свалилась с лестницы — несчастный случай на производстве. Король, известно дело, разозлится, но все кончится тем, что он не заплатит ни орена из обещанной награды. Шельма ведьмак в ответ: дескать, задарма сами на чудовищ ходите. Ну что было делать,

скинулись мы, поторговались... Только ничего из этого не получилось.

Геральт поднял брови.

— Ничего, говорю, — сказал Велерад. — Ведьмак не захотел идти туда сразу, в первую же ночь. Лазил, таился, по округе шастал. Наконец, говорят, увидел упырицу, вероятно, в деле, потому что бестия не вылезает из гроба только ради того, чтобы косточки поразмять. Ну, увидел он ее и в ту же ночь слинял, не попрощавшись.

Геральт слегка скривил губы, изобразив некое подобие улыбки.

— У толковых людей, — начал он, — вероятно, целы те деньги? Ведьмаки вперед не берут.

— Ну да, — проговорил Велерад. — Вероятно, целы.

— И сколько там? По слухам.

— Кто говорит, восемьсот... — ухмыльнулся Велерад.

Геральт покрутил головой.

— А кто, — буркнул градоправитель, — тысяча.

— Не густо, если учесть, что сплетни, как правило, завывают. Кстати, король-то дает три тысячи.

— Ага. И невесту в придачу, — съехидничал Велерад. — Да и о чем мы толкуем? Известное дело, не получишь ты тех трех тысяч.

— Это почему же?

Велерад хватил рукой о столешницу.

— Геральт, не порти моего мнения о ведьмаках! Этому уже шесть лет с гаком! Упырица уकोшивает до полусотни людей в год, теперь, может, чуток поменьше, потому как все держатся в стороне от дворца. Нет, братец, я верю в колдовство, приходилось видеть то да се на своем веку, и верю, до определенной степени, разумеется, в способности магов и ведьмаков. Но что до переколдовывания — это уж чепуха, придуманная горбатым и сопливым старикашкой, который вконец поглупел от своего отшельнического харча, ерунда, в которую не верит никто. Кроме Фольтеста. Разве не так, Геральт? Ада родила упырицу, потому что спала с собственным братом, вот в чем суть, и никакие чары тут не помогут. Упырица пожирает людей, как... упырица, и надобно ее прикончить, нормально и попросту. Слушай, два года тому назад кметы из какой-то захудалой дыры под Махакамом, у которых дракон пожирал овец, пошли скопом, забили его дубинами и даже не посчитали нужным похвалиться. А мы тут, в Вызиме, ожидаем чуда каждое полнолуние и запираем двери на семь засовов или же привязываем к столбу перед дворцом преступников, рассчитывая на то, что бестия нажрется и снова нырнет в свой гроб.

— Недурственный способ, — усмехнулся ведьмак. — Преступность пошла на убыль?

— Держи карман шире!

— Как пройти во дворец, в тот, новый?

— Я провожу тебя. А как с предложением толковых людей?

— Ипат, — сказал Геральт, — куда спешить? Ведь несчастный случай на работе может произойти действительно, независимо от моего желания. Тогда толковым людям придется подумать, как спасти меня от королевского гнева и подготовить те тысячу пятьсот орен, о которых болтают... людишки.

— Речь шла о тысяче.

— Э, нет, милсдарь Велерад, — решительно сказал ведьмак. — Тот, кому вы предлагали тысячу, сбежал, стоило ему взглянуть на упырицу, и даже не торговался. Стало быть, риск гораздо выше, чем на тысячу. Ну, конечно, в отличие от него, я предварительно попрощаюсь.

Велерад почесал затылок.

— Геральт? Тысячу двести?

— Нет. Работа не из легких. Король дает три, а должен сказать, что расколдовать порой бывает легче, чем убить. В конце концов, кто-нибудь из моих предшественников убил бы упырицу, если б это было так просто. Вы думаете, они дали себя загрызть только потому, что

боялись короля?

— Ну, лады, братец, — Велерад грустно покачал головой. — По рукам. Только чтоб королю ни гугу о возможном несчастном случае на... производстве. От всей души советую.

3

Фольтест был щупл, отличался красивым — слишком уж красивым — лицом. Ему еще не стукнуло сорока, как решил ведьмак. Он сидел на резном черного дерева карле, протянув ноги к камину, у которого грелись две собаки. Рядом, на сундуке, сидел пожилой, могучего сложения бородатый мужчина. За спиной у короля стоял другой, богато одетый, с гордым выражением на лице. Вельможа.

— Ведьмак из Ривии, — нарушил король недолгую тишину, наступившую после вступительных слов Велерада.

— Да, государь, — наклонил голову Геральт.

— От чего у тебя так голова поседела? От волшебства? Ты вроде бы не стар? Ну ладно, ладно. Шучу. Опыт, надеюсь, у тебя какой-никакой есть?

— Да, государь.

— Рад бы послушать.

— Вы же знаете, государь, — склонился Геральт еще ниже, — что наш кодекс запрещает нам рассказывать о том, что мы делаем.

— Удобный кодекс, господин ведьмак, весьма удобный. Ну, а если, к примеру, без подробностей, с лесовиками дело имел?

— Да.

— С вампирами, лешими?

— Да.

Фольтест замялся.

— С упырями?

— Да.

Геральт поднял голову, глянул королю в глаза.

Фольтест смутился. Вроде бы.

— Велерад!

— Слушаю, государь!

— Ты ввел его в курс?

— Да, государь. Он утверждает, что принцессу можно расколдовать.

— Это-то я давно знаю. А каким образом, уважаемый господин ведьмак? Ах да, запомнил. Кодекс. Ну хорошо. Только одно небольшое замечание. Захаживали тут ко мне несколько ведьмаков. Велерад, ты ему говорил? Хорошо. Поэтому мне ведомо, что ваша специальность в основном предусматривает... умерщвление, а не снятие порчи. Запомни, об этом и думать не смей. Если у моей дочери хоть волос с головы упадет, ты свою на плаху положишь. Это все. Острит и вы, государь Сегелин, останьтесь, сообщите ему все, что он пожелает. Они всегда много спрашивают, ведьмаки. Накормите, и пусть живет во дворце. Нечего по трактирам да корчмам валандаться.

Король встал, свистнул псам и направился к дверям, раскидывая солому, покрывающую пол комнаты. У дверей обернулся.

— Если получится, ведьмак, награда твоя. Возможно, еще кое-что подброшу, если выкажешь себя хорошо. Конечно, в болтовне относительно женитьбы на принцессе нет ни на грош правды. Надеюсь, ты не думаешь, что я выдам дочь за первого попавшегося проходимца?

— Нет, государь, не думаю.

— Ну и славно. Это доказывает, что ты не глуп.

Фольтест вышел, прикрыв за собой двери. Велерад и вельможа, которые до этого стояли, тут же уселись за стол. Ипат допил наполовину полный кубок короля, заглянул в

кувшин, чертыхнулся. Острит, занявший карло короля, глядел на ведьмака исподлобья, поглаживая резные подлокотники. Сегелин, бородач, кивнул Геральту.

— Присаживайтесь, господин ведьмак, присаживайтесь. Сейчас ужин подадут. Так что бы вы хотели узнать? Градоправитель Велерад, я думаю, сказал вам все. Я знаю его, уверен, что он сказал скорее больше, чем меньше.

— Всего несколько вопросов.

— Задавайте.

— Господин градоправитель сказал, что после появления упырицы король призвал многих Посвященных.

— Так оно и есть. Только говорите не «упырица», а «принцесса». Так вам легче будет избежать оговорки при короле... и связанных с нею неприятностей.

— Среди Посвященных был кто-нибудь известный? Знаменитый?

— Такие бывали и тогда, и сейчас. Имен не помню... А вы, господин Острит?

— Не припомню, — сказал вельможа. — Но знаю, что некоторые пользовались славой и признанием. Об этом многие говорили.

— Было ли у них согласие в том, что заклятие можно снять?

— Им далеко было до согласия, — усмехнулся Сегелин. — По любому вопросу. Но такое предположение высказывали. Речь шла о простом, вообще не требующем магических способностей методе, и, как я понял, заключался он в том, чтобы провести ночь, от заката до третьих петухов, в подzemелье, рядом с саркофагом.

— Чего уж проще, — фыркнул Велерад.

— Я хотел бы услышать, как выглядит... принцесса.

— Принцесса выглядит как упырь, — рявкнул Велерад, вскакивая со стула. — Как самый что ни на есть упыристый упырь, о каком мне только доводилось слышать! В ее высочестве, королевской доченьке, проклятом ублюдочном ублюдке, четыре локтя роста, она похожа на бочонок из-под пива, а пасть у нее от уха до уха, полная зубов, острых как кинжалы, у нее кроваво-красные зенки и рыжие патлы. Лапищи с когтями как у рыси, свисают до самой земли! Удивительно, как это мы еще не начали посылать ее миниатюры дружественным дворам! Принцессе, чтоб ее чума взяла, уже четырнадцать годков, самое время выдать замуж за какого-нибудь принца!

— Притормозите, градоправитель, — поморщился Острит, поглядывая на дверь. Сегелин слабо улыбнулся.

— Описание весьма красочное и достаточно точное, а именно это вас интересовало, уважаемый ведьмак, верно? Велерад только забыл добавить, что принцесса передвигается с невероятной быстротой и что она гораздо сильнее, чем можно судить по росту и строению. А то, что ей четырнадцать, — факт. Если это имеет значение.

— Имеет, — сказал ведьмак. — А на людей она нападает только в полнолуние?

— Да, — ответил Сегелин. — Если это случается за стенами старого дворца. Во дворце же люди погибали независимо от фазы Луны. Но из дворца она выходит только по полнолуниям, да и то не всегда.

— Был ли хоть один случай нападения днем?

— Нет. Днем — нет.

— Она всегда пожирает жертвы?

Велерад смачно сплюнул на солону.

— А чтоб тебя, Геральт, сейчас же вечерять будем. Тьфу на тебя! Пожирает, обгладывает, оставляет — по-разному, в зависимости, видать, от настроения. У одного только голову отгрызла, нескольких выпотрошила, а других обгрызла начисто, можно сказать, наголо. Мать ее...

— Осторожнее, Велерад, — прошипел Острит. — Об упырице — что хочешь, но Адду не оскорбляй, потому как при короле-то и сам не отважишься.

— А выжил кто-нибудь из тех, на кого она напала? — спросил ведьмак, казалось, не обратив внимания на вспышку вельможи.

Сегелин и Острит переглянулись.

— Да, — сказал бородач. — В самом начале, лет шесть назад, она набросилась на двух солдат, стоявших на страже у склепа. Одному удалось сбежать.

— И позже, — вставил Велерад, — мельник, на которого она напала за городом. Помните?

4

В комнатку над кордегардией, где поместили ведьмака, мельника привели на другой день поздним вечером. Привел его солдат в плаще с капюшоном.

Особых результатов беседа не дала. Мельник был напуган, бормотал и заикался. Гораздо больше ведьмаку сказали его шрамы: у упырицы были внушающие уважение челюсти и действительно очень острые зубы, в том числе непомерно длинные верхние клыки — четыре, по два с каждой стороны. Когти, пожалуй, острее рысиных, хоть и не такие крючковатые. Впрочем, только поэтому мельнику и удалось вырваться.

Покончив с осмотром, Геральт кивком отпустил мельника и солдата. Солдат вытолкал парня за дверь и скинул капюшон. Это был Фольтест собственной персоной.

— Не вставай, — сказал король. — Визит неофициальный. Ты доволен допросом? Я слышал, ты с утра побывал во дворце?

— Да, государь.

— Когда приступишь к делу?

— До полнолуния четыре дня. После него.

— Хочешь сначала взглянуть на нее?

— Нет нужды. Но насытившаяся... принцесса... будет не так подвижна.

— Упырица, мэтр, упырица. Брось дипломатничать. Принцессой-то она только еще будет. Впрочем, именно об этом я хотел с тобой поговорить. Отвечай неофициально, кратко и толково — будет или не будет? Только не прикрывайся своими кодексами.

Геральт потер лоб.

— Я подтверждаю, государь, что чары можно снять. И если не ошибаюсь, действительно проведя ночь во дворце. Если третьи петухи застанут упырицу вне гробницы, то снимут колдовство. Обычно именно так поступают с упырями.

— Так просто?

— И вовсе не так просто, государь. Во-первых, эту ночь надо пережить. Во-вторых, возможны отклонения от нормы. Например, не одну ночь, а три. Одну за другой. Бывают также случаи... ну... безнадёжные.

— Так. — Фольтеста передернуло. — Только и слышу: убить чудище, потому что это случай неизлечимый! Я уверен, мэтр, что с тобой уже потолковали. А? Дескать, заруби людоедку без церемоний, сразу же, а королю скажи, мол, иначе не получалось. Не заплатит король, заплатим мы. Очень удобно. И дешево. Король велит отрубить голову или повесить ведьмака, а золото останется в кармане.

— А что, король обязательно прикажет обезглавить ведьмака? — поморщился Геральт.

Фольтест долго глядел в глаза ривянину. Наконец сказал:

— Король не знает. Но учитывать такую возможность ведьмак все-таки должен.

Теперь замолчал Геральт.

— Я намерен сделать все, что в моих силах, — сказал он наконец. — Но если дело пойдет скверно, я буду защищаться. Вы, государь, тоже должны учитывать такую возможность.

Фольтест встал.

— Ты меня не понял. Не о том речь. Совершенно ясно, что ты ее убьешь, если станет горячо, нравится мне это или нет. Иначе она убьет тебя, наверняка и бесповоротно. Я не разглашаю этого, но не покарал бы того, кто убьет ее в порядке самообороны. Но я не допущу, чтобы ее убили, не попытавшись спасти. Уже пробовали поджигать старый дворец,

в нее стреляли из луков, копали ямы, ставили силки и капканы, пока нескольких «умников» я не вздернул. Но, повторяю, не о том речь. Слушай, мэтр...

— Слушаю.

— Если я правильно понял, после третьих петухов упырицы не будет. А кто будет?

— Если все пойдет как надо, будет четырнадцатилетняя девочка.

— Красноглазая? С зубищами как у крокодила?

— Нормальная девчонка. Но только...

— Ну?

— Физически.

— Час от часу не легче. А психически? Каждый день на завтрак ведро крови? Девичье бедрышко?

— Нет. Психически... трудно сказать... Думаю, на уровне, ну... трех-четырёхгодовалого ребенка. Ей понадобится заботливый уход. Довольно долго.

— Это ясно. Мэтр?

— Слушаю.

— А это... может повториться? Позже?

Ведьмак молчал.

— Так, — сказал король. — Стало быть, может. И что тогда?

— Если после долгого, затянувшегося на несколько дней беспомысленства она умрет, надо будет сжечь тело. И как можно скорее.

Фольтест нахмурился.

— Однако не думаю, — добавил Геральт, — чтобы до этого дошло. Для верности я дам вам, государь, несколько советов, как уменьшить опасность.

— Уже сейчас? Не слишком ли рано, мэтр? А если...

— Уже сейчас, — прервал ривянин. — По-всякому бывает, государь. Может случиться, что наутро вы найдете в склепе расколдованную принцессу и мой труп.

— Даже так? Несмотря на разрешение на самооборону? Которое, похоже, не шибко тебе и нужно.

— Это дело серьезное, государь. Риск очень велик. Поэтому слушайте: принцесса должна будет постоянно носить на шее сапфир, лучше всего инклюз, на серебряной цепочке. Постоянно. Днем и ночью.

— Что такое инклюз?

— Сапфир с пузырьком воздуха внутри. Кроме того, в камине ее спальни надо будет время от времени сжигать веточки можжевельника, дрока и орешника.

Фольтест задумался.

— Благодарю за советы, мэтр. Я буду придерживаться их, если... А теперь слушай меня внимательно. Если увидишь, что случай безнадежный, убей ее. Если снимешь заклятие, но девочка не будет... нормальной... если у тебя возникнет хотя бы тень сомнения в том, что все прошло удачно, убей ее. Не бойся меня. Я стану на тебя при людях кричать, выгоню из дворца и из города, ничего больше. Награды, разумеется, не дам. Ну, может, что-нибудь выторгуешь... Сам знаешь у кого.

Они помолчали.

— Геральт. — Фольтест впервые назвал ведьмака по имени.

— Слушаю.

— Сколько правды в слухах, будто ребенок родился таким только потому, что Адда была моей сестрой?

— Не много. Порчу надо навести. Чары не возникают из ничего. Но, думаю, ваша связь с сестрой послужила поводом к тому, что кто-то бросил заклинание, а значит, и причиной такого результата.

— Так я и думал. Так говорили некоторые из Посвященных, правда, не все. Геральт. Откуда все это берется? Чары, магия?

— Не знаю, государь. Посвященные пытаются отыскать причины таких явлений. Нам

же, ведьмакам, достаточно знать, что их можно вызывать сосредоточением воли. И знать, как с ними бороться.

— Убивая?

— Как правило. Впрочем, чаще всего за это нам и платят. Мало кто требует снять порчу. В основном люди просто хотят уберечься от опасности. Если же у чудища на совести еще и трупы, то присовокупляется стремление отомстить за содеянное.

Король встал, прошелся по комнате, остановился перед висевшим на стене мечом ведьмака.

— Этим? — спросил он, не глядя на Геральта.

— Нет. Этот против людей.

— Наслышан. Знаешь что, Геральт? Я пойду с тобой в склеп.

— Исключено.

Фольтест повернулся, глаза сверкнули.

— Тебе известно, колдун, что я ее ни разу не видел? Ни при рождении, ни... позже? Боялся. Могу ее уже никогда не увидеть, верно? Имею я право хотя бы видеть, как ты будешь ее убивать?

— Повторяю, исключено. Это верная смерть. И для меня тоже. Стоит мне ослабить внимание, волю... Нет, государь.

Фольтест отвернулся и направился к двери. Геральту показалось, что он уйдет, не произнеся ни слова, без прощального жеста, но король остановился и взглянул на него.

— Ты вызываешь доверие, — сказал он. — Хоть я и знаю, что ты за фрукт. Мне рассказали, что произошло в трактире. Уверен, ты прибил этих головорезов исключительно ради рекламы, чтобы всколыхнуть людей, потрясти меня. Я уверен, ты мог столкнуться с ними и не убивая. Боюсь, мне никогда не узнать, идешь ли ты спасти мою дочь или же убить ее. Но соглашаюсь на это. Вынужден согласиться. Знаешь, почему?

Геральт не ответил.

— Потому что, — сказал король, — думаю, она страдает. Правда?

Ведьмак проницательно посмотрел на короля. Не подтвердил, не сделал ни малейшего жеста, но Фольтест знал. Знал ответ.

5

Геральт в последний раз выглянул в окно дворца. Быстро темнело. За озером помигивали туманные огоньки Вызимы. Вокруг дворца раскинулся пустырь — полоса ничейной земли, которой город за шесть лет отгородился от опасного места, не оставив ничего, кроме развалин, прогнивших балок и остатков щербатого частокола, которые разбирать и переносить, видимо, не окупалось. Дальше всего, на другой край города, перенес свою резиденцию сам король — пузатая башня нового дворца чернела вдали на фоне темно-синего неба.

Ведьмак вернулся к запыленному столу, за которым в одной из пустых, разграбленных комнат готовился. Не спеша, спокойно, обстоятельно. Времени, как он знал, было достаточно. До полуночи упырица из склепа не вылезет.

Перед ним на столе стоял небольшой окованный сундучок. Геральт открыл его. Там тесно, в выложенных сухой травой отделениях, стояли флакончики из темного стекла. Ведьмак вынул три.

Поднял с пола продолговатый сверток, плотно укутанный овечьими шкурами и обвязанный ремнем. Развернул, достал из черных блестящих ножен, покрытых рядами рунических знаков и символов, меч с изукрашенной рукоятью. Острие заиграло идеальным зеркальным блеском. Лезвие было из чистого серебра.

Геральт прошептал формулу, медленно выпил содержимое двух флакончиков, после каждого глотка опуская левую руку на оголовье меча. Потом, плотно закутавшись в черный плащ, сел. На пол. В комнате не было ни одного стула. Как, впрочем, и во всем дворце.

Он сидел неподвижно, прикрыв глаза. Дыхание, поначалу ровное, вдруг ускорилося, стало хриплым, беспокойным. А потом полностью остановилось. Снадобье, с помощью которого ведьмак подчинил себе все органы тела, в основном состояло из чемерицы, дурмана, боярышника и молочая. Остальные компоненты не имели названий ни на одном человеческом языке. Не будь Геральт приучен к таким смесям с детства, это был бы смертельный яд.

Ведмак резко повернул голову. Слух, обострившийся теперь сверх всякой меры, легко вылутил из тишины шелест шагов по заросшему крапивой двору. Это не могла быть упырица. Еще слишком светло. Геральт завел меч за спину, спрятал сундучок в угольях разрушенного камина и тихо, словно летучая мышь, сбежал по лестнице.

На дворе было еще достаточно света, чтобы приближающийся человек мог увидеть лицо ведьмака. Человек — это был Острит — резко попятился, невольная гримаса ужаса и отвращения исказила его лицо. Ведьмак криво усмехнулся — он знал, как выглядит. После мешанины из красавки, аконита и очанки лицо становится блее мела, а зрачки заполняют всю радужницу. Зато микстура позволяет видеть в глубочайшей тьме, а Геральту именно это и было нужно.

Острит быстро взял себя в руки.

— Ты выглядишь так, словно уже стал трупом, колдун, — сказал он. — Не иначе со страха. Не бойся. Я принес тебе жизнь.

Ведмак не ответил.

— Не слышишь, что я сказал, ривский знахарь? Ты спасен. И богат. — Подбросив на руке солидный мешок, Острит кинул его под ноги Геральту. — Тысяча оренгов. Бери, садись на коня и выматывай отсюда!

Ривянин молчал.

— Чего вылутился? — повысил голос Острит. — И не задерживай меня. Я не намерен торчать здесь до полуночи. Не понимаешь? Я не желаю, чтобы ты снимал заклятие. Нет, не думай, будто угадал. Я не в сговоре ни с Велерадом, ни с Сегелином. Просто не желаю, чтобы ты ее убивал. Ты должен уехать и оставить все как есть.

Ведмак не шелохнулся. Он не хотел, чтобы вельможа понял, насколько сейчас обострились и ускорились его движения и реакции. Темнело быстро, это было только на руку Геральту, ведь даже полумрак сумерек был слишком ярким для его расширившихся зрачков.

— А собственно, почему все должно оставаться по-старому? — спросил он, стараясь помедленнее выговаривать слова.

— А вот это, — Острит гордо поднял голову, — не твоего ума дело.

— А если я уже знаю?

— Интересно...

— Легче будет скинуть Фольтеста с трона, если упырица дойдет людей еще больше? Если королевские фокусы вконец осточертеют и вельможам, и народу, верно? Я ехал к вам через Реданию и Новиград. Там на каждом углу толкуют о том, что кое-кто в Вызиме посматривает на короля Визимира как на избавителя и истинного монарха. Но меня, господин Острит, не интересуют ни политика, ни наследование тронов, ни дворцовые перевороты. Я здесь для того, чтобы выполнить работу. Вы никогда не слышали о чувстве долга и элементарной порядочности? О профессиональной этике?

— Не забывай, с кем говоришь, бродяга! — яростно крикнул Острит, сжимая рукоять меча. — Я не привык спорить с кем попало! Этика, кодексы, мораль?! И кто это говорит. Разбойник, который, не успев прибыть, уже прикончил троих. Кто бил поклоны Фольтесту, а за его спиной торговался с Велерадом, словно наемный убийца! И ты еще осмеливаешься задирать голову, холоп? Прикидываться Посвященным? Магом? Чародем? Ты, паршивый ведьмак! Вон отсюда, пока я тебе череп не раскроил!

Ведмак даже не дрогнул.

— Лучше б вам самому уйти, Острит, — сказал он. — Темнеет.

Острит попятился, мгновенно выхватил меч.

— Ты сам того хотел, колдун! Убью! Не помогут тебе твои штучки. При мне черепаший камень.

Геральт усмехнулся. Мнение о могуществе черепашьего камня было столь же распространено, сколь и ошибочно. Но ведьмак не намеревался тратить силы на заклятия и тем более скрещивать серебряный клинок с оружием Острита. Он поднырнул под выписывающее круги острие и серебряными шипами манжета ударил вельможу в висок.

6

Острит очухался быстро и теперь водил глазами в абсолютной тьме. Он был связан. Геральта, стоявшего рядом, он не видел, но сообразил, где находится, и завыл протяжно, дико.

— Молчи, — сказал ведьмак. — Накличешь ее прежде времени.

— Проклятый убийца! Где ты? Развяжи немедленно, сукин ты сын! Вздерну поганца!

— Молчи.

Острит тяжело дышал.

— Оставишь меня ей на съедение? Связанного? — спросил он уже тише и совсем уж тихо добавил грязное ругательство.

— Нет, — сказал ведьмак. — Отпущу. Но не сейчас.

— Подлец, — прошипел Острит. — Чтобы отвлечь упырицу?

— Да.

Острит замолчал, перестал дергаться, лежал спокойно.

— Ведьмак?

— Да.

— А ведь я действительно хотел свалить Фольтеста. И не я один. Но лишь я желал его смерти, хотел, чтобы он помер в муках, чтобы свихнулся, чтобы живьем сгнил. Знаешь почему?

Геральт молчал.

— Я любил Адду. Королевскую сестру. Королевскую любовницу. Королевскую девку. Я любил ее... Ведьмак, ты здесь?

— Здесь.

— Я знаю, что ты думаешь. Но этого не было. Поверь, я не произносил никаких заклятий. Я не знаток по части чар. Только однажды, по злобе, сказал... Только один раз. Ведьмак? Ты слышишь?

— Слышу.

— Это его мать, старая королева. Наверняка она. Не могла видеть, как они с Аддой... Это не я. Я только однажды, понимаешь, пытался уговорить ее, а Адда... Ведьмак! На меня нашло, и я сказал... Ведьмак. Так это я? Я?

— Это уже не имеет значения.

— Ведьмак? Полночь близко?

— Близко.

— Выпусти меня раньше. Дай мне больше времени.

— Нет.

Острит не услышал скрежета отодвигаемой покровной плиты саркофага, но ведьмак услышал. Он наклонился и кинжалом рассек ремни, связывавшие вельможу. Острит не стал дожидаться каких-либо слов, вскочил, неловко заковылял, одеревеневший, побежал. Глаза уже привыкли к темноте, и он увидел дорогу, ведущую из главной залы к выходу.

Из пола с грохотом вылетела плита, закрывавшая вход в склеп. Геральт, предусмотрительно укрывшийся за балюстрадой лестницы, увидел уродливую фигуру упырицы, ловко, быстро и безошибочно устремившейся за удаляющимся топотом башмаков Острита. Упырица не издавала ни звука.

Чудовищный, душераздирающий, сумасшедший визг разорвал ночь, потряс старые стены и не прекращался, то вздымаясь, то опадая и вибрируя. Ведьмак не мог точно оценить расстояние — его обостренный слух ошибался, но он знал, что упырица добралась до Острига быстро. Слишком быстро.

Он вышел на середину залы, встал у выхода из склепа. Отбросил плащ. Повел плечами, поправляя положение меча. Натянул перчатки. У него еще было немного времени. Он знал, что упырица, хоть и нажравшаяся, так быстро труп не бросит. Сердце и печень были для нее ценным запасом пищи, позволяющим долго оставаться в летаргии.

Ведьмак ждал. До зари, по его подсчетам, оставалось еще около трех часов. Пение петуха могло его только спутать. Впрочем, в округе скорее всего вообще не было петухов.

И тут он ее услышал. Она шла медленно, шлепая по полу. А потом он ее увидел.

Описание было точным: спутанный ореол рыжеватых волос окружал непропорционально большую голову, сидящую на короткой шее. Глаза светились во мраке, словно два карбункула. Упырица остановилась, уставившись на Геральта. Вдруг раскрыла пасть — словно похваляясь рядами белых клиновидных зубищ, потом захлопнула челюсть с таким грохотом, будто захлопнула крышку сундука. И сразу же прыгнула, с места, без разбега, целясь в ведьмака окровавленными когтями.

Геральт отскочил, закружился, упырица задела его и тоже закружилась, вспарывая когтями воздух. Она не потеряла равновесия и напала снова, немедленно, с полуоборота, щелкнув зубами у самой груди Геральта. Ривянин отскочил в другую сторону, трижды меняя направление вращения и тем самым сбивая упырицу с толку, отскакивая, сильно, хотя и не с размаху, ударил ее по голове серебряными шипами, сидящими на верхней стороне перчатки, на костяшках пальцев.

Упырица жутко зарычала, заполнив дворец гулким эхом, припала к земле, замерла и принялась выть. Глухо, зловеще, яростно.

Ведьмак зло усмехнулся. Первый «раунд», как он и рассчитывал, прошел успешно. Серебро было убийственным для упырицы, как и для большинства чудовищ, вызванных к жизни колдовством. Так что, выходит, бестия не отличалась от других, а это давало надежду на то, что чары удастся снять, серебряный же меч как крайнее средство гарантировал ему жизнь.

Упырица не спешила нападать. Теперь она приближалась медленно, оскалив клыки, пуская слюни. Геральт попятился, пошел полукругом, осторожно ставя ноги, то замедляя, то ускоряя движение, тем самым рассеивая внимание упырицы, не позволяя ей собраться для прыжка. Продолжая движение, он разматывал длинную тонкую крепкую цепь с грузом на конце. Серебряную цепь.

В тот момент, когда упырица, напрягшись, прыгнула, цепь просвистела в воздухе и, свернувшись змеей, мгновенно оплела руки, шею и голову чудовища. Не довершив прыжка, упырица упала, издав пронзительный визг. Она извивалась на полу, жутко рыча то ли от ярости, то ли от палящей боли, причиняемой ненавистным металлом. Геральт был удовлетворен — убить упырицу, если б он того хотел, не составляло труда. Но он не доставал меча. Пока ничто в поведении упырицы не говорило о том, что это случай неизлечимый. Геральт немного отступил и, не спуская глаз с извивающегося на полу тела, глубоко дышал, собираясь с силами.

Цепь лопнула, серебряные звенья дождем прыснули во все стороны, звеня по камням. Ослепленная яростью упырица, воя, кинулась в атаку. Геральт спокойно ждал и поднятой правой рукой чертил перед собой Знак Аард.

Упырица отлетела на несколько шагов, словно ее ударили молотом, но удержалась на ногах, выставила когти, обнажила клыки. Ее волосы поднялись дыбом, зашевелились так, будто она шла против резкого ветра. С трудом, кашляя, шаг за шагом, медленно, но шла! Все-таки шла!

Геральт забеспокоился. Он, конечно, не ожидал, что такой простой Знак совсем парализует упырицу, но и не думал, что бестия так легко оправится. Он не мог держать Знак

слишком долго — это истощало, а меж тем упырице оставалось пройти не больше десятка шагов. Он резко снял Знак и отскочил вбок. Как и ожидал, застигнутая врасплох, упырица полетела вперед, потеряла равновесие, перевернулась, поскользнулась на полу и покатила вниз по ступеням зияющего в полу входа в склеп. Снизу донеслись истошные вопли.

Чтобы выиграть время, Геральт прыгнул на лестницу, ведущую на галерею. Не успел пройти и половины, как упырица вылетела из склепа и помчалась за ним, словно огромный черный паук... Ведьмак, дождавшись, пока она взбежит на лестницу, тут же перемахнул через поручень и спрыгнул на пол. Упырица развернулась на лестнице, оттолкнулась и кинулась на него в невероятном, чуть ли не десятиметровом прыжке. Она уже не дала так легко провести себя — дважды ее когти рванули кожаную куртку ривянина. Но новый могучий удар серебряных шипов откинул упырицу. Она закачалась. Геральт, чувствуя вздымающуюся в нем ярость, покачнувшись, откинул туловище назад и сильнейшим ударом в бок повалил бестию на пол.

Рык, который она издала, был громче всех предыдущих. С потолка посыпалась штукатурка.

Упырица вскочила, дрожа от неудержимой злобы и жажды убийства. Геральт выжидал. Он уже выхватил меч и, чертя им в воздухе зигзаги, шел, обходил упырицу, следя за тем, чтобы движения меча не совпадали с ритмом и темпом шагов. Упырица не отскочила. Она медленно приближалась, водя глазами вслед за блестящей полоской клинка.

Геральт резко остановился, замер, поднял меч над головой. Упырица растерялась и тоже остановилась. Ведьмак, выписав острием двойной полукруг, сделал шаг в сторону упырицы. Потом еще один. А потом прыгнул, вертя меч над головой.

Упырица съежилась, попятилась. Геральт был все ближе. Глаза его разгорелись зловещим огнем, сквозь стиснутые зубы вырвался хриплый рев. Упырица снова отступила, отброшенная мощью сконцентрированной ненависти, злобы и силы, излучаемой нападающим на нее человеком, бьющей в нее волнами, врывающимися в мозг и внутренности. До боли пораженная неведомым ей прежде ощущением, она издала вибрирующий тонкий визг, закружилась на месте и в панике кинулась в мрачный лабиринт коридоров дворцовых подземелий.

Геральт, сотрясаемый дрожью, остановился посреди зала.

Один.

«Сколько же понадобилось времени, — подумал он, — чтобы этот танец на краю пропасти, эта сумасшедшая, жуткая пляска привела к желаемому результату, позволила добиться психического слияния с противником, проникнуть в глубины сконцентрированной воли, переполнявшей упырицу. Воли злобной, болезненной, породившей эту уродину». Ведьмак вздрогнул, вспомнив тот момент, когда он поглотил этот заряд зла, чтобы, словно зеркало, отразить его и направить на чудовище. Никогда он еще не встречался с такой концентрацией ненависти и убийственного неистовства. Даже у василисков, пользующихся самой дурной славой.

«Тем лучше, — думал он, направляясь ко входу в склеп, огромной черной дырой темнеющему в полу. — Тем лучше, сильнее был удар, полученный самой упырицей». Это дает чуть больше времени на дальнейшие действия, прежде чем бестия оправится от шока. Вряд ли он способен еще на одно такое усилие. Действие эликсиров слабеет, а до рассвета еще далеко. Нельзя допустить, чтобы упырица проникла в склеп до утренней зари, иначе весь труд пойдет насмарку.

Он опустил по ступеням. Склеп был невелик и вмещал три каменных саркофага. У первого от входа крышка была сдвинута. Геральт достал из-за пазухи третий флакончик, быстро выпил содержимое, спустился в саркофаг и лег. Как он и ожидал, саркофаг оказался двойным — для матери и дочери.

Крышку он задвинул только после того, как снова услышал сверху рев упырицы. Он лег навзничь рядом с мумифицированными останками Адды, на плите изнутри начертил Знак Ирген. Меч положил на грудь и поставил маленькие песочные часы, заполненные

фосфоресцирующим песком. Скрестил руки. Воплей упырицы он уже не слышал. Он вообще уже ничего не слышал: четырехлистный вороний глаз и ласточкина трава набирали силу.

7

Когда Геральт открыл глаза, песок в часах уже пересыпался до конца, а значит, он спал даже дольше, чем следовало. Он прислушался — и ничего не услышал. Органы чувств уже работали нормально.

Он взял меч в одну руку, другой провел по крышке саркофага, выговаривая формулу, затем легко сдвинул плиту на несколько вершков.

Тишина.

Он отодвинул крышку еще больше, сел, держа оружие наготове, высунул голову. В склепе было темно, но ведьмак знал, что на дворе светает. Он высек огонь, зажег маленький каганец, поднял, на стенках склепа заплясали странные тени.

Пусто.

Он выбрался из саркофага, занемевший, озябший. И тут увидел ее. Она лежала на спине рядом с гробницей, нагая, без чувств.

Она не была красивой. Худенькая, с маленькими остренькими грудками, грязная. Светло-рыжие волосы укрывали ее почти до пояса. Поставив каганец на плиту, он опустился рядом с девочкой на колени, наклонился. Губы у нее были белые, на скуле большой кровоподтек от его удара. Геральт снял перчатку, отложил меч, бесцеремонно поднял ей пальцем верхнюю губу. Зубы были нормальные. Он хотел взять ее за руку, погруженную в спутанные волосы. И тут, не успев нащупать кисть, увидел раскрытые глаза. Слишком поздно.

Она рванула его когтями по шее, кровь хлестнула ей на лицо. Она взвыла, другой рукой целясь ему в глаза. Он повалился на нее, схватил за запястья, пригвоздил к полу. Она щелкнула зубами — уже короткими — перед его лицом. Геральт ударил ее лбом в лицо, прижал сильнее. У нее уже не было прежних сил, она только извивалась под ним, выла, выплевывала кровь — его кровь, — заливавшую ей рот. Нельзя было терять ни минуты. Геральт выругался и сильно укусил ее в шею под самым ухом, впился зубами и стискивал их до тех пор, пока нечеловеческий вой не перешел в тихий, отчаянный крик, а потом во всхлипывания — плач страдающей четырнадцатилетней девочки.

Когда она перестала двигаться, он отпустил ее, поднялся на колени, выхватил из кармана на рукаве кусок материи, прижал к шее. Нащупал лежащий рядом меч, приставил острие к горлу бесчувственной девочки, наклонился к ее руке. Ногти были грязные, обломанные, окровавленные, но... нормальные. Совершенно нормальные.

Ведьмак с трудом встал. Сквозь вход в склеп уже струилась липко-мокрая серость утра. Он направился к ступеням, но, покачнувшись, тяжело опустился на пол. Просачивающаяся сквозь намокшую материю кровь бежала по руке, стекала в рукав. Он расстегнул куртку, разорвал рубаху и принялся обматывать шею, зная, что времени осталось совсем мало, что он вот-вот потеряет сознание...

Он успел. И погрузился в небытие.

В Вызиме, за озером, петух, распушив перья в холодном, влажном воздухе, хрипло пропел в третий раз.

8

Он увидел побеленные стены и потолок комнаты над кордегардией. Пошевелил головой, кривясь от боли, застонал. Шея была перевязана плотно, солидно, профессионально.

— Лежи, волшебник, — сказал Велерад. — Лежи, не шевелись.

— Мой... меч...

— Да, да. Самое главное, конечно, твой серебряный ведьмачий меч. Здесь он, не волнуйся. И меч, и сундучок. И три тысячи оренгов. Да, да, молчи. Это я — старый дуралей, а ты — мудрый ведьмак. Фольтест не устает твердить это уже два дня.

— Два?

— Ага, два. Недурно она тебя разделала, видно было все, что у тебя там внутри, в шее-то. Ты потерял много крови. К счастью, мы помчались во дворец сразу после третьих петухов. В Вызиме в ту ночь никто глаз не сомкнул. Уснуть было невозможно. Вы там зверски шумели. Тебя не утомляет моя болтовня?

— Прин... цесса?

— Принцесса как принцесса. Худющая. И какая-то бестолковая. Все время плачет. И мочится в постель. Но Фольтест говорит, что это изменится. Я думаю, не к худшему, а, Геральт?

Ведьмак прикрыл глаза.

— Ну, хорошо, хорошо, ухожу. — Велерад поднялся. — Отдыхай. Слушай, Геральт. Прежде чем уйду, скажи, почему ты хотел ее загрызть? А, Геральт?

Ведьмак спал.

Глас рассудка II

1

— Геральт.

Его разбудили ослепительные лучи солнечного света, настойчиво пробивавшиеся сквозь щели в ставнях. Казалось, солнце, стоящее уже высоко, исследует комнату своими золотыми щупальцами. Ведьмак прикрыл глаза ладонью, ненужным неосознанным жестом, от которого никак не мог избавиться, — ведь достаточно было просто сузить зрачки, превратив их в вертикальные щелочки.

— Уже поздно, — сказала Нэннеке, раскрывая ставни. — Вы заспались. Июля, исчезни. Мигом.

Девушка резко поднялась, наклонилась, доставая с полу накидку. На руке, в том месте, где только что были ее губы, Геральт чувствовал струйку еще теплой слюны.

— погоди... — неуверенно сказал он. Она взглянула на него и быстро отвернулась.

Она изменилась. Ничего уже не осталось от той русалки, того сияющего ромашкового видения, которым она была на заре. Ее глаза были синими, не черными. И всю ее усеивали веснушки — нос, грудь, руки. Веснушки были очень привлекательны и сочетались с цветом ее кожи и рыжими волосами. Но он не видел их тогда, на заре, когда она была его сном. Он со стыдом и сожалением отметил, что обижен на нее — ведь она перестала быть мечтой — и что он никогда не простит себе этого сожаления.

— погоди, — повторил он. — Июля... Я хотел...

— замолчи, Геральт, — сказала Нэннеке. — Она все равно не ответит. Уходи, Июля. Поторопись, дитя мое.

Девушка, завернувшись в накидку, поспешила к двери, шлепая по полу босыми ногами, смущенная, порозовевшая, неловкая. Она уже ничем не напоминала...

Йеннифэр.

— Нэннеке, — сказал он, натягивая рубаху. — Надеюсь, ты не в претензии... Ты ее не накажешь?

— Дурачок, — фыркнула жрица, подходя к ложу. — Забыл, где ты? Это же не келья и не Совет старейшин. Это храм Мелитэле. Наша богиня не запрещает жрицам... ничего. Почти.

— Но ты запретила мне разговаривать с ней.

— Не запретила, а указала на бессмысленность этого. Июля молчит.

— Что?

— Молчит, потому что дала такой обет. Это одна из форм самопожертвования, благодаря которому... А, что там объяснять, все равно не поймешь, даже не попытаешься понять. Я знаю твое отношение к религии. Погоди, не одевайся. Хочу взглянуть, как заживает шея.

Она присела на край ложа, ловко смотала с шеи ведьмака плотную льняную повязку. Он поморщился от боли.

Сразу же по его прибытии в Элландер Нэннеке сняла чудовищные толстые швы из сапожной дратвы, которыми его зашили в Вызиме, вскрыла рану, привела ее в порядок и перебинтовала заново. Результат был налицо — в храм он приехал почти здоровым, ну, может, не вполне подвижным. Теперь же он снова чувствовал себя больным и разбитым. Но не протестовал. Он знал жрицу долгие годы, знал, как велики ее познания в целительстве и сколь богата и разнообразна ее аптека. Лечение в храме Мелитэле могло пойти ему только на пользу.

Нэннеке ощупала рану, промыла ее и начала браниться. Все это он уже знал наизусть. Жрица не упускала случая поворчать всякий раз, как только ей на глаза попадалась памятка о когтях вызимской принцессы.

— Кошмар какой-то! Позволить самой обыкновенной упырице так изуродовать себя! Мускулы, жилы, еще чуть-чуть — и она разодрала бы сонную артерию! Великая Мелитэле, Геральт, что с тобой? Как ты мог подпустить ее так близко? Что ты собирался с ней сделать? Оттрахать?

Он не ответил, только кисло улыбнулся.

— Не строй дурацкие рожи. — Жрица встала, взяла с комода сумку с медикаментами. Несмотря на полноту и небольшой рост, двигалась она легко и даже с шармом. — В случившемся нет ничего забавного. Ты теряешь быстроту реакций, Геральт.

— Преувеличиваешь.

— И вовсе нет. — Нэннеке наложила на рану зеленую кашицу, резко пахнущую эвкалиптом. — Нельзя было позволять себя ранить, а ты позволил, к тому же очень серьезно. Прямо-таки пагубно. Даже при твоих невероятных регенеративных возможностях пройдет несколько месяцев, пока полностью восстановится подвижность шеи. Предупреждаю, временно воздержись от драк с бойкими противниками.

— Благодарю за предупреждение. Может, еще посоветуешь, на какие гроши жить? Собрать полдюжины девочек, купить фургон и организовать передвижной бордель?

Нэннеке, пожав плечами, быстрыми уверенными движениями полных рук перевязала ему шею.

— Учить тебя жить? Я что, твоя мать? Ну, готово. Можешь одеваться. В трапезной ожидает завтрак. Поспеш, иначе будешь обслуживать себя сам. Я не собираюсь держать девушек на кухне до обеда.

— Где тебя найти? В святилище?

— Нет. — Нэннеке встала. — Не в святилище. Тебя здесь любят, но по святилищу не шлайся. Иди погуляй. Я найду тебя сама.

— Хорошо.

2

Геральт уже в четвертый раз прошелся по обсаженной тополями аллею, идущей от ворот к жилым помещениям и дальше в сторону утопленного в обрывистую скалу блока святилища и главного храма. После краткого раздумья он решил не возвращаться под крышу и свернул к садам и хозяйственным постройкам. Там несколько послушниц в серых рабочих одеждах пропалывали грядки и кормили в курятниках птиц. В основном это были молодые и очень молодые девушки, почти дети. Некоторые, проходя мимо, приветствовали его кивком или улыбкой. Он отвечал, но не узнавал ни одной. Хоть и бывал в храме часто, порой раза

два в год, но никогда не встречал больше трех-четырёх знакомых лиц. Девушки приходили и уходили — вещуньями в другие храмы, повитухами и лекарками, специализирующимися по женским и детским болезням, странствующими друидками, учительницами либо гувернантками. Но не было недостатка в новых, прибывающих отовсюду, даже из самых удаленных районов. Храм Мелитэле в Элландере пользовался широкой известностью и заслуженной славой.

Культ богини Мелитэле был одним из древнейших, а в свое время — и самых распространенных, и уходил корнями в незапамятные, еще дочеловеческие времена. Почти каждая нелюдская раса и каждое первобытное, еще кочевое, человеческое племя почитали какую-либо богиню урожая и плодородия, покровительницу земледельцев и огородников, хранительницу любви и домашнего очага. Большая часть культов слилась, породив культ Мелитэле.

Время, которое довольно безжалостно поступило с другими религиями и культурами, надежно изолировав их в забытых, редко навещаемых, затерявшихся в городских кварталах церковках и храмах, милостиво обошлось с Мелитэле. У Мелитэле по-прежнему не было недостатка ни в последователях, ни в покровителях. Ученые, анализируя популярность богини, обычно обращались к древнейшим культурам Великой Матери, Матери Природы, указывали на связи с природными циклами, с возрождением жизни и другими пышно именуемыми явлениями. Друг Геральта, трубадур Лютик, мечтавший стать авторитетом во всем мыслимом, искал объяснений попроще. Культ Мелитэле, говорил он, — культ типично женский. Мелитэле — патронесса плодovitости, рождения, она опекунша повивальных бабок. А рожающая женщина должна кричать. Кроме обычных визгов, суть которых, как правило, сводится к клятвенным заверениям, что-де она больше ни за какие коврижки не отдастся ни одному паршивому мужику, рожающая женщина должна призывать на помощь какое-либо божество, а Мелитэле для этого подходит как нельзя лучше. Поскольку же, утверждал поэт, женщины рожали, рожают и рожать будут, постольку богине Мелитэле потеря популярности не грозит.

— Геральт.

— Ты здесь, Нэннеке? Я искал тебя.

— Меня? — усмехнулась жрица. — Не Июлю?

— Июлю тоже, — признался он. — Ты против?

— Сейчас — да. Не хочу, чтобы ты мешал ей и отвлекал. Ей надо готовиться и молиться, если мы хотим, чтобы из ее транса что-нибудь получилось.

— Я уже говорил тебе, — холодно сказал он, — что не хочу никакого транса. Не думаю, чтобы от него была какая-то польза.

— А я, — слегка поморщилась Нэннеке, — не думаю, чтобы от него был какой-то вред.

— Загипнотизировать меня не удастся, у меня иммунитет. Боюсь я за Июлю. Для нее как для медиума это может оказаться чрезмерным усилием.

— Июля не медиум и не умственно отсталая ворожея, а девочка, пользующаяся особым расположением богини. Будь добр, не делай глупых мин. Я сказала, что твое отношение к религиям мне известно. Но мне это никогда особенно не мешало и, думаю, не помешает в будущем. Я не фанатичка. Тебе никто не запрещает считать, что нами правит Природа и скрытая в ней мощь. Тебе вольно думать, что боги, в том числе и моя Мелитэле, — всего лишь персонификация этой Мощи, придуманная для простачков, чтобы они легче ее поняли, признали ее существование. По-твоему, это слепая сила. А мне, Геральт, вера позволяет ожидать от природы того, что воплощено в моей богине: порядка, принципов, добра. И надежды.

— Знаю.

— Ну, а коли знаешь, почему не доверяешь трансу? Чего боишься? Что я заставлю тебя биться лбом об пол перед статуей и распевать псалмы? Да нет же, Геральт! Мы просто немного посидим вместе, ты, я и Июля. И посмотрим, позволяют ли способности этой девочки разобраться в клубке опутывающих тебя сил. Может, узнаем что-нибудь, о чем

хорошо было бы знать. А может, не узнаем ничего. Возможно, окружающие тебя силы Предназначения не пожелают объявиться нам, останутся скрытыми и непонятыми. Не знаю. Но почему бы не попробовать?

— Потому что это бессмысленно. Не окружают меня никакие клубки Предназначений. А если даже и окружают, то на кой ляд в них копать?

— Геральт, ты болен.

— Ты хотела сказать — ранен.

— Я знаю, что хотела сказать. С тобой что-то неладно, я чувствую. Ведь я знаю тебя с малолетства, ты тогда доставал мне только до пояса. А теперь чувствую, тебя захватил какой-то дьявольский вихрь, ты запутался, попал в петлю, которая постепенно затягивается вокруг тебя. Я хочу знать, в чем дело. Самой мне не суметь, я вынуждена положиться на способности Иоли.

— Не слишком ли глубоко ты надумала проникнуть? И к чему эта метафизика? Если хочешь, я исповедуюсь тебе. Заполню твои вечера рассказами о самых интересных событиях последних нескольких лет. Вели приготовить боценок пива, чтобы у меня в горле не пересыхало, и можно начать хоть сейчас. Только боюсь, ты разочаруешься, потому что никаких петель и клубков в моих рассказах не найдешь. Так, простые ведьмачьи истории.

— Послушаю с удовольствием. Но транс, повторяю, не помешал бы.

— А тебе не кажется, — усмехнулся он, — что мое неверие в смысл такого транса заранее перехеривает его целесообразность?

— Не кажется. И знаешь почему? — Нэннеке наклонилась, заглянула ему в глаза, странно улыбнулась. — Потому что это было бы первое известное мне доказательство того, что неверие имеет какую-либо силу.

Крупница истины

1

Черные точки, движущиеся по светлomu, исполосованному облаками небу, привлекли внимание ведьмака. Их было много. Птицы парили, выписывая правильные, спокойные круги, потом резко падали и тут же взмывали, трепеща крыльями.

Ведмак долго наблюдал за птицами, стараясь определить расстояние и хотя бы приблизительно время, потребное на то, чтобы преодолеть его, с поправкой на рельеф местности, густоту леса, глубину и направление яра, о существовании которого он подозревал. Наконец откинул плащ, затянул на две дырочки ремень, наискось пересекающий грудь. Эфес и рукоять меча, висевшего за спиной, выглянули из-за правого плеча.

— Накинем пару верст, Плотвичка, — сказал ведьмак. — Сойдем с тракта. Сдается, пташки кружат не без причины.

Кобыла, само собой, не ответила, но двинулась с места, послушная привычному голосу.

— Кто знает, может, там лось валяется, — сказал Геральт. — А может, и не лось. Кто знает?

Яр действительно оказался там, где он и ожидал, — ведьмак сверху окинул взглядом кроны деревьев, плотно заполняющих распадок. Однако склоны яра были пологими, а дно сухое, без терновника и гниющих стволов. Он легко выбрался на противоположный склон. Там раскинулся березняк, за ним — большая поляна, вересковые заросли и бурелом, тянувший кверху щупальца спутанных веток и корней.

Птицы, спугнутые появлением верхового, взмыли выше, раскричались пронзительно, хрипло.

Геральт сразу же увидел первый труп — белизна овчинного кожушка и матовая голубизна платья резко выделялись на фоне пожелтевших островков осоки. Второго трупа видно не было, но он знал, где тот лежит, — положение тела выдавали позы трех присевших

на задние лапы волков, спокойно взиравших на ездока. Кобыла фыркнула. Волки как по команде не спеша беззвучно потрусили в лес, то и дело оборачивая на пришельца вытянутые морды. Геральт соскочил с лошади.

У женщины в кожанке и голубом платье не было лица, горла и большей части левого бедра. Ведьмак прошел мимо, не наклонившись.

Мужчина лежал лицом к земле. Геральт не стал переворачивать тело, видя, что и здесь волки и птицы не сплеховали. Впрочем, детальнее рассматривать труп не было нужды — плечи и спину шерстяной куртки покрывал ветвистый узор черной засохшей крови. Мужчина явно погиб от удара в шею, а волки изуродовали тело уже потом.

Кроме короткого меча в деревянных ножнах у мужчины на широком поясе висел кожаный мешочек. Ведьмак сорвал его, вывалил на траву кресало, кусочек мыла, воск для печатей, горсть серебряных монет, складной, в кожаном футляре нож для бритвы, кроличье ухо, три ключа на кольце, амулет с фаллическим символом. Два письма, написанных на полотне, намочили от дождя и росы, руны расплылись, размазались. Третье, на пергаменте, тоже подпорченное влагой, все же возможно было прочесть. Это оказалось кредитное поручение, выданное мурривельским банком гномов купцу по имени Рулле Аспен или Аспем. Сумма была невелика.

Геральт наклонился, приподнял правую руку мужчины. Как он и ожидал, на медном кольце, врезавшемся в распухший и посиневший палец, был вычеканен знак цеха оружейников — стилизованные шлем с забралом, два скрещенных меча и выгравированная под ними руна «А».

Ведьмак вернулся к телу женщины. Когда переворачивал тело, что-то кольнуло его в палец. Роза, приколотая к платью. Цветок увял, но лепестки сохранили свой цвет — темно-голубой, почти синий. Геральт впервые видел такую розу. Он перевернул тело на спину и вздрогнул.

На искалеченной шее женщины четко отпечатались следы зубов. Не волчьих.

Ведьмак осторожно попятился к лошади. Не отрывая взгляда от опушки леса, забрался в седло. Дважды объехал поляну, наклонившись, внимательно рассматривал землю, то и дело оглядываясь, потом, придержав лошадь, тихо сказал:

— Да, Плотвичка, дело ясное, хоть и не до конца. Оружейник и женщина приехали верхом, со стороны вон того леса. Конечно, направлялись из Мурривеля домой — ведь никто не возит при себе неиспользованные аккредитивы. Ну а почему ехали здесь, а не по тракту — вопрос. И двигались через вересковые заросли бок о бок. Хотелось бы знать, почему оба слезли или свалились с коней. Оружейник погиб сразу. Женщина бежала, потом упала и тоже скончалась, а та погань, что не оставила следов, тащила ее по земле, ухватив зубами за шею. Стряслось это два или три дня назад. Кони разбрелись, не станем их искать.

Плотва, разумеется не ответив, беспокойно фыркнула, реагируя на знакомый тон голоса.

— Убил их, конечно, — продолжал Геральт, глядя на опушку, — не оборотень и не леший. Ни тот ни другой не оставили бы столько поживы для любителей полакомиться падалью. Если бы здесь было болото, я бы сказал, что это кикимора или глумец. Но здесь нет болот.

Наклонившись, ведьмак немного отвернул попону, прикрывавшую бок лошади, открыл притороченный к вьюку второй меч с блестящей узорчатой чашкой эфеса и черной рифленой рукоятью.

— Да, Плотвичка. Сделаем-ка мы с тобой крюк. Надо посмотреть, чего ради оружейник и женщина ехали лесом, а не по тракту. Если будем спокойно проезжать мимо таких штук, то не заработаем даже тебе на овес, согласна? А, Плотва?

Лошадь послушно двинулась вперед по бурелому, осторожно обходя ямы от вывороченных с корнями деревьев.

— Хоть это и явно не оборотни, рисковать нам ни к чему, — продолжал ведьмак, доставая из торбы, притороченной к седлу, пучок борца и вешая его на мундштук. Лошадь

фыркнула. Геральт расшнуровал куртку у шеи, вытащил медальон с ощерившейся волчьей мордой. Медальон, висевший на серебряной цепочке, раскачивался в такт хода лошади, ртутью поблескивая в лучах солнца.

2

Красные черепицы конической крыши, увенчивающей башню, он заметил с вершины взгорья, на которую поднялся, срезав поворот еле заметной тропинки. Склон, поросший орешником, перекрытый иссохшими ветками, усеянный ковром желтых листьев, был довольно крут. Ведьмак вернулся назад, осторожно спустился с холма, выехал на тропинку. Он ехал медленно, то и дело придерживая Плотвичку, и, свесившись с седла, высматривал следы.

Лошадь дернула головой, дико заржала, заплясала на тропке, вздымая копытами облака высохших листьев. Геральт, охватив шею Плотвы левой рукой, правую сложил в Знак Акий и водил ею над головой лошади, шепча заклинания.

— Неужто так уж скверно? — проворчал он, осматриваясь кругом и не снимая Знака. — Надо же! Спокойно, Плотвичка, спокойно.

Магия подействовала быстро, но подгоняемая ногой лошадь все же тронулась с места тяжело, с трудом, тупо, как-то ходульно, утратив размеренный ритм движения. Ведьмак ловко спрыгнул на землю и пошел пешком, ведя лошадь под уздцы. И наткнулся на забор.

Между каменным забором и лесом не было просвета, листва молодых деревьев и кустов можжевельника спугывалась с плющом и диким виноградом, цеплявшимся за камни. Геральт задрал голову. И тут же почувствовал, как по шее, щекоча, приподнимая волосы, присасывается и ползет какое-то невидимое мягкое существо. Он знал, в чем дело.

Кто-то глядел.

Он медленно, стараясь не делать резких движений, обернулся. Плотвичка фыркнула, мышцы у нее на шее задрожали под кожей.

На склоне, с которого он только что спустился, неподвижно, опершись одной рукой о ствол ольхи, стояла девушка. Ее белое облегающее платье контрастировало с блестящими иссиня-черными растрепанными волосами, спадающими на плечи. Геральту показалось, будто она улыбается, но уверенности не было — она стояла слишком далеко.

— Привет! — бросил он, подняв руку в дружественном жесте, и шагнул в ее сторону.

Девушка, слегка поворачивая голову, следила за его движениями. У нее было бледное лицо и огромные черные глаза. Улыбка — если это была улыбка — слетела с ее губ, словно ее стерли ластиком. Геральт сделал еще шаг. Зашелестели листья. Девушка косулей сбежала по склону, промчалась меж кустов можжевельника и, превратившись в белую черточку, скрылась в глубине леса. Длинное платье, казалось, вовсе не ограничивало свободу ее движений.

Лошадь ведьмака, вздернув морду, испуганно заржала. Геральт, все еще глядевший в сторону леса, машинально успокоил ее Знаком. Ведя Плотву за уздечку, пошел вдоль забора, по пояс утопая в лопухах.

Висящие на проржавевших петлях массивные, окованные железом ворота украшала большая латунная колотушка. После недолгого колебания Геральт протянул руку и коснулся позеленевшего металла. И сразу отскочил, потому что ворота тут же со скрипом распахнулись, разгоняя по сторонам пучки травы, камушки и ветви. За воротами не было никого — лишь пустой двор, запущенный, заросший крапивой. Ведьмак вошел, ведя лошадь за собой. Одурманенная Знаком лошадь не сопротивлялась, но ноги ставила жестко и неуверенно.

Двор с трех сторон был окружен забором и остатками деревянных строительных лесов, четвертую образовывала фасадная стена здания, усеянная оспинами отвалившейся штукатурки, грязными потеками, увитая плющом. Облезлые ставни были закрыты. Двери тоже.

Геральт накинул поводья Плотвички на столбик у ворот и медленно направился к дому по щебенчатой аллейке, проходящей вдоль низкой стенки небольшого фонтана, забитого листьями и мусором. Посередине фонтана на вычурном цоколе вздымался, выгибая к небу отбитый хвост, дельфин, вытесанный из белого камня.

Рядом с фонтаном, на чем-то вроде древней клумбы, рос розовый куст. Ничем, кроме цвета, он не отличался от других кустов роз, какие доводилось видеть Геральту. Цветы были исключением — индиго с легкой примесью пурпура на кончиках некоторых лепестков. Ведьмак коснулся одного, наклонился, понюхал. У цветков был типичный для роз, но немного более резкий запах.

Дверь особняка, а одновременно и все ставни с треском распахнулись. Геральт быстро поднял голову. По аллейке, скрипя щебенкой, прямо на него перло чудище.

Правая рука ведьмака мгновенно взвилась над правым плечом, в тот же миг левая рванула ремень на груди, и рукоять меча сама скользнула в руку. Клинок с шипением выскочил из ножен, описал короткий огненный полукруг и замер, уставившись концом на мчащуюся бестию. Увидев меч, чудище резко остановилось. Щебень прыснул во все стороны. Ведьмак даже не дрогнул.

Существо было человекообразным, выряженным в довольно истрепанную, но хорошего качества одежду, не лишенную со вкусом подобранных, хоть и совершенно нефункциональных украшений. Однако человекообразность эта доходила лишь до грязноватого жабо, а выше вздымалась огромная, косматая медвежья голова с гигантскими ушами, парой диких глазищ и жуткой пастью с кривыми клыками, в которой ярким пламенем шевелился красный язык.

— Вон отсюда, смертный! — рявкнуло чудище, размахивая лапами, но не двигаясь с места. — Сожру! Разорву в клочья!

Ведьмак не шелохнулся, не опустил меча.

— Оглох, что ли? Вон, говорю, отсюда! — зарычало чудище и исторгло из глубин своих звук, напоминающий нечто между визгом свиньи и рыком оленя-самца. Ставни залопотали и захлопали, стряхивая мусор и штукатурку с парапетов. При этом ни ведьмак, ни чудище даже не пошевелились.

— Проваливай, покамест цел! — заорало существо, но вроде бы не так уж уверенно. — А то...

— Что «а то»? — прервал Геральт.

Чудище бурно засопело, наклонило ужасную голову.

— Гляньте-ка, храбрец выискался, — сказало оно спокойно, скаля клыки и глядя на Геральта кроваво-красным глазом. — Опустить свою железяку. Изволь. Может, еще не усек, что ты находишься во дворе моего личного дома? Или там, откуда ты родом, принято угрожать хозяевам мечами на их собственных подворьях?

— Принято, — сказал Геральт. — Но только тем хозяевам, которые приветствуют гостей ревом и посулами разорвать в клочья.

— Ишь ты, — занервничало чудище, — еще оскорбляет, бродяга. Тоже мне гость сыскался. Прет во двор, вытаптывает чужие цветы, распоряжается как дома и думает, что ему немедля поднесут хлеб-соль! Тьфу на тебя!

Чудище сплюнуло, засопело и захлопнуло пасть. Нижние клыки остались снаружи, придавая ему вид кабана-одиночки.

— Ну и что? — сказал ведьмак, опуская меч. — Так и будем стоять?

— А есть другие предложения? Лечь? — хохотнуло чудище. — Говорю же, спрячь железяку.

Ведьмак ловко засунул оружие в ножны на спине, не опуская руки, погладил оголовку, торчащую выше плеча.

— Желательно, — сказал он, — чтоб ты не делал слишком резких движений. Этот меч можно вынуть в любой момент и быстрее, чем думаешь.

— Видел, — кашлянуло чудище. — Если б не это, ты уже давно был бы за воротами с

отметиной моего каблука на заднице. Чего тебе тут надо? Откуда ты взялся?

— Заплутал, — солгал ведьмак.

— Заплутал, — повторило чудище, грозно скривив пасть. — Ну, так выплутывайся. За ворота, стало быть. Обороты левое ухо к солнцу и так и держись — попадешь на тракт. Ну, чего ждешь?

— Вода тут есть? — спокойно спросил Геральт. — Лошадь пить хочет. Да и я тоже. Если тебе это не в тягость.

Чудище переступило с ноги на ногу, почесало ухо.

— Слушай, ты. Ты, что, меня в самом деле не боишься?

— А надо?

Чудище оглянулось, откашлялось, размашисто подтянуло широкие штаны.

— Ладно, чего уж. Гость в дом. Не каждый день встречается человек, который, увидев меня, не драпанул бы или не свалился без чувств. Ну, добро. Ежели ты усталый, но порядочный путник, приглашаю. Но ежели разбойник или вор, знай — дом выполняет мои приказы. За этими стенами команду я!

Он поднял косматую лапу. Ставни тут же заколотились о стену, а в каменном горле дельфина что-то глухо забулькало.

— Приглашаю, — повторил он.

Геральт не пошевелился, внимательно глядя на него.

— Один живешь?

— А тебе какое дело с кем? — зло проговорило чудище, разевая пасть, а потом громко расхохоталось. — Ага, понимаю. Небось, думаешь, держу сорок молодцев, красавцев вроде меня. Нет, не держу. Ну так как, черт побери, воспользуешься приглашением от чистого сердца? Ежели нет, то ворота вон там, как раз за твоим задом.

Геральт сдержанно поклонился и сухо ответил:

— Принимаю приглашение. Закон гостеприимства не нарушу.

— Мой дом — твой дом, — ответило чудище столь же сухо. — Прошу сюда. А кобылу поставь там, у колодца.

Дом внутри тоже требовал солидного ремонта, однако в нем было в меру чисто и опрятно. Мебель вышла, вероятно, из рук хороших мастеров, даже если это и произошло давным-давно. В воздухе витал ощутимый запах пыли. Было темно.

— Свет! — буркнуло чудище, и лучина, воткнутая в железный захват, незамедлительно вспыхнула и выдала пламя и копоть.

— Недурственно, — бросил ведьмак.

— И всего-то? — захохотало чудище. — Похоже, тебя чем попало не проймешь. Я же сказал, дом выполняет мои приказы. Прошу сюда. Осторожнее — лестница крутая. Свет!

На лестнице чудище обернулось.

— А что это у тебя на шее болтается, гостюшка? А?

— Посмотри.

Чудище взяло медальон в лапу, поднесло к глазам, слегка натянув цепочку на шее Геральта.

— У этого животного неприятное выражение... лица. Что это?

— Цеховой знак.

— Ага, вероятно, твое ремесло — намордники? Прошу сюда. Свет!

Середину большой комнаты, в которой не было ни одного окна, занимал огромный дубовый стол, совершенно пустой, если не считать большого подсвечника из позеленевшей латуни, увитого фестоном застывшего воска. Выполняя очередную команду, свечи зажглись, замигали, немного осветив помещение.

Одна из стен была увешана оружием — композициями из круглых щитов, скрещивающихся алебард, рогатин и гизард, тяжелых мечей и топоров. Половину прилегающей стены занимал огромный камин, над которым располагались ряды шелушащихся и облезлых портретов. Стену напротив входа заполняли охотничьи трофеи —

лопаты лосиных рогов, ветвистые рога оленей отбрасывали длинные тени на головы кабанов, медведей и рысей, на взъерошенные и расчехренные крылья орлиных и ястребиных чучел. Центральное, почетное место занимала отливающая старинной бронзой, подпорченная, с торчащей из дыр паклей голова скального дракона. Геральт подошел ближе.

— Его подстрелил мой дедуля, — сказала чудище, кидая в камин огромное полено. — Пожалуй, это был последний дракон в округе, позволивший себя поймать. Присаживайся, гость. Голоден?

— Не откажусь, хозяин.

Чудище уселось за стол, опустило голову, сплело на животе косматые лапы, некоторое время что-то бормотало, крутя большими пальцами, потом негромко рыкнуло, хватив лапой о стол. Тарелки и блюда оловянно и серебристо звякнули, хрустально зазвонили кубки. Запахло жарким, чесноком, душицей, мускатным орехом. Геральт не выдал удивления.

— Так, — потерло лапы чудище. — Получше, чем слуги, а? Угощайся, гость. Вот пулярка, вот ветчина, это паштет из... Не знаю из чего. Это вот рябчики. Нет, ядрена вошь, куропатки. Перепутал, понимаешь, заклинания. Ешь, ешь. Настоящая, вполне приличная еда, не бойся.

— Я и не боюсь. — Геральт разорвал пулярку пополам.

— Совсем забыл, — усмехнулось чудище, — что ты не из пугливых. А звать тебя, к примеру, как?

— Геральт. А тебя, хозяин? К примеру же.

— Нивеллен. Но в округе кличут Ублюдком либо Клыкачом. И детей мною пугают. — Чудище опрокинуло в глотку содержимое гигантского кубка, затем погрузило пальцы в паштет, выхватив из блюда половину за раз.

— Детей, говоришь, пугают, — проговорил Геральт с набитым ртом. — Надо думать, без причин?

— Абсолютно. Твое здоровье, Геральт!

— И твое, Нивеллен.

— Ну как винцо? Заметил, виноградное, не яблочное. Но ежели не нравится, наколдую другого.

— Благодарствую. Вполне, вполне. Магические способности у тебя врожденные?

— Нет. Появились, когда это выросло. Морда, стало быть. Сам не знаю, откуда они взялись, но дом выполняет все, чего ни захочу. Ничего особенного. Так, мелочь. Умею наколдовать жратву, выпивку, одежду, чистую постель, горячую воду, мыло. Любая баба сумеет и без колдовства. Отворяю и запираю окна и двери. Разжигаю огонь. Ничего особенного.

— Ну как-никак, а все же... А эта... как ты сказал, морда, она давно у тебя?

— Двенадцать лет.

— Как это вышло?

— А тебе не все равно? Лучше налей еще.

— С удовольствием. Мне-то без разницы, просто любопытно.

— Повод вполне понятный и в принципе приемлемый, — громко рассмеялось чудище. — Но я его не принимаю. Нет тебе до этого дела, и вся недолга. Однако, чтобы хоть малость удовлетворить твое любопытство, покажу, как я выглядел до того. Взгляни-ка туда, на портреты. Первый от камина — мой папуля. Второй — хрен его знает, кто. Третий — я. Видишь?

Из-под пыли и тенёт с портрета водянистыми глазами взирал какой-то толстячок с пухлой, грустной и прыщавой физиономией. Геральт, который и сам, на манер некоторых портретистов, бывал склонен польстить клиентам, грустно покачал головой.

— Ну, видишь? — ослабившись, повторил Нивеллен.

— Вижу.

— Ты кто такой?

— Не понял.

— Не понял, стало быть? — чудище подняло голову. Глаза у него загорелись, как у кота. — Мой портрет, гостюшка, висит в тени. Я его вижу, но я-то не человек. Во всяком случае, сейчас. Человек, чтобы рассмотреть портрет, подошел бы ближе, скорее всего взял бы свечу. Ты этого не сделал. Вывод прост. Но я спрашиваю без обиняков: ты человек?

Геральт не отвел взгляда.

— Если ты так ставишь вопрос, — ответил он после недолгого молчания, — то не совсем.

— Ага. Вероятно, я не совершу бестактности, если спрошу, кто же ты в таком разе?

— Ведьмак.

— Ага, — повторил Нивеллен, немного помолчав. — Если мне память не изменяет, ведьмаки довольно своеобразно зарабатывают на жизнь. За плату убивают разных чудищ.

— Не изменяет.

Снова наступила тишина. Языки пламени пульсировали, устремлялись вверх тонкими усиками огня, отражались блестками в резном хрустале кубков, в каскадах воска, стекающего по подсвечнику. Нивеллен сидел неподвижно, слегка шевеля огромными ушами.

— Допустим, — сказал он наконец, — ты ухитришься вытащить меч прежде, чем я на тебя прыгну. Допустим, даже успеешь меня полоснуть. При моем весе это меня не остановит, я повалю тебя с ходу. А потом дело докончат зубы. Как думаешь, ведьмак, у кого из нас двоих больше шансов перегрызть другому глотку?

Геральт, придерживая большим пальцем оловянную крышку графина, налил себе вина, отхлебнул, откинулся на спинку стула. Он глядел на чудище ухмыляясь, и ухмылка была исключительно паскудной.

— Та-а-ак, — протянул Нивеллен, ковыряя когтем в уголке пасти. — Надобно признать, ты умеешь отвечать на вопросы, не разбрасываясь словами. Интересно, как ты справишься со следующим? Кто тебе за меня заплатит?

— Никто. Я тут случайно.

— А не врешь?

— Я не привык врать.

— А к чему привык? Мне рассказывали о ведьмаках. Я запомнил, что ведьмаки похищают маленьких детей, которых потом пичкают волшебными травами. Кто выживет, становится ведьмаком, волшебником с нечеловеческими способностями. Их учат убивать, искореняют в них всяческие человеческие чувства и рефлексy. Из них делают чудовищ, задача которых уничтожать других чудовищ. Я слышал, говорили, уже пора начать охоту на ведьмаков, потому как чудовищ становится все меньше, а ведьмаков — все больше. Отведай куропатку, пока вовсе не остыла.

Нивеллен взял с блюда куропатку, целиком запихал в пасть и сжевал, словно сухарик, хрустя косточками.

— Молчишь? — спросил он невнятно, проглатывая птичку. — Что из сказанного правда?

— Почти ничего.

— А вранье?

— То, что чудовищ все меньше.

— Факт, их немало, — ощерился Нивеллен. — Представитель оных как раз сидит перед тобой и раздумывает, правильно ли поступил, пригласив тебя. Мне сразу не понравился твой цеховой знак, гостюшка.

— Ты — никакое не чудовище, Нивеллен, — сухо сказал ведьмак.

— А, черт, что-то новенькое. Тогда кто же я, по-твоему? Клюквенный кисель? Клин диких гусей, тянущийся к югу тоскливым ноябрьским утром? Нет? Так, может, я — святая невинность, потерянная у ручья сисястой дочкой мельника? Э? Геральт? Ну скажи, кто я такой? Неужто не видишь — я аж весь трясусь от любопытства?

— Ты не чудовище. Иначе б не смог прикоснуться к этой вот серебряной тарелке. И уж ни в коем случае не взял бы в руку мой медальон.

— Ха! — рывкнул Нивеллен так, что язычки пламени свечей на мгновение легли горизонтально. — Сегодня явно день раскрытия страшных секретов! Сейчас я узнаю, что уши у меня выросли, потому что я еще сосунком не любил овсянки на молоке!

— Нет, Нивеллен, — спокойно сказал Геральт. — Это — результат сглаза. Уверен, ты знаешь, кто навел на тебя порчу.

— А если и знаю, то что?

— Порчу можно снять. И довольно часто.

— Ты как ведьмак, разумеется, умеешь снимать порчу. Довольно часто?

— Умею. Хочешь попробовать?

— Нет. Не хочу.

Чудище раскрыло пасть и вывесило красный язычище длиной в две пяди.

— Ну что, растерялся?

— Верно, — признался ведьмак.

Чудище захохотало, откинулось на спинку стула.

— Я знал, что растеряешься. Налей себе еще, сядь поудобнее. Расскажу тебе всю эту историю. Ведьмак не ведьмак, а глаза у тебя не злые. А мне, видишь ли, приспичило поболтать. Налей себе.

— Уже нечего наливать-то.

— Дьявольщина, — откашлялось чудище, потом снова хватануло лапой по столу. Рядом с двумя пустыми графинами неведомо откуда появился большой глиняный кувшин в ивовой оплетке. Нивеллен сорвал клыками восковую печать.

— Как ты, вероятно, заметил, — начал он, наполняя кубки, — округа довольно пустынна. До ближайших людских поселений идти да идти. Потому как, понимаешь, папуля с дедулей в свое время особой любовью ни у соседей, ни у проезжих купцов не пользовались. Каждый, кто сюда заворачивал, в лучшем случае расставался с имуществом, если папуля примечал его с башни. А несколько ближних поселков сгорели, потому как папуля, видишь ли, решил, что они задерживают оброк. Мало кто любил моего папулю. Кроме меня, разумеется. Я страшно плакал, когда однажды на возу доставили то, что осталось от моего папочки после удара двуручным мечом. Дедуля в ту пору уже не разбойничал, потому что с того дня, как получил по черепушке железным шестопером, жутко заикался, пускал слюни и редко когда вовремя успевал добежать до сортира. Получилось, что мне как наследнику досталось возглавить дружину.

— Молод я тогда был, — продолжал Нивеллен. — Прямо молокосос, так что парни из дружины мигом меня окружили. Командовал я ими, как понимаешь, не лучше, чем, скажем, поросенок волчьей стаей. Вскоре начали мы вытворять такое, чего папочка, будь он жив, никогда б не допустил. Опускаю детали, перехожу сразу к сути. Однажды отправились мы аж под самый Гелибол, что под Миртом, и грабанули храм. Вдобавок ко всему была там еще и молоденькая жричка.

— Что за храм, Нивеллен?

— Хрен его знает. Но, видать, скверный был храм. Помню, на алтаре лежали черепа и мослы, горел зеленый огонь. Воняло, аж жуть! Но ближе к делу. Парни прижали жричку, стянули с нее одежку, а потом сказали, что, мол, мне пора уже стать мужчиной. Ну, я и стал, дурной сопляк. В ходе становления жричка плюнула мне в морду и что-то выкрикнула.

— Ну?

— Что я — чудище в человеческой шкуре, что буду чудищем из чудищ, что-то о любви, о крови, не помню. Кинжальчик маленький такой был у нее, кажется, спрятан в прическе. Она покончила с собой, и тут... Драпанули мы оттуда, Геральт, так что чуть коней не загнали. Нет. Скверный был храм...

— Продолжай.

— Дальше было так, как сказала жричка. Дня через два просыпаюсь утром, а слуги, как меня увидели, в рев. И в ноги бац! Я к зеркалу... Понимаешь, Геральт, запаниковал я, случился со мной какой-то припадок, помню, как сквозь туман. Короче говоря, трупы.

Несколько. Хватал все, что только под руку попадало, и вдруг стал страшно сильным. А дом помогал как мог: хлопали двери, летали по воздуху предметы, метался огонь. Кто успел, сбежал: тетушка, кухня, парни из дружины, да что там — сбежали даже собаки, воя и поджигая хвосты. Убежала моя кошечка Обжорочка. Со страху удар хватил даже тетушкиного попугая. И вот остался я один, рыча, воя, психуя, разнося в пух и прах что ни попадя, в основном зеркала.

Нивеллен замолчал, вздохнул, шмыгнул носом и продолжал:

— Когда приступ прошел, было уже поздно что-нибудь предпринимать. Я остался один. Никому не мог объяснить, что у меня изменилась только внешность, что, хоть и в ужасном виде, я остался по-прежнему всего лишь глупым пацаном, рыдающим в пустом замке над телами убитых слуг. Потом пришел жуткий страх: вот вернутся те, что спаслись, и прикончат меня, прежде чем я успею растолковать. Но никто не вернулся.

Уродец замолчал, вытер нос рукавом.

— Не хочется вспоминать те первые месяцы, Геральт. Еще и сегодня меня трясет. Давай ближе к делу. Долго, очень долго сидел я в замке, как мышь под метлой, не высывая носа со двора. Если кто-нибудь появлялся — а случалось это редко, — я не выходил, велел дому хлопнуть несколько раз ставнями либо рывкал через водосточную трубу, и этого обычно хватало, чтобы от сбежавшего посетителя только туча пыли осталась. Но вот однажды выглянул я в окно и вижу, как ты думаешь, что? Какой-то толстяк срезает розы с тетушкиного куста. А надобно тебе знать, что это не хухры-мухры, а голубые розы из Назаира, саженцы привез еще дедуля. Злость меня взяла, выскочил я во двор. Толстяк, как только обрел голос, который потерял, увидев меня, провизжал, что хотел-де всего лишь взять несколько цветков для дочурки, и умолял простить его, даровать жизнь и здоровье. Я уже приготовился было выставить его за главные ворота, но тут кольнуло меня что-то, и вспомнил я сказку, которую когда-то рассказывала Леника, моя няня, старая тетеха. Черт побери, подумал я, вроде бы красивые девушки могут превратить лягушку в принца или наоборот, так, может... Может, в этой брехне есть крупица истины, какая-то возможность... Подпрыгнул я на две сажени, зарычал так, что дикий виноград посыпался со стены, и рывкнул: «Дочка или жизнь!» Ничего лучшего в голову не пришло. И тут купец — а это был купец — кинулся в рев, потом признался, что его доченьке всего восемь годков. Ну смешно, а?

— Нет.

— Вот и я не знал, смеяться мне или плакать над своей паскудной судьбой. Жаль мне стало купца, смотреть было тошно, как он трясется, пригласил его в дом, угостил, а на прощание насыпал в мешок золота и камушков. А надобно тебе знать, что в подвалах, еще с папулиных времен, оставалось много добра, я не очень-то знал, что с ним делать, так что мог позволить себе широкий жест. Купец просиял, благодарил, аж всего себя оплевал. Видно, где-то похвалился своим приключением, потому что не прошло и двух месяцев, как прибыл сюда другой купец. Прихватил большой мешок. И дочку. Тоже не малую.

Нивеллен вытянул ноги под столом, потянулся так, что затрещал стул.

— Мы быстренько договорились с торгашом. Решили, что он оставит мне дочурку на год. Пришлось помочь ему закинуть мешок на мула, сам бы он не управился.

— А девушка?

— Сначала, увидев меня, лишилась чувств, думала, я ее съем. Но через месяц мы уже сидели за одним столом, болтали и совершали долгие прогулки. Но хоть она была вполне мила и на удивление толкова, язык у меня заплетался, когда я с ней разговаривал. Понимаешь, Геральт, я всегда робел перед девчатами, надо мной потешались даже девки из хлева, те, у которых вечно ноги в навозе и которых наши дружинники крутили как хотели, и так, и этак, и наоборот. Так даже они надо мной смеялись. Чего же ждать теперь-то, думал я, с этакой мордой? Я даже не решился сказать ей, чего ради так дорого заплатил за один год ее жизни. Год этот тянулся, как вонь за народным ополчением, и наконец явился купец и забрал ее. Я же с отчаяния заперся в доме и несколько месяцев не реагировал ни на каких гостей с

дочками. Но после года, проведенного в обществе купцовой доченьки, я понял, как тяжело, когда некому слова молвить. — Уродец издал звук, долженствовавший означать вздох, но прозвучавший как икота.

— Следующую, — продолжил он немного погодя, — звали Фэнне. Маленькая, шустрая, болтливая, ну прям королек, только что без крылышек. И вовсе не боялась меня. Однажды, аккурат была годовщина моих пострижин, упились мы медовухи и... хе, хе. Я тут же выскочил из-под перины и к зеркалу. Признаюсь, был я обескуражен и опечален. Морда осталась какой была, может, чуточку поглупее. А еще говорят, мол, в сказках — народная мудрость! Хрен цена такой мудрости, Геральт! Ну, Фэнне скоренько постаралась, чтобы я забыл о своих печалях. Веселая была девчонка, говорю тебе. Знаешь, что придумала? Мы на пару пугали непрошенных гостей. Представь себе: заходит такой тип во двор, осматривается, а тут с ревом вылетаю я на четвереньках. А Фэнне, совсем без ничего, сидит у меня на заливке и трубит в дедулин охотничий рог!

Нивеллен затрясся от смеха, сверкнув белизной клыков.

— Фэнне, — продолжал он, — прожила у меня целый год, потом вернулась в семью с крупным приданым. Ухитрилась выйти замуж за какого-то шинкаря, вдовца.

— Продолжай, Нивеллен. Это интересно.

— Да? — сказала чудище, скребя за ушами. — Ну, ну. Очередная, Примула, была дочкой оскудевшего рыцаря. У рыцаря, когда он пожаловал сюда, был только тощий конь, проржавевшая кираса, и был он невероятно длинным. Грязный, как навозная куча, и источал такую же вонь. Примулу, даю руку на отсечение, видно, зачали, когда папочка был на войне, потому как была она вполне ладненькая. И в ней я тоже не возбуждал страха. И неудивительно, потому что по сравнению с ее родителем я мог показаться вполне даже ничего. У нее, как оказалось, был изрядный темперамент, да и я, обретя веру в себя, тоже не давал маху. Уже через две недели у нас с Примулой установились весьма близкие отношения, во время которых она любила дергать меня за уши и выкрикивать: «Загрызи меня, зверюга!», «Разорви меня, bestия!» и тому подобные идиотизмы. В перерывах я бегал к зеркалу, но, представь себе, Геральт, поглядывал в него с возрастающим беспокойством, потому как я все меньше жаждал возврата к прежней, менее работоспособной, что ли, форме. Понимаешь, раньше я был какой-то растяпистый, а стал мужиком хоть куда. То, бывало, постоянно болел, кашлял и из носа у меня текло, теперь же никакая холера меня не брала. А зубы? Ты не поверишь, какие у меня были скверные зубы! А теперь? Могу перегрызть ножку от стула. Скажи, хочешь, чтобы я перегрыз ножку от стула? А?

— Не хочу.

— А может, так-то оно и лучше, — раззявил пасть уродец. — Девочек веселило, как я управлялся с мебелью, и в доме почти не оставалось целых стульев. — Нивеллен зевнул, при этом язык свернулся у него трубкой. — Надоела мне болтовня, Геральт. Короче говоря: потом были еще две — Илика и Венимира. Все шло как обычно. Тоска! Сначала смесь страха и настороженности, потом проблеск симпатии, подпитываемый мелкими, но ценными сувенирчиками, потом: «Грызи меня, съешь меня всю», потом возвращение ихних папуль, нежное прощание и все более ощутимый ущерб в сундуках. Я решил делать длительные перерывы на одиночество. Конечно, в то, что девичий поцелуйчик изменит мою внешность, я уже давно перестал верить. И смирился. Больше того, пришел к выводу, что все и так идет хорошо и ничего менять не надо.

— Так уж и ничего?

— Ну подумай сам. Я тебе говорил, мое здоровье связано именно с таким телом — это раз. Два: мое отличие действует на девушек как дурман. Не смейся! Я совершенно уверен, что в человеческом обличье мне пришлось бы здорово набегаться, прежде чем я нашел бы такую, например, Венимиру, весьма, скажу тебе, красивую девушку. Думаю, такой парень, каким я изображен на портрете, ее бы не заинтересовал. И, в-третьих, безопасность. У папули были враги, некоторым удалось выжить. У тех, кого отправила в мир иной дружина под моим печальным командованием, остались родственники. В подвалах — золото. Если б

не ужас, который я внушаю, кто-нибудь да явился бы за ним. Например, кметы с вилами.

— Похоже, ты уверен, — бросил Геральт, поигрывая пустым кубком, — что в теперешнем своем виде никого не обидел. Ни одного отца, ни одной дочери. Ни одного родственника или жениха дочери. А, Нивеллен?

— Успокойся, Геральт, — буркнуло чудище. — О чем ты говоришь? Отцы чуть не обмочились от радости, увидев мою щедрость. А дочери? Ты бы посмотрел на них, когда они приходили в драных платьях, с лапками, изъеденными щелоком от стирки, спины сутулые от постоянного перетаскивания лоханей. На плечах и бедрах у Примулы еще после двух недель пребывания у меня не прошли следы от ремня, которым потчевал ее папочка-рыцарь. А у меня они ходили графинюшками: самое тяжелое, что в ручки брали, так это веер; понятия не имели, где здесь кухня. Я их наряжал и увешивал цацками. Своим волшебством нагревал по их желанию воду для жестяной ванны, которую папуля еще для мамы увел из Ассенгарда. Представляешь себе? Жестяная ванна?! Редко у какого графа, да что там, короля есть жестяная ванна! Для них, Геральт, это был сказочный дом. А что до постели... Зараза, невинность в наши дни встречается реже, чем горный дракон. Ни одной я не принуждал, Геральт.

— Но ты подозревал, что кто-то мне за тебя заплатит. И кто бы это мог быть?

— Какой-нибудь стервец, которому покоя не дают те крохи, что остались в моих подвалах, а дочек ему боги не дали, — выразительно произнес Нивеллен. — Человеческая жадность не знает предела.

— И больше никто?

— И больше никто.

Они помолчали, глядя на нервно подрагивающие язычки пламени свечей.

— Нивеллен, — вдруг сказал ведьмак. — Сейчас ты один?

— Ведьмак, — не сразу ответил уродец, — я думаю, мне определенно следует покрыть тебя не самыми приличными словами, взять за шиворот и спустить с лестницы. И знаешь за что? За то, что ты считаешь меня придурком. Я давно вижу, как ты прислушиваешься, как зыркаешь на дверь. Ты прекрасно знаешь, что я живу не один. Верно?

— Верно. Прости.

— Что мне твои извинения. Ты ее видел?

— Да. В лесу, неподалеку от ворот. В этом причина того, что купцы с дочками с некоторых пор уезжают от тебя несолоно хлебавши?

— Стало быть, ты и об этом знал? Да, причина в этом.

— Позволь спросить...

— Не позволю.

Опять помолчали.

— Что ж, воля твоя, — наконец сказал ведьмак, вставая. — Благодарю за хлеб-соль, хозяин. Мне пора.

— И верно. — Нивеллен тоже встал. — По известным причинам я не могу предложить тебе ночлег у себя, а останавливаться в здешних лесах не советую. После того, как округа опустела, тут по ночам неладно. Тебе следует вернуться на тракт засветло.

— Учту, Нивеллен. А ты уверен, что не нуждаешься в моей помощи?

Чудище искоса глянуло на него.

— А ты уверен, что можешь мне помочь? Сумеешь освободить от этого?

— Я имел в виду не только это.

— Ты не ответил на вопрос. Хорошо... Пожалуй, ответил. Не сумеешь.

Геральт посмотрел ему прямо в глаза.

— Не повезло вам тогда, — сказал он. — Из всех храмов в Гелиболе и Долине Ниммар вы выбрали аккурат храм Корам Агх Тэра, Львиноголового Паука. Чтобы снять заклятие, брошенное жрицей Корам Агх Тэра, требуются знания и способности, которых у меня нет.

— А у кого есть?

— Так это тебя все-таки интересует? Ты же сказал, будто тебе сейчас хорошо.

— Сейчас, да. А потом... Боюсь...

— Чего?

Уродец остановился в дверях комнаты, обернулся.

— Я сыт по горло твоими вопросами, ведьмак. Ты только и знаешь, что спрашиваешь, вместо того чтобы отвечать. Похоже, тебя надо спрашивать по-другому. Слушай, меня уже некоторое время... Ну, я вижу дурные сны. Может, точнее было бы сказать «чудовищные». Как думаешь, только коротко, я напрасно чего-то боюсь?

— А проснувшись, ты никогда не замечал, что у тебя грязные ноги? Не находил иголок в постели?

— Нет.

— А...

— Нет. Пожалуйста, короче.

— Правильно делаешь, что боишься.

— С этим можно управиться? Пожалуйста, короче.

— Нет.

— Наконец-то. Пошли, я тебя провожу.

Во дворе, пока Геральт поправлял вьюки, Нивеллен погладил кобылу по ноздрям, похлопал по шее. Плотвичка, радуясь ласке, наклонила голову.

— Любят меня зверушки, — похвалился Нивеллен. — Да и я их люблю. Моя кошка Обжорочка, хоть и сбежала вначале, потом все же вернулась. Долгое время это было единственное живое существо, моя спутница недоли. Вереена тоже...

Он осекся, скривил морду.

— Также любит кошек? — усмехнулся Геральт.

— Птиц, — ощерился Нивеллен. — Проговорился, язви его. А, да что там. Это никакая не новая купеческая дочка, Геральт, и не очередная попытка найти крупицу истины в старых небылицах. Это нечто посерьезнее. Мы любим друг друга. Если засмеешься, получишь по мордасам.

Геральт не засмеялся.

— Твоя Вереена, — сказал он, — скорее всего русалка. Знаешь?

— Подозреваю. Худенькая. Черненькая. Говорит редко, на языке, которого я не знаю. Не ест человеческую пищу. Целыми днями пропадает в лесу, потом возвращается. Это типично?

— Более-менее, — ведьмак затянул подпругу. — Ты, верно, думаешь, что она не вернулась бы, если б ты стал человеком?

— Уверен. Знаешь, как русалки избегают людей. Мало кто видел русалку вблизи. А я и Вереена... Эх, язви ее... Ну, бывай, Геральт.

— Бывай, Нивеллен.

Ведьмак дал кобыле в бок и направился к воротам. Урод плелся сбоку.

— Геральт?

— Ну?

— Я не так глуп, как ты думаешь. Ты приехал следом за купцом, который тут недавно побывал. С ним что-то случилось?

— Да.

— Он был у меня три дня назад. С дочкой, впрочем, не из лучших. Я велел дому запереть все двери и ставни, не подавал признаков жизни. Они покрутились по двору и уехали. Девушка сорвала розу с тетушкиного куста и приколола к платью. Ищи их в другом месте. Но будь осторожен, это скверные места... Ночью в лесу опасно. Слышно и видно... неладное.

— Спасибо, Нивеллен. Я не забуду о тебе. Как знать, может, найду кого-то, кто...

— Может, найдешь. А может, и нет. Это моя проблема, Геральт, моя жизнь и моя кара. Я научился переносить, привык. Ежели станет хуже, тоже привыкну. А если уж станет вовсе не вмоготу, не ищи никого, приезжай сам и кончай дело. По-ведьмачьи. Бывай, Геральт.

Нивеллен развернулся и быстро пошел к особняку. Ни разу не оглянувшись.

3

Район был пустынный, дикий, зловеще недружелюбный. До наступления сумерек Геральт на тракт не вернулся, не хотел делать крюк, поехал напрямик, через лес. Ночь, положив меч на колени, провел на лысой вершине высокого холма у небольшого костерка, в который то и дело подбрасывал пучки бореца. Посреди ночи далеко в долине заметил свет, услышал шальной вой и пение и еще что-то такое, что могло быть только криком истязаемой женщины. Едва рассвело, он двинулся туда, но нашел лишь вытопанную поляну и обугленные кости в еще теплом пепле. В кроне могучего дуба что-то верещало и шипело. Это мог быть леший, но мог быть и обычный лесной кот. Ведьмак не стал задерживаться, чтобы проверить.

4

Около полудня, когда он поил Плотвичку у родника, кобыла дико заржала, рванулась, оскалив желтые зубы и грызя мундштук. Геральт машинально успокоил ее Знаком и тут же увидел правильный круг, образованный торчащими из мха головками красноватых грибов.

— Ну, Плотва, ты становишься истеричкой, — сказал он. — Ведь нормальный же ведьмин круг. Что еще за сцены?

Кобыла фыркнула, повернувшись к нему мордой. Ведьмак потер лоб, поморщился, задумался. Потом одним махом оказался в седле, развернул коня, быстро поехал назад по собственным следам.

— «Любят меня зверушки», — буркнул он. — Прости, лошадка. Выходит, у тебя больше ума, чем у меня.

5

Кобыла прыдала ушами, фыркала, рыла копытами землю, не хотела идти. Геральт не стал успокаивать ее Знаком, соскочил с седла, перекинул поводья через голову лошади. На спине у него был уже не старый меч в ножнах из кожи ящера, а блестящее красивое оружие с крестовой гардой и изящной, хорошо отбалансированной рукоятью, оканчивающейся шаровым эфесом из белого металла.

На сей раз ворота перед ним не раскрылись, потому что были и без того раскрыты, как он оставил их, уезжая.

Он услышал пение. Не понимал слов, не мог даже разобрать языка. Да это и не нужно было — ведьмак знал, чувствовал и понимал самую природу, сущность пения — тихого, пронизывающего, разливающегося по жилам волной тошнотворного, обессиляющего ужаса.

Пение резко оборвалось, и тут он увидел ее.

Она прильнула к спине дельфина в высохшем фонтане, охватив обомшелый камень маленькими руками, такими белыми, что они казались прозрачными. Из-под бури спутанных черных волос на него глядели огромные, горящие, широко раскрытые антрацитовые глаза.

Геральт медленно приближался мягкими, пружинящими шагами, обходя фонтан полукругом со стороны забора, мимо куста голубых роз. Существо, прилепившееся к хребту дельфина, поворачивало вслед за ним миниатюрное личико, на котором читалась невыразимая тоска, полная такого очарования, что оно заставляло его постоянно слышать пение, хотя маленькие бледные губы не шевелились.

Ведьмак остановился в десяти шагах. Меч, медленно выползая из черных, покрытых эмалью ножен, блеснул над его головой.

— Это серебро, — сказал он. — Клинок серебряный.

Бледное личико не дрогнуло, антрацитовые глаза не изменили выражения.

— Ты так похожа на русалку, — спокойно продолжал ведьмак, — что можешь обмануть кого угодно. Тем более что ты редкая пташка, чернуля. Но лошади не ошибаются. Таких, как ты, они распознают инстинктивно и безошибочно. Кто ты? Думаю, муля или альп. Обычный вампир не вышел бы на солнце.

Уголки белогубого ротика дрогнули и слегка приподнялись.

— Тебя привлек Нивеллен в своем обличье, верно? Сны, о которых он говорил, — твоя работа? Догадываюсь, что это были за сны, и сочувствую ему.

Черноволосая не пошевелилась.

— Ты любишь птичек, — продолжал ведьмак. — Однако это не мешает тебе перегрызать глотки людям? А? Подумать только, ты и Нивеллен! Хорошая бы вышла парочка, урод и вампириха, хозяева лесного замка. Сразу б подчинили себе все окрест. Ты, вечно жаждущая крови, и он, твой защитник, убийца по заказу, слепое орудие. Но сначала ему надо было стать настоящим чудовищем, а не человеком в маске чудуица.

Огромные черные глаза прищурились.

— Что с ним, черноволосая? Ты пела, значит, насосалась крови. Прибегла к последнему средству — стало быть, не сумела покорить его разум. Я прав?

Черная головка легонько, почти незаметно, кивнула, а уголки губ поднялись еще выше. Выражение маленького личика стало жутеньким.

— Теперь, небось, считаешь себя хозяйкой дома?

Кивок, на этот раз более явный.

— Так ты — муля?

Медленное отрицательное движение головы. Послышалось шипение, которое могло исходить только из бледных, кошмарно усмехающихся губ, хотя ведьмак не заметил, чтобы они пошевелились.

— Альп?

То же движение.

Ведьмак попятился, крепче стиснул рукоять меча.

— Значит, ты...

Уголки губ стали приподниматься выше, все выше, губы раскрылись...

— Брукса! — крикнул ведьмак, бросаясь к фонтану.

Из-за белых губ сверкнули острые клыки. Брукса подпрыгнула, выгнула спину, словно леопард, и взвизгнула. Звуковая волна тараном ударила в ведьмака, сбивая дыхание, ломая ребра, иглами боли вонзаясь в уши и мозг. Отскочив назад, он еще успел скрестить кисти рук в Знак Гелиотроп. Чары немного смягчили удар спиной о забор, но в глазах все равно потемнело, а остатки воздуха со стоном вырвались из легких.

На спине дельфина, в каменном кругу высохшего фонтана, там, где только что сидела изящная девушка в белом платье, расплющилось искрящееся тело огромного черного нетопыря, разевающего продолговатую узкую пасть, заполненную рядами иглоподобных снежно-белых зубов. Развернулись перепончатые крылья, беззвучно захлопали, и существо ринулось на ведьмака, словно стрела, пущенная из арбалета. Геральт, чувствуя во рту железный привкус крови, выкинул вперед руку с пальцами, растопыренными в форме Знака Квен, и выкрикнул заклинание. Нетопырь, шипя, резко повернул, с хохотом взвился в воздух и тут же отвесно спикировал прямо на шею ведьмака. Геральт отпрыгнул, рубанул мечом, но промазал. Нетопырь медленно, грациозно, подвернув одно крыло, развернулся, обошел его и снова напал, разевая зубастую пасть безглазой морды. Геральт ждал, ухватив обеими руками меч и вытянув его в сторону нападающего. В последний момент прыгнул — не в сторону, а вперед, рубанув наотмашь, так что взвыл воздух. И снова промахнулся. Это было так неожиданно, что он выбился из ритма и уклонился с секундной задержкой. В тот же миг когти бестии вцепились ему в щеку, а бархатное влажное крыло принялось хлестать по шее. Ведьмак развернулся на месте, перенес вес тела на правую ногу, резко ударил назад... и в третий раз не достал фантастически подвижного зверя.

Нетопырь замахал крыльями, взлетел, помчался к фонтану. В тот момент, когда кривые когти заскрежетали по камням облицовки, жуткая, истекающая слюной пасть уже расплывалась, изменялась, исчезала, хотя проявляющиеся на ее месте бледные губки все еще не прикрывали убийственных клыков.

Брукса пронзительно, модулируя голос, завывала, уставилась на ведьмака ненавидящими глазами и снова взвыла.

Удар волны был так силен, что переборол Знак. В глазах Геральта завертелись черные и красные круги, в висках и темени заломило. Сквозь боль, высверливающую уши, он услышал голоса, стоны и вопли, звуки флейты и гобоя, гул вихря. Кожа на лице занемела. Тряся головой, он упал на одно колено.

Черный нетопырь беззвучно плыл к нему, разевая на лету зубастую пасть. Геральт, хоть и выбитый из колеи волной рева, среагировал автоматически. Вскочил, молниеносно подстраивая ритм движений к скорости полета чудища, сделал три шага вперед, вольт и полуоборот, и сразу же после этого быстрый, как мысль, удар. Острие не встретило сопротивления. Почти не встретило. Он услышал вопль, но на этот раз — вопль боли, вызванной прикосновением серебра.

Брукса, воя, прилипла к спине дельфина. Немного выше левой груди на белом платье расплывалось красное пятно под рассечкой не больше мизинца длиной. Ведьмак заскрежетал зубами — удар, который должен был расплосовать бестию, обернулся всего лишь царапиной.

— Ори, вампириха, — буркнул он, отирая кровь со щеки. — Визжи. Теряй силы. И тогда уж я срублю твою прелестную головку!

Ты. Ослабнешь первым. Колдун. Убью.

Губы не пошевелились, но ведьмак отчетливо слышал слова, они звучали у него в мозгу, глухо звеня, словно из-под воды.

— Посмотрим, — процедил он и, наклонившись, направился к фонтану.

Убью. Убью. Убью.

— Увидим!

— Вереена!!!

Нивеллен, наклонив голову, обеими руками вцепившись в дверную коробку, выполз из дома. Покачиваясь, двинулся к фонтану, неуверенно размахивая лапами. Полы куртки были заляпаны кровью.

— Вереена! — снова рявкнул он.

Брукса резко повернула голову. Геральт, занеся меч для удара, прыгнул к ней, но она среагировала гораздо быстрее. Резкий вопль — и очередная волна сбила ведьмака с ног. Он рухнул навзничь, пополз по гравию дорожки. Брукса выгнулась, напрягилась для прыжка, клыки у нее заблестели разбойничьими стилетами. Нивеллен, раскинув лапы, как медведь, попытался ее схватить, но она рявкнула ему прямо в морду, откинув на несколько сажен к деревянным лесам у стены, которые тут же с диким треском сломались, похоронив его под кучей досок.

Геральт, уже вскочив, мчался полукругом, обходя двор, стараясь отвлечь внимание бруксы от Нивеллена. Брукса, шурша белым платьем, неслась прямо на него, легко, как бабочка, едва касаясь земли. Она уже не вопила и не пыталась трансформироваться. Ведьмак знал, что она устала. Но знал и то, что, даже уставшая, она по-прежнему смертельно опасна. За спиной Геральта Нивеллен, рыча, ворочался под досками.

Геральт отскочил влево, завертел мечом, дезориентируя бруксу. Она двинулась к нему, белая, страшная, растрепанная. Он недооценил ее — она снова завопила. Он не успел сотворить Знак, отлетел назад, ударился спиной о стену, боль в позвоночнике пронзила ведьмака, парализовала руки, подсекла колени. Он упал на четвереньки. Брукса, певуче воя, прыгнула к нему.

— Вереена!!! — рявкнул Нивеллен.

Она обернулась. И тогда Нивеллен с размаху вонзил ей между грудей обломанный

острый конец трехметровой жерди. Она не крикнула. Только вздохнула. Ведьмак, слыша этот звук, задрожал.

Так они и стояли — Нивеллен на широко расставленных ногах, обеими руками державший жердь, конец которой он зажал под мышкой, и брукса, словно белая бабочка на шпильке, на другом конце жерди, тоже ухватившаяся за нее обеими руками.

Брукса душераздирающе охнула и вдруг сильно нажала на жердь. Геральт увидел, как на ее спине, на белом платье расцвело красное пятно, из которого в потоке крови мерзко и страшно вылезает обломанный острый конец. Нивеллен крикнул, сделал шаг назад, потом второй и начал быстро пятиться, но не отпускал жерди, таща за собой пробитую навывлет бруксу. Еще шаг — и он уперся спиной в стену. Конец жерди, который он держал под мышкой, скрипнул о кирпичи.

Брукса медленно, как-то даже нежно, передвинула маленькие ладони вдоль жерди, вытянула руки на всю длину, сильно ухватила за жердь и нажала снова. Уже почти метр окровавленного дерева торчал у нее из спины. Глаза были широко раскрыты, голова откинута назад. Вздохи стали чаще, ритмичнее, переходя в стон.

Геральт встал, но, зачарованный тем, что видит, по-прежнему не мог ни на что решиться. И тут услышал слова, гудящие внутри черепа, словно под сводом холодного и мокрого подвала.

Мой. Или ничей. Люблю тебя. Люблю.

Снова страшный, прерывистый, захлебывающийся кровью вздох. Брукса рванулась, передвинулась вдоль жерди, протянула руки. Нивеллен отчаянно зарычал, не отпуская жерди, пытаясь отодвинуть бруксу как можно дальше. Напрасно. Она еще больше переместилась вперед, схватила его за голову. Он пронзительно взвыл, замотал косматой головой. Брукса подтянулась еще ближе, наклонила голову к горлу Нивеллена. Клыки сверкнули ослепительной белизной.

Геральт прыгнул. Прыгнул, как высвобожденная пружина. Каждое движение, каждый шаг, которые следовало теперь сделать, были его натурой, были заучены, неотвратимы, автоматичны и смертельно верны. Три быстрых шага. Третий, как сотни подобных шагов до того, кончился на левой ноге могучим, решительным движением. Поворот туловища, резкий, с размаху удар. Он увидел ее глаза. Ничто уже не могло измениться. Услышал ее голос. Впустую. Он крикнул, чтоб заглушить слово, которое она повторяла. Напрасно. Он рубанул.

Рубанул уверенно, как сотни раз до того, серединой лезвия, и тут же, не сбавляя ритма, сделал четвертый шаг и полуоборот. Клинок, в конце полуоборота уже освободившийся, двинулся следом за ним, сверкая, увлекая за собой шлейф красных капель. Волосы цвета воронова крыла заволновались, развеваясь, плыли в воздухе, плыли, плыли, плыли...

Голова упала на гравий.

Чудовищ все меньше?

А я? Кто такой я?

Кто кричит? Птицы?

Женщина в кожане и голубом платье?

Роза из Назаира?

Как тихо!

Как пусто. Какая пустота.

Во мне.

Нивеллен, свернувшись клубком, сотрясаемый спазмами и дрожью, лежал у стены дома в крапиве, обхватив голову руками.

— Встань, — сказал ведьмак.

Молодой, красивый, крепко сложенный мужчина с белой кожей, лежавший у стены, поднял голову, осмотрелся невидящим взглядом. Протер глаза пальцами. Взглянул на свои руки. Ощупал лицо. Тихо застонал, сунул палец в рот, долго водил им по деснам. Снова схватился за лицо и снова застонал, коснувшись четырех кровоточащих вспухших полос на щеках. Охнул, потом засмеялся.

— Геральт! Как это? Как это... Геральт!

— Встань, Нивеллен. Встань и иди. У меня во вьюках лекарства, они нужны нам обоим.

— Я уже... не... Нет? Геральт? Как это?

Ведьмак помог ему встать, стараясь не глядеть на маленькие, белые, словно прозрачные руки, стиснутые на жерди, торчащей между маленькими грудками, облепленными мокрой красной тканью. Нивеллен застонал снова.

— Вереена...

— Не смотри. Идем.

Они пересекли двор, прошли мимо куста голубых роз, поддерживая друг друга. Нивеллен не переставал ощупывать лицо свободной рукой.

— Невероятно, Геральт. Через столько лет! Неужели это возможно?

— В каждой сказке есть крупица истины, — тихо сказал ведьмак. — Любовь и кровь. В них могучая сила. Маги и ученые не первый год ломают себе над этим головы, но поняли только одно...

— Что, Геральт, что?

— Любовь должна быть истинной.

Глас рассудка III

— Я — Фальвик, граф Мойон. А это рыцарь Тайлес из Дорндаля.

Геральт небрежно поклонился, глядя на рыцарей. Оба были в латах и карминовых плащах со знаком Белой Розы на левом плече. Это его немного удивило: в округе, как он знал, не было ни одной командории этого ордена.

Нэннеке, казалось, свободно и беззаботно улыбнулась, заметив его удивление.

— Благородные господа, — сказала она вскользь, удобнее устраиваясь на своем похожем на трон кресле, — пребывают на службе у владельца здешних земель, дюка Эреварда.

— Князя, — подчеркнуто поправил Тайлес, младший из рыцарей, вперившись в жрицу взглядом ясных голубых глаз, в которых стояла неприязнь. — Князя Эреварда.

— Не будем вдаваться в детали, — усмехнулась Нэннеке. — В мои времена князьями именовали только тех, у кого в жилах текла королевская кровь, сегодня, похоже, это уже не имеет значения. Итак, этих господ я тебе представила, теперь объясню цель визита рыцарей Белой Розы в мою скромную обитель. Тебе следует знать, Геральт, что Капитул пытается получить от Эреварда земельные наделы для ордена, поэтому многие рыцари Розы поступили на службу к князю. А много здешних, как, например, Тайлес, присягнули ему и приняли красный плащ, который, кстати, ему так к лицу.

— Такая честь, — ведьмак поклонился, так же небрежно, как и раньше.

— Не думаю, — холодно проговорила жрица. — Они приехали не для того, чтобы оказать тебе честь. А совсем даже наоборот. Они требуют, чтобы ты как можно скорее убрался отсюда. Говоря кратко и по сути, они намерены тебя выгнать. Ты считаешь это честью? Я — нет. Я считаю это оскорблением.

— Думается, благородные рыцари трудились напрасно, — пожал плечами Геральт. — Я не собираюсь здесь поселяться. Уеду сам, к тому же вскоре, и нет нужды меня торопить и... подталкивать.

— Вскоре? Немедленно! — буркнул Тайлес. — Сей же момент! Князь приказывает...

— На территории этого храма приказываю я, — прервала Нэннеке холодным, властным тоном. — Я обычно стремлюсь к тому, чтобы мои распоряжения не вступали в чрезмерное противоречие с политикой Эреварда. Если, конечно, его политика достаточно логична и понятна. В данном конкретном случае она иррациональна, поэтому я не собираюсь воспринимать ее серьезнее, нежели она того заслуживает. Геральт из Ривии мой гость, господа. Его пребывание в моем храме мне приятно. Поэтому Геральт из Ривии останется в моем храме до тех пор, пока ему этого хочется.

— Ты имеешь наглость противиться князю, женщина? — крикнул Тайлес, откидывая на руку плащ и демонстрируя во всей красе рифленный, украшенный латунию нагрудник. — Ты осмеливаешься подрывать авторитет власти?

— Тише, тише, — сказала Нэннеке и прищурилась. — Сбавь тон. Следи за тем, что говоришь и с кем говоришь.

— Я знаю, с кем говорю! — шагнул вперед рыцарь. Фальвик, тот, что постарше, крепко схватил его за локоть и стиснул так, что скрипнула железная перчатка. Тайлес яростно рванулся. — А говорю я то, что выражает волю князя, хозяина здешних владений! Знай, женщина, у ворот нас ожидают двенадцать солдат...

Нэннеке сунула руку в висящий на поясе мешочек и вынула небольшую фарфоровую баночку.

— Поверь мне, я не знаю, — спокойно сказала она, — что будет, если я разобью эту баночку у твоих ног, Тайлес. Возможно, у тебя разорвутся легкие. Не исключено, что ты покроешься шерстью. А может, и то и другое разом, кто знает? Пожалуй, только милостивая Мелитэле.

— Ты смеешь угрожать мне чарами, жрица? Да наши солдаты...

— Ваши солдаты, стоит хоть одному из них коснуться жрицы Мелитэле, будут висеть на акациях вдоль дороги до самого города, причем еще раньше, чем солнце коснется горизонта. Они отлично знают это. Да и ты тоже, Тайлес, так что перестань хамить. Я принимала тебя, сопляк, прости, Господи, обкаканный, и мне жаль твоей матери, но не ищущай судьбу. Не заставляй меня учить тебя хорошим манерам!

— Ну, ладно, ладно, — вставил ведьмак, которому все это уже надоело. — Похоже, моя скромная персона может стать причиной серьезного конфликта, а я не вижу повода потворствовать этому. Милсдарь Фальвик, вы кажетесь мне более уравновешенным, чем ваш спутник, которого, как я вижу, заносит по молодости. Послушайте, милсдарь, я обещаю вскоре покинуть здешние места. Через два-три дня. Заявляю также, что не собираюсь и не собираюсь впредь здесь работать, выполнять заказы и принимать поручения. Я тут не в качестве ведьмака, а просто как частное лицо.

Граф Фальвик глянул ему в глаза, и Геральт сразу понял свой промах. В глазах рыцаря Белой Розы таилась чистая, невозмутимая и ничем не замутненная ненависть. Ведьмаку стало ясно, что выбрасывает и изгоняет его вовсе не дюк Эревард, а Фальвик и ему подобные.

Рыцарь повернулся к Нэннеке, уважительно поклонился и начал речь. Говорил он спокойно и почтительно. Говорил он логично. Но Геральт знал, что Фальвик лжет как сивый мерин.

— Почтенная Нэннеке, прошу простить меня, но князь Эревард, мой сеньор, не желает видеть в своих владениях ведьмака Геральта из Ривии. Неважно, охотится ли Геральт из Ривии на чудовищ или полагает себя частным лицом. Князь знает, что Геральт из Ривии частным лицом не бывает. Ведьмак притягивает неприятности, как магнит железные опилки. Чародеи возмущаются и шлют петиции, друиды в открытую грозятся...

— Не вижу оснований заставлять Геральта из Ривии страдать от разнузданности здешних чародеев и друидов, — прервала жрица. — С каких это пор Эреварда стало интересоваться мнение тех и других?

— Довольно болтать, — поднял голову Фальвик. — Или я выражаюсь недостаточно ясно, почтенная Нэннеке? Тогда скажу так ясно, что яснее некуда: ни князь Эревард, ни Капитул ордена не намерены ни дня терпеть в Элландере ведьмака Геральта из Ривии, известного как Мясник из Блавикена.

— Здесь не Элландер, — вскочила с кресла жрица. — Здесь храм Мелитэле! А я, Нэннеке, главная жрица Мелитэле, не желаю больше ни минуты терпеть вас на территории храма, господи!

— Милсдарь Фальвик, — тихо произнес ведьмак, — послушайтесь гласа рассудка. Я не хочу осложнений, да и вам, мне думается, они ни к чему. Я покину здешние места самое

большее через три дня. Нет, Нэннеке, прошу тебя, помолчи. Мне все равно уже пора в путь. Три дня, граф. Большого я не прошу.

— И правильно делаешь, что не просишь, — сказала жрица, прежде чем Фальвик успел ответить. — Вы слышали, парни? Ведьмак останется здесь на три дня, ибо таково его желание. А я, жрица Великой Мелитэле, буду принимать его у себя эти три дня, ибо таково мое желание. Передайте это вашему Эреварду. Нет, не Эреварду. Его супружнице, благородной Эрмелле, и добавьте, что если она хочет, чтобы не прерывались поставки афродизий из моей аптеки, то пусть успокоит своего дюка. Пусть сдерживает его капризы и фанаберии, которые все больше начинают смахивать на кретинизм.

— Довольно! — тонко крикнул Тайлес, и голос перешел у него в фальцет. — Не желаю слушать, как какая-то шарлатанка оскорбляет моего сеньора и его супругу! Не прошу такого неуважения! Отныне здесь будет править орден Белой Розы. Конец вашим рассадникам тьмы и предрассудков. А я, рыцарь Белой Розы. . .

— Слушай, ты, молокосос, — прервал Геральт, скверно ухмыльнувшись. — Сдержи свой дурной язычишко. Ты разговариваешь с женщиной, которую должно уважать. Тем более рыцарю Белой Розы. Правда, чтобы стать таковым, последнее время достаточно внести в скарбницу Капитула тысячу новиградских крон, потому-то орден и стал скопищем отпрысков ростовщиков и портняжек, но какая-то порядочность в вас, надеюсь, еще сохранилась? Или я ошибаюсь?

Тайлес побледнел и потянулся за мечом.

— Фальвик, — сказал Геральт, не переставая усмехаться, — если он вытянет меч, я отберу и отстегаю сопляка по заднице. А потом вышибу им двери.

Тайлес дрожащей рукой вытащил из-за пояса железную перчатку и со звоном кинул на пол к ногам ведьмака.

— Я смою оскорбление ордена твоей кровью, выродок! — взвизгнул он. — Вызываю тебя на поединок! Выходи во двор!

— У тебя что-то упало, сынок, — спокойно произнесла Нэннеке. — Подними, пожалуйста, здесь сорить не положено, здесь — храм. Фальвик, уведи отсюда своего придурка, иначе это кончится несчастьем. Ты знаешь, что надо передать Эреварду. Впрочем, я напишу ему личное письмо: вы не вызываете у меня доверия. Убирайтесь отсюда. Найдете выход сами, надеюсь?

Фальвик, удерживая разъяренного Тайлеса железной хваткой, поклонился, звякнув латами. Потом посмотрел в глаза ведьмаку. Ведьмак не улыбался. Фальвик перекинул через плечо карминовый плащ.

— Это был не последний наш визит, почтенная Нэннеке, — сказал он. — Мы вернемся.

— Именно этого я опасалась, — холодно ответила жрица. — К несчастью.

Меньшее зло

1

Первыми, как обычно, на него обратили внимание кошки и дети. Полосатый котяра, дремавший на нагретой солнцем поленице, приподнял круглую голову, прижал уши, фыркнул и юркнул в крапиву. Трехгодовалый Драгомир, сын рыбака Тригли, прилагавший на пороге хаты все усилия к тому, чтобы еще больше испачкать и без того грязную рубашонку, раскричался, уставившись полными слез глазами на проезжавшего мимо верхового. Ведьмак ехал медленно, не пытаясь опередить воз с сеном, занимавший всю ширину улицы. За ведьмаком, вытянув шею и то и дело сильно натягивая веревку, трусил привязанный к луке седла навьюченный осел. Кроме обычного груза, длинноухий трудяга таскал на спине большую штукювину, обернутую попоной. Серо-белый бок осла покрывали черные полосы запекшейся крови.

Наконец воз свернул в боковую улочку, ведущую к амбарам и пристани, от которой веяло бризом и несло смолой и воловьей мочой. Геральт поторопил лошадь. Он оставил без внимания приглушенный крик торговли овощами, уставившейся на костлявую, когтистую лапу, свисающую из-под попоны и подпрыгивающую в такт шагам осла. Не оглянувшись и на растущую кучку возбужденных людей, следовавших за ним.

Перед домом войта, как обычно, было полно телег. Геральт соскочил с кобылы, поправил меч на спине, перекинул узду через деревянную коновязь. Толпа, следовавшая за ним, образовала вокруг осла полукольцо.

Вопли войта были слышны уже от самого входа в дом.

— Нельзя, говорю! Нельзя, мать твою! По-людски не понимаешь, паршивец?

Геральт вошел. Перед войтом, низеньким и толстым, покрасневшим от злости, стоял кмет, держа за шею вырывающегося гусака.

— А тебе чего... О Господи! Это ты, Геральт? Уж не ослеп ли я? — И снова обращаясь к просителю, крикнул: — Забирай это, хамло! Оглох, что ли?

— Сказали, — бормотал крестьянин, косясь на гуся, — вот, дескать, надеть чегой-то дать, уважаемый, потому как иначе-то...

— Кто сказал? — рявкнул войт. — Кто? Это что же, выходит, я взятки беру? Не позволю, сказано тебе! Вон, сказано тебе! Привет, Геральт.

— Привет, Кальдемейн.

Войт, пожимая руку ведьмаку, хлопнул его по плечу свободной рукой.

— Ты тут не бывал, почитай, года два? А? Что ж ты нигде не усидишь-то? Откуда занесло? А, хрен с ним, мне все равно откуда! Эй, кто-нибудь, тащите сюда пива! Садись, Геральт, садись. У нас тут, понимаешь, черт-те что творится, потому как завтра ярмарка. Ну что там у тебя, выкладывай!

— Потом. Давай выйдем.

Толпа была уже раза в три побольше, но свободное пространство вокруг осла не уменьшилось. Геральт отвернул попону. Толпа ахнула и попятилась. Кальдемейн широко раскрыл рот.

— Господи, Геральт? Это что такое?

— Кикимора. Не будет ли за нее какой-нибудь награды, милсдарь войт?

Кальдемейн переступил с ноги на ногу, глядя на паучье, обтянутое черной высохшей кожей тело, на остекленевший глаз с вертикальным зрачком, на иглоподобные клыки в окровавленной пасти.

— Где... Откуда...

— На плотине, верстах в четырех от поселка. На болотах. Там, Кальдемейн, кажется, гибли люди. Дети.

— Угу, отлично. Но никто... Кто бы мог подумать... Эй, людишки, по домам, за работу! Тут вам не балаган! Закрой ее, Геральт. Мухи слетаются.

В комнате войт молча схватил кувшин пива и выпил до дна, не отрываясь. Тяжко вздохнул, потянул носом.

— Награды не будет, — угрюмо сказал он. — Никто и не думал, что такая... такой... сидит на соленых болотах. Факт, несколько человек пропало в тамошних местах, но... Мало кто лазил по тем трясинам. А ты-то как там очутился? Почему не ехал большаком?

— На большаках не заработаешь, Кальдемейн.

— Я забыл. — Войт, надув щеки, сдержал отрывку. — А ведь какая была тихая округа! Даже домовые — и те редко отливали бабам в крынки с молоком. И вот, поди ж ты, под самым боком какая-то дрянь. Выходит, надо тебя благодарить. Потому как заплатить — не заплачу. Фондов нету. На награды-то.

— Скверно. Немного наличных мне б не помешали, чтобы перезимовать, — ведьмак отхлебнул из кружки, смахнул с губ пену. — Отправляюсь в Испаден, да не знаю, успею ли до снега. Могу застрять в каком-нибудь городишке вдоль Лутонского тракта.

— Надолго к нам, в Блавикен?

— Нет. Нельзя засиживаться. Зима подпирает.

— Где остановишься? Может, у меня? На мансарде есть свободная комната. На кой тебе к трактирщикам переться? Обдерут как липку, разбойники. Поболтаем, расскажешь, что в мире слышать.

— Охотно. А как на это твоя Либуше? Последний раз, я заметил, она не очень-то меня жалует.

— В моем доме бабы ни гугу. Но так, между нами, постарайся не делать при ней того, что недавно выкинул за ужином.

— Ты имеешь в виду, когда я запустил вилкой в крысу?

— Нет. Я имею в виду, что ты в нее попал, хотя было темно.

— Я думал, будет забавно.

— Оно и было. Только не делай этого при Либуше. Слушай, а эта... как там ее...

Куки...

— Кикимора.

— Она тебе для чего-то нужна?

— Интересно, для чего бы? Если награды не будет, можешь выкинуть ее на помойку.

— А знаешь, это мысль. Эй, Карэлька, Борг, Носикамень! Есть там кто?

Вошел городской стражник с алебардой на плече, с грохотом задев острием о притолоку.

— Носикамень, — сказал Кальдемейн, — прихвати кого-нибудь в помощь, забери от хаты осла вместе с той дрянью, что покрыта попоной, отведи за хлевы и утопи в навозной яме. Усек?

— Угу... Слушаюсь... Только, милсдарь войт...

— Чего еще?

— Может, прежде чем утопить...

— Ну?

— Показать ее мэтру Ириону? А вдруг ему куда-нить сгодится?

Кальдемейн хлопнул ладонью по столу.

— А ты не дурак, Носикамень. Слушай, Геральт, может, наш городской колдун отвалит тебе чего за эту падаль? Рыбаки приносят разных чудовищ, восьминогов там, крабаллонов, каракатов, на этом многие заработали. А ну, пошли в башню.

— Разбогатели? Собственного колдуна завели? Навсегда или временно?

— Навсегда. Мэтр Ирион. Уже год как в Блавикене. Сильный маг, Геральт, сразу видно.

— Не думаю, чтобы ваш сильный маг заплатил за кикимору, — поморщился Геральт. — Насколько мне известно, она на эликсиры не годится. Думаю, Ирион только отчитает меня. Мы, ведьмаки, не очень-то дружим с волшебниками.

— Никогда не слышал, чтобы мэтр Ирион кого-нибудь обругал. Заплатит ли, не обещаю, но попытка не пытка. На болотах таких куки... это, кикимор, может быть, много. И что тогда? Пусть колдун осмотрит ее и в случае чего наведет на топи какие-нибудь чары или чего там еще.

Ведьмак ненадолго задумался.

— Ну что ж, один-ноль в твою пользу, Кальдемейн. Рискнем. Где моя шапка?

2

Башня, сложенная из гладко отесанных гранитных блоков, увенчанная каменными зубцами, выглядела вполне представительно, возвышаясь над побитыми крышами домов и полуразвалившимися кровлями халуп.

— Вижу, подновил, — сказал Геральт. — Волшебством или вас на работы согнал?

— В основном чарами.

— Какой он, этот ваш Ирион?

— Вполне нормальный. Людям помогает. Но отшельник, молчун. Почти не вылезает из башни.

На дверях, украшенных розеттой и инкрустированных светлым деревом, висела огромная колотушка в форме плоской пучеглазой рыбьей головы, державшей в зубастой пасти латунное кольцо. Кальдемейн, видать, знакомый с действием механизма, подошел, откашлялся и проговорил:

— Приветствует войт Кальдемейн, явившийся к мэтру Ириону по делу. С ним приветствует также ведьмак Геральт из Ривии, также явившийся по делу.

Долгое время ничего не происходило, наконец рыба голова, пошевелив зубастыми челюстями, выпустила облако пара.

— Мэтр Ирион не принимает. Уходите, добрые...

— Я не добрый человек, — громко прервал Геральт. — Я ведьмак. А вон там, на осле, лежит кикимора, которую я убил недалеко от городка. Любой волшебник-резидент обязан заботиться о безопасности района. Мэтру Ириону ни к чему оказывать мне честь беседой, и он не обязан меня принимать, ежели такова его воля. Но кикимору пусть осмотрит и сделает соответствующие выводы. Носикамень, раскрой кикимору и свали ее здесь, у самых дверей.

— Геральт, — тихо сказал войт. — Ты-то уедешь, а мне тут придется...

— Пошли, Кальдемейн. Носикамень, вынь палец из носа и делай что велят.

— Сейчас, — проговорила колотушка совсем другим голосом. — Геральт, это верно ты?

Ведьмак тихо выругался.

— Ну, зануда! Да, верно я. Ну и что с того, что это верно я?

— Подойди ближе к двери, — произнесла колотушка, испуская облачко пара. — Один. Я тебя впускаю.

— А как с кикиморой?

— Черт с ней. Я хочу поговорить с тобой, Геральт. Только с тобой. Извините, войт.

— Да чего уж там, мэтр Ирион, — махнул рукой Кальдемейн. — Бывай, Геральт. Увидимся позже. Носикамень! Уродину в жижу!

— Слушаюсь!

Ведьмак подошел к инкрустированной двери, она слегка приоткрылась, ровно настолько, чтобы он мог протиснуться, и тут же захлопнулась, оставив его в полной темноте.

— Эгей! — крикнул он, не скрывая раздражения.

— Готово, — ответил удивительно знакомый голос...

Впечатление было настолько неожиданным, что ведьмак покачнулся и вытянул руки в поисках опоры. Опоры не было.

Сад цвел белым и розовым, воздух был напоен ароматом дождя. Небо пересекала многоцветная радуга, связывая кроны деревьев с далекой голубоватой цепью гор. Домик посреди сада, маленький и скромный, утопал в мальвах. Геральт глянул под ноги и увидел, что стоит по колено в тимьяне.

— Ну, иди же, Геральт, — прозвучал голос. — Я у дома.

Он вошел в сад. Слева заметил движение, оглянулся. Светловолосая девушка, совершенно нагая, шла вдоль кустов, неся корзинку, полную яблок. Ведьмак торжественно поклонился самому себе больше ничему не удивляться.

— Наконец-то. Приветствую тебя, ведьмак.

— Стрегобор! — удивился решивший не удивляться Геральт.

Ведьмаку встречались в жизни разбойники с внешностью городских советников, советники, похожие на вымаливающих подающие старцев, блудницы, смотревшиеся принцессами, принцессы, выглядевшие как стельные коровы, и короли с манерами разбойников. Стрегобор же всегда выглядел так, как по всем канонам и представлениям должен выглядеть чародей. Он был высок, худ, согбен, у него были буйные кустистые брови и длинный крючковатый нос. Вдобавок он носил черный, ниспадающий до земли балахон с широченными рукавами, а в руке держал длинный посох с хрустальным шариком на

конце. Ни один из знакомых Геральту чародеев не выглядел так, как Стрегобор. И — что самое удивительное — Стрегобор действительно был чародеем.

Они присели на терраске, окруженной мальвами, расположившись в плетеных ивовых креслах у столика со столешницей из белого мрамора. Нагая блондинка с корзиной яблок подошла, улыбнулась и снова направилась в сад, покачивая бедрами.

— Тоже иллюзия? — спросил Геральт, любуясь колыхающимися прелестями.

— Тоже. Как и все здесь. Но, дорогой мой, это иллюзия высшего класса. Цветы пахнут, яблоки можешь отведать, пчела может тебя ужалить, а ее, — чародей указал на блондинку, — ты можешь...

— Возможно, позднее...

— И верно. Что поделяешься здесь, Геральт? По-прежнему трудишься, за деньги истребляя представителей вымирающих видов? Что получил за кикимору? Наверное — ничего, иначе б не пришел сюда. Подумать только, есть люди, не верящие в Предназначение. Разве что знал обо мне. Знал?

— Не знал. Уж если я где не ожидал тебя встретить, так именно здесь. Если мне память не изменяет, раньше ты жил в Ковире, в такой же башне.

— Много изменилось с тех пор.

— Хотя бы твоё имя. Теперь ты вроде бы зовешься мэтром Ирионом?

— Так звали строителя этой башни, он скончался лет двадцать назад. Я решил, что его надо как-то почтить, ну и занял его обитель. Я тут сижу за резидента. Большинство горожан живут дарами моря, а, как тебе известно, моя специальность — кроме иллюзий, разумеется, — это погода. Порой шторм пригашу, порой вызову, то западным ветром пригоню ближе к берегу косяк мерлангов или угрей. Жить можно. То есть, — добавил он грустно, — можно бы жить.

— Почему «можно бы»? И зачем ты сменил имя?

— У Предназначения масса обличий. Мое прекрасно снаружи и отвратительно внутри. Оно протянуло ко мне свои окровавленные когти...

— Ты ничуть не изменился, Стрегобор, — поморщился Геральт. — Плетешь ерунду и при этом строишь умные и многозначительные мины. Не можешь говорить нормально?

— Могу, — вздохнул чернокнижник. — Если это доставит тебе удовольствие, могу. Я забрался сюда, сбежав от жуткого существа, которое собралось меня прикончить. Бегство ничего не дало, оно меня нашло. По всей вероятности, попытается убить завтра, в крайнем случае — послезавтра.

— Та-а-ак, — бесстрастно протянул ведьмак. — Теперь понимаю.

— Что-то мне сдается, моя возможная смерть не очень-то тебя волнует.

— Стрегобор, — сказал Геральт. — Таков мир. Путешествуя, видишь многое. Двое бьются из-за межи посреди поля, которое завтра истопчут кони дружин двух здешних графов, жаждущих уничтожить друг друга. Вдоль дорог на деревьях болтаются висельники, в лесах разбойники перерезают глотки купцам. В городах то и дело натыкаешься на трупы в сточных канавах. В дворцах тычут друг друга стилетами, а на пиршествах то и дело кто-нибудь валится под стол, синий от отравы. Я привык. Так чего же ради меня должна волновать грозящая кому-то смерть, к тому же грозящая не мне, а тебе?

— К тому же грозящая мне, — усмехнувшись, повторил Стрегобор. — А я-то считал тебя другом. Надеялся на твою помощь.

— Наша последняя встреча, — сказал Геральт, — имела место при дворе короля Иди в Ковире. Я пришел получить плату за уничтожение амфисбены, которая терроризировала всю округу. Тогда ты и твой собрат Завист наперебой обзывали меня шарлатаном, бездумной машиной для убийств и, если мне память не изменяет, трупоедом. В результате Иди не только не заплатил мне ни шелонга, но еще велел за двенадцать часов убраться из Ковира, а поскольку клепсидра у него была испорчена, я едва-едва успел. А теперь ты говоришь, что рассчитываешь на мою помощь. Говоришь, что тебя преследует чудовище. Чего ты боишься, Стрегобор? Если оно на тебя нападет, скажи ему, что обожаешь чудовищ, оберегаешь их и

сведишь за тем, чтобы ни один трупоедский ведьмак не нарушил их покоя. Ну а уж если и после этого чудовище выпотрошит тебя и сожрет, значит, оно чудовищно неблагодарное чудовище.

Колдун, отвернувшись, молчал. Геральт рассмеялся.

— Не надувайся как жаба, маг. Говори, что тебе угрожает. Посмотрим, что можно сделать.

— Ты слышал о Проклятии Черного Солнца?

— А как же. Слышал. Только под названием Мании Сумасшедшего Эльтибальда. Так звали мага, который устроил бузу, в результате которой перебили или заточили в башни несколько десятков высокородных девиц. Даже королевских кровей. Якобы они были одержимы дьяволом, прокляты, порчены Черным Солнцем, как на вашем напыщенном жаргоне вы окрестили обыкновеннейшее солнечное затмение.

— Эльтибальд, который вовсе не был сумасшедшим, расшифровал надписи на менгирах дауков, на надгробных плитах в некрополях вожгоров, проанализировал легенды и мифы детолаков. Никаких сомнений быть не могло. Черное Солнце должно было предвещать скорое возвращение Лилиты, почитаемой на Востоке под именем Нийями, и гибель человечества. Дорогу для Лилиты должны были проложить «шестьдесят дев в золотых коронах, кои кровью заполнят русла рек».

— Бред, — сказал ведьмак. — И вдобавок нерифмованный. Все приличные предсказания бывают в стихах. Всем известно, что имел в виду Эльтибальд и Совет Чародеев. Вы воспользовались бредом сумасшедшего, чтобы укрепить свою власть, разрушить союзы, не допустить родственных связей, устроить неразбериху в династиях — словом, как следует подергать за веревочки, подвязанные к марионеткам в коронах. А ты мне мозги пудришь какими-то предсказаниями, которых постыдился бы даже кривой старик на ярмарке.

— Можно скептически относиться к теории Эльтибальда, к интерпретациям предсказателей. Но нельзя отрицать того факта, что у девушек, родившихся после затмения, наблюдаются чудовищные мутации.

— Почему же нельзя? Я слышал нечто диаметрально противоположное.

— Я присутствовал при вскрытии одной из них, — сказал волшебник. — Геральт, то, что мы обнаружили внутри черепа и спинного мозга, невозможно было однозначно определить. Какая-то красная губка. Внутренние органы смещены, перемешаны, некоторых вообще нет. Все покрыто подвижными жгутиками, сине-розовыми лоскутиками. Сердце с шестью камерами. Две практически атрофированы, но тем не менее. Что ты на это скажешь?

— Я видел людей, у которых вместо рук орлиные когти, людей с волчьими клыками. Людей с дополнительными суставами, дополнительными органами и дополнительными чувствами. Все это были результаты вашей возни с магией.

— Говоришь, видел различные мутации? — поднял голову чернокнижник. — А скольких из них ты угробил за деньги в соответствии со своим ведьмачьим призыванием? А? Потому как можно иметь волчьи клыки и ограничиться тем, что их показываешь девкам в хлеву, а можно иметь волчью натуру и нападать на детей. Именно так было с рожденными после затмения девочками, у которых обнаружили необъяснимая склонность к жестокости, агрессивность, бурные вспышки гнева и чрезмерный темперамент.

— У любой бабы при желании можно отыскать подобное, — усмехнулся Геральт. — Что ты плетешь? Выпытываешь, сколько мутантов я убил, а почему тебя не интересует, скольких я расколдовал, освободил от сглаза? Я, ведьмак, которого вы презираете. А что сделали вы, могущественные чернокнижники?

— Применили высшую магию. Нашу и священническую в различных храмах. Все испытания окончились смертью девушек.

— Это плохо говорит о вас, а не о девушках. Итак, первые трупы. Насколько я понимаю, вскрывали только их?

— Не только. Не смотри на меня так, сам прекрасно знаешь, что были и еще трупы.

Сначала решили было ликвидировать всех. Но потом передумали... Тех же, которых все-таки... убивали, вскрывали. Одну подвергли вивисекции.

— И вы, сукины дети, еще осмеливаетесь критиковать ведьмаков? Эх, Стрегобор, Стрегобор, придет день, люди поумнеют и возьмутся за вас.

— Не думаю, чтобы это случилось очень скоро, — кисло заметил чародей. — Не забывай, мы действовали, защищая людей. Мутантки залили бы кровью целые страны.

— Так утверждаете вы, колдуны, задрав носы выше своего нимба непогрешимости. Коли уж об этом зашла речь, ты, вероятно, не станешь утверждать, что якобы, охотясь на так называемых мутантов, вы ни разу не ошиблись?

— Ладно, — сказал Стрегобор после долгого молчания. — Буду откровенен, хотя в собственных интересах и не следовало бы. Ошиблись, и к тому же не раз. Разделить их по группам оказалось весьма трудным делом. Поэтому мы перестали их... убивать, а стали изолировать.

— Ну да, ваши знаменитые башни, — фыркнул ведьмак.

— Да, наши башни. Однако это была очередная ошибка. Мы недооценили их, и многие сбежали. Среди принцев, особенно тех, что помоложе, которым нечего было делать, а еще меньше — терять, распространилась какая-то идиотская мода освобождать заключенных красоток. К счастью, большинство свернуло себе шею.

— Насколько мне известно, заточенные в башнях девушки быстро умирали. Поговаривают, не без вашей помощи.

— Наглая ложь. Однако действительно они быстро погружались в апатию, отказывались от пищи... Что интересно, незадолго до смерти у них прорезывался дар ясновидения. Очередное доказательство мутации.

— Что ни доказательство, то все менее убедительное. Может, есть и другие?

— Есть. К примеру, Сильвена, хозяйка в Нароке, к которой нам не удалось даже приблизиться, так быстро она взяла власть в свои руки. Сейчас там творятся жуткие вещи. Фиалка, дочь Эвермира, сбежала из башни, воспользовавшись шнурком, сплетенным из косичек, и давно терроризирует Северный Вельгад. Бернику из Тальгара освободил дурень-принц. Его же и ослепили, и теперь он сидит в яме, а самый заметный элемент пейзажа в Тальгаре — шибеница. Есть и еще примеры.

— Именно что есть, — сказал ведьмак. — В Ямурлаке, например, правит старичок Абрад, у него золотуха, ни одного зуба, родился он, почитай, лет за сто до затмения, а не уснет, ежели кого-нибудь не обезглавят в его присутствии. Вырезал всех родственников и перебил половину страны в состоянии, как это говорится, невменяемости. Заметны и следы чрезмерного темперамента, в юности у него, кажется, прозвище было Абрад Юбкодрал. Эх, Стрегобор, славно было бы, если б жестокость владык можно было объяснить мутацией или заклятиями...

— Послушай, Геральт...

— И не подумай. Ты не убедишь меня в своей правоте и тем более в том, что Эльтибальд не был сумасшедшим разбойником. Вернемся к чудовищу, которое тебе якобы угрожает. Я выслушал тебя и должен сказать: рассказанная тобою история мне не нравится. Но я дослушаю ее до конца.

— Не перебивая ехидными замечаниями?

— Обещать не могу.

— Ну что ж, — Стрегобор засунул руки в рукава балахона, — тем больше это займет времени. Итак, история началась в Крейдене, маленьком северном княжестве. Женой Фредефалька, княжившего в Крейдене, была Аридея, умная, образованная женщина. В роду у нее было множество последователей искусства чернокнижников, и, вероятно, по наследству ей достался довольно редкий и могущественный артефакт, Зеркало Нехалены. Как известно, Зеркалами Нехалены в основном пользовались пророки и ясновидцы, потому что они безошибочно, хоть и путано, предсказывали будущее. Аридея довольно часто обращалась к Зеркалу...

— С обычным, как я думаю, вопросом, — прервал Геральт, — «Кто на свете всех милее?» Насколько мне известно, Зеркала Нехалены подразделяются на льстивые и разбитые.

— Ошибаешься. Аридею больше интересовала судьба страны. А отвечая на ее вопросы, Зеркало предсказало мучительную смерть ее самой и множества ее подданных от руки либо по вине дочери Фредефалька от первого брака. Аридея постаралась, чтобы известие это дошло до Совета, а Совет послал в Крейден меня. Думаю, не надо добавлять, что дочурка Фредефалька родилась вскоре после затмения. Я некоторое время наблюдал за девчонкой. И пока наблюдал, она успела замучить канарейку, двух щенков и ручкой гребня выколоть глаз служанке. Я проделал несколько тестов при помощи заклинаний, большинство их подтвердило, что девчонка была мутантом. Я доложил об этом Аридее, потому что Фредефальк души в доченьке не чаял. Аридея, как я сказал, была женщиной неглупой...

— Ясно, — снова прервал Геральт, — и надо думать, не шибко любила падчерицу. Предпочитала, чтобы трон наследовали ее собственные дети. О дальнейшем можно догадаться. Похоже, там не оказалось никого, кто мог бы свернуть дочурке шею. Да попутно и тебе в придачу.

Стрегобор вздохнул, воздел очи горе, то есть к небу, на котором по-прежнему многоцветно и красочно переливалась радуга.

— Я стоял за то, чтобы ее только изолировать, но княгиня решила иначе. Наняла егеря-бандита и отослала с ним малышку в лес. Позже мы нашли его в зарослях. Он лежал без штанов, так что ход событий восстановить было нетрудно. Она воткнула ему шпильку в мозг через ухо, вероятно, когда его внимание было поглощено совершенно иным.

— Если ты думаешь, что мне его жаль, — буркнул Геральт, — то ошибаешься.

— Мы устроили облаву, — продолжал Стрегобор, — но девчонка как сквозь землю провалилась. А мне пришлось срочно ретироваться из Крейдена, потому что Фредефальк начал что-то подозревать. Лишь спустя четыре года я получил известие от Аридеи. Она выследила девку, та жила в Махакаме с семьей гномами зараза, которых убедил, что гораздо выгоднее обирать купцов на дорогах, чем зарабатывать антракоз в шахтах. Ее всюду называли Сорокопуткой, потому что пойманных она любила живьем насаживать на острые колья. Аридея несколько раз нанимала убийц, но ни один не вернулся. А потом уж трудно было найти желающих, слух о девке прошел повсюду. Мечом научилась работать так, что мало какой мужик мог с ней сравняться. Меня снова вызвали, я тайком явился в Крейден и тут узнал, что Аридею отравили. Все считали, что это работа самого Фредефалька, который высмотрел себе наложницу помоложе и поядренее, но я думаю, без Ренфри тут не обошлось.

— Ренфри?

— Так звали Сорокопутку. Я утверждаю, что Аридею отравила она. Князь Фредефальк вскоре погиб при странных обстоятельствах на охоте, а старший сын Аридеи пропал без вести. Конечно, и это тоже была работа девчонки. Я говорю «девчонка», а ей к тому времени стукнуло уже семнадцать. И она неплохо подросла.

— К тому времени, — продолжал колдун после недолгого молчания, — она и ее гномы уже нагнали страху на весь Махакам. Но однажды они по какому-то поводу повздорили, не знаю, то ли из-за дележа добычи, то ли из-за очередности ночи на неделе, важно, что в ход пошли ножи. Семерка гномов не пережила поножовщины. Вышла сухой из воды только Сорокопутка. Она одна. Но тогда я уже был в Махакаме. Мы встретились нос к носу, она мгновенно узнала меня и тут же сообразила, какова была моя роль тогда в Крейдене. Уверю тебя, Геральт, я едва успел выговорить заклинание, а руки тряслись у меня страшно, когда эта дикая кошка кинулась на меня, размахивая мечом. Я заточил ее в изящную глыбу горного хрусталя, шесть локтей на девять. Когда она погрузилась в летаргию, я кинул глыбу в гномовскую шахту и завалил ствол.

— Халтурная работа, — прокомментировал Геральт. — Легко расколдовать. Нельзя было, что ли, превратить в пепел? Ведь у вас столько исключительно милых заклинаний.

— Не у меня. Не моя специальность. Но ты прав, я схалтурил. Отыскался какой-то

идиот королевич, истратил уйму денег на контрзаклинание, расколдовал ее и с триумфом привез к себе домой, в какое-то замызганное королевство на востоке. Его отец, старый разбойник, оказался умнее. Отстегал сыночка, а Сорокопутку решил выпытать о сокровищах, которые та награбила вместе с гномами и хитроумно упрятала. Ошибка папеньки состояла в том, что когда ее нагую распластали на лавке у палача, у того в помощниках ходил старший сын короля. Как-то так получилось, что наутро тот же старший сын, к этому часу уже осиротевший и лишившийся родни, восседал на троне, а Сорокопутка заняла место первой фаворитки.

— Стало быть, не уродина.

— Дело вкуса. Долго ей в фаворитках ходить не довелось. До первого дворцового, громко говоря, переворота, потому как дворец тот больше походил на коровник. Вскоре оказалось, что она не забыла обо мне. В Ковире организовала на меня три покушения из-за угла. Я решил не рисковать и переждать в Понтаре. Она снова нашла меня. Тогда я сбежал в Ангрэн, но она и тут меня прищучила. Не знаю, как это у нее получается, следы я заметал хорошо. Наверно, свойство ее мутации.

— А что ж ты снова-то ее в хрусталь не заключил? Угрызения совести?

— Нет. Таковых не было. Однако оказалось, что она приобрела иммунитет против магии.

— Невозможно!

— Возможно. Достаточно заполучить соответствующий артефакт или обзавестись аурой. Это опять же могло быть следствием ее прогрессирующей мутации. Я сбежал из Ангрена и спрятался здесь, на Лукоморье, в Блавикене. Год прожил спокойно, но она снова меня вынюхала.

— Откуда знаешь? Она уже здесь?

— Да. Я видел ее в кристалле, — волшебник поднял палочку. — Она не одна, руководит бандой, а значит, замыслила что-то серьезное. Геральт, больше мне бежать некуда, я не знаю такого места, где бы можно было укрыться. Да. То, что ты прибыл сюда именно сейчас, не случайность. Это Предназначение. Судьба. Рок.

Ведьмак поднял брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, это ясно. Ты убьешь ее.

— Я не наемный убийца, Стрегобор.

— Согласен, ты не убийца.

— За деньги я истребляю чудовищ. Бестий, угрожающих людям. Кошмариков и страховидл, созданных чарами и заклинаниями таких типов, как ты. Но не людей.

— Она не человек. Она — чудовище, мутантка, проклятый выродок. Ты привез кикимору. Сорокопутка хуже кикиморы. Кикимора убивает от голода, а Сорокопутка удовольствия ради. Убей ее, и я заплачу столько, сколько ты пожелаешь. В пределах разумного, конечно.

— Я уже сказал: истории о мутации и проклятии Лилиты я считаю вздором. У девушки есть причины расчитаться с тобой, я в это вмешиваться не стану. Обратись к войту, к городской страже. Ты — городской волшебник, на твоей стороне здешний закон.

— Плевать мне на закон, на войта и на его помощь! — взорвался Стрегобор. — Не нужна мне защита, я хочу, чтобы ты ее убил! В эту башню не войдет никто, в ней я в полной безопасности. Но что мне с того, не могу же я сидеть в ней до конца дней своих! Сорокопутка не откажется от своего, пока жива, я знаю. Ну и что, прикажешь мне хиреть в этой башне и ждать, когда придет смерть?

— Девушки сидели... Знаешь что, колдун? Надо было предоставить охотиться на девочек другим чародеям, более могущественным, и предвидеть последствия.

— Я прошу тебя, Геральт.

— Нет, Стрегобор.

Чернокнижник молчал. Ненастоящее солнце на ненастоящем небе нисколько не

сдвинулось к зениту, но ведьмак знал, что в Блавикене уже смеркается. Он почувствовал голод.

— Геральт, — сказал Стрегобор, — когда мы слушали Эльтибальда, у многих из нас возникали сомнения. Но мы решили выбрать меньшее зло. Теперь я прошу тебя о том же.

— Зло — это зло, Стрегобор, — серьезно сказал ведьмак, вставая. — Меньшее, большее, среднее — все едино, пропорции условны, а границы размыты. Я не святой отшельник, не только одно добро творил в жизни. Но если приходится выбирать между одним злом и другим, я предпочитаю не выбирать вообще. Мне пора. Увидимся завтра.

— Возможно, — сказал колдун. — Если успеешь.

3

В «Золотом Дворе», лучшем постоялом дворе городка, былолюдно и шумно. Гости, местные и приезжие, были заняты в основном типичными для их национальности и профессии делами. Серьезные купцы спорили с краснолюдами относительно цен на товары и процентов кредита. Менее серьезные шипали за ягодицы девушек, разносивших пиво и капусту с горохом. Местные придурки прикидывались хорошо информированными. Девки всеми силами старались понравиться толстосумам, в то же время отталкивая безденежных. Возницы и рыбаки пили так, словно завтра с утра запретят выращивать хмель. Моряки распевали песни, восхваляющие морские волны, отвагу капитанов и прелести сирен, последнее — красочно и в деталях.

— Напряги память, Сотник, — сказал Кальдемейн трактирщику, перегибаясь через стойку так, чтобы его можно было услышать. — Шесть парней и девка, одетые в черные, украшенные серебром кожи по новиградской моде. Я видел их на заставе. Они остановились у тебя или «Под Альбакором».

Трактирщик наморщил выпуклый лоб, протирая кружку полосатым фартуком.

— Здесь они, войт, — сказал наконец он. — Говорят, приехали на ярмарку, а все при мечах, даже девка. Одеты, как ты сказал, в черное.

— Угу, — кивнул войт. — Где они сейчас? Что-то их не видно.

— В маленьком закутке. Золотом платили.

— Схожу один, — сказал Геральт. — Не надо превращать это в официальное посещение, во всяком случае, пока. Приведу ее сюда.

— Может, и верно. Но поосторожней. Мне тут драки ни к чему.

— Постараюсь.

Песня матросов, судя по возрастающей насыщенности ненормативными словами, приближалась к громкому финалу. Геральт приоткрыл жесткий и липкий от грязи полог, прикрывавший вход в эркер.

За столом сидело шестеро мужчин. Той, которую он ожидал увидеть, среди них не было.

— Ну чего?! — рявкнул тот, который заметил его первым, лысоватый, с лицом, изуродованным шрамом, проходящим через левую бровь, основание носа и правую щеку.

— Хочу увидеться с Сорокопуткой.

От стола поднялись две одинаковые фигуры с одинаково неподвижными лицами, светлыми всклокоченными волосами до плеч, в одинаковых облегающих одеждах из черной кожи, горячей серебряными украшениями. Одинаковыми движениями близнецы подняли со скамьи одинаковые мечи.

— Спокойно, Выр. Садись, Нимир, — сказал человек со шрамом, опершись локтями о стол. — С кем, говоришь, хочешь встретиться, братец? Кто такая — Сорокопутка?

— Ты прекрасно знаешь, о ком я.

— Что за тип? — спросил потный полуголый детина, крест-накрест перепоясанный ремнями и прикрытый на предплечьях шипастыми щитками. — Ты его знаешь, Ногорн?

— Нет, — сказал человек со шрамом.

— Альбинос какой-то, — хохотнул щуплый темноволосый мужчина, сидевший рядом с Ногорном. Тонкие черты лица, большие черные глаза и остроконечные уши выдавали в нем полукровку эльфа. — Альбинос, мутант, шутка природы. И надо же, впускают таких в шинки к порядочным людям.

— Я его где-то уже видел, — сказал плотный загорелый тип с волосами, заплетенными в косички, оценивая Геральта взглядом злых прищуренных глаз.

— Неважно, где ты его видел, Тавик, — сказал Ногорн. — Послушай, братец, Киврил только што тебя страшно обидел. Ты его не вызовешь? Такой скушный вечер.

— Нет, не вызову, — спокойно сказал ведьмак.

— А меня, если вылью на тебя эту рыблю похлебку, вызовешь? — захохотал голый по пояс.

— Спокойно, Десятка, — сказал Ногорн. — Раз он сказал нет, значит, нет. Пока. Ну, брат, говори, што хочешь сказать, и выматывайся. Имеешь возможность выйти сам. Если не воспользуешься, тебя вынесут половые.

— Тебе мне сказать нечего. Хочу увидеться с Сорокопуткой. С Ренфри.

— Слышали, парни? — Ногорн взглянул на дружков. — Он хочет видеться с Ренфри. А зачем, братец, позволь узнать?

— Не позволю.

Ногорн поднял голову и глянул на близнецов, те тут же сделали шаг вперед, брэнча серебряными застежками высоких ботинок.

— Знаю, — вдруг сказал тот, с косой. — Вспомнил, где я его видел!

— Чего ты там бормочешь, Тавик?

— Перед домом войта. Он привез какого-то дракона на продажу, этакую помесь паука с крокодилком. Люди болтали, будто он ведьмак.

— Что такое ведьмак? — спросил голый, Десятка. — Э? Киврил?

— Наемный колдун, — сказал полуэльф. — Фокусник. Фокусы кажет за горсть сребреников. Я же сказал — шутка природы. Оскорбление человеческих и божеских законов. Таких надобно сжигать.

— Мы не очень обожаем колдунов, — проскрипел Тавик, не отрывая от Геральта взгляда прищуренных глаз. — Чтой-то мне сдается, Киврил, что в тутошной дыре у нас будет работы поболее, чем думалось. Их здесь не один, а ведомо, они держатся разом.

— Свояк свояка видит издалека, — зловеще усмехнулся полукровка. — И как только земля таких носит? Кто вас плодит, уродцев?

— Будь добр, повежливее, — спокойно сказал Геральт. — Твоя матушка, как вижу, достаточно часто бродила по лесу в одиночку, так что у тебя есть причина призадуматься над собственным происхождением.

— Возможно, — ответил полуэльф, не переставая усмехаться. — Но я, по крайней мере, знал свою мать. А вот ты, ведьмак, не можешь этим похвалиться.

Геральт чуточку побледнел и стиснул зубы. Ногорн, заметивший это, громко рассмеялся.

— Ну, братец, уж такого-то оскорбления ты не можешь спустить. Кажется, за спиной у тебя меч торчит? Ну так как? Выйдете с Киврилом во двор? Вечер — скукотища.

Ведьмак не ответил.

— Засранный трус, — фыркнул Тавик.

— Он вроде што-то говорил о матери Киврила? — спокойно продолжал Ногорн, опершись подбородком на сплетенные пальцы. — Што-то страшно оскорбительное, если я верно понял. Мол, распутничала или как-то так. Эй, Десятка, неужто ты сможешь слушать, как какой-то бродяга оскорбляет матушку твоего друга? Матушка, мать ее так, дело святое!

Десятка охотно поднялся, отстегнул меч, кинул на стол. Выпятил грудь, поправил ошетилившиеся серебряными шипами щитки на предплечьях, сплюнул и сделал шаг вперед.

— Если ты сумлеваешься, — сказал Ногорн, — поясню: Десятка вызывает тебя на кулашный бой. Я сказал, што тебя отседова вынесут. Освободите-ка место.

Десятка приблизился, поднимая кулаки. Геральт положил руку на рукоять меча.

— Осторожнее, — сказал он. — Еще шаг — и тебе придется искать свою руку на полу.

Ногорн и Тавик вскочили, хватаясь за мечи. Молчаливые близнецы вытянули свои. Десятка попятился. Не пошевелился лишь Киврил.

— Что здесь происходит, черт побери! Нельзя на минуту одних оставить?

Геральт очень медленно обернулся и встретился взглядом с глазами цвета морской волны.

Она была почти одного с ним роста. Соломенные волосы были подстрижены неровно, немного ниже ушей. Она стояла, опираясь одной рукой о дверь, в облегающем бархатном кафтанчике, перетянутом нарядным поясом. Юбка была неровной, асимметричной — с левой стороны доходила до лодыжки, а с правой приоткрывала крепкое бедро над голенищем высокого сапога из лосиной кожи. На левом боку висел меч, на правом — кинжал с большим рубином в оголовье.

— Онемели?

— Это ведьмак, — буркнул Ногорн.

— Ну и что?

— Он хотел говорить с тобой.

— Ну и что?

— Это колдун, — прогудел Десятка.

— Спокойно, парни, — сказала девушка. — Он хочет со мной говорить, это не преступление. Продолжайте свои дела. И без скандалов. Завтра торговый день. Думаю, вы не хотите, чтобы ваши фокусы испортили ярмарку — столь важное событие в жизни этого милого городка?

В наступившей тишине послышался тихий противный смешок. Смеялся Киврил, все еще небрежно развалившийся на лавке.

— Да ну тебя, Ренфри, — выдавил метис. — Важное... событие!

— Заткнись, Киврил! Немедленно.

Киврил перестал смеяться. Немедленно. Геральт не удивился. В голосе Ренфри прозвучало нечто очень странное. Нечто такое, что ассоциировалось с красным отблеском пожара на клинках, стонами убиваемых, ржанием коней и запахом крови. Видимо, у остальных тоже возникли подобные ассоциации, потому что бледность покрыла даже загорелую харю Тавика.

— Ну, белоголовый, — прервала тишину Ренфри. — Выйдем в большую залу, присоединимся к войту, с которым ты сюда пришел. Он, верно, тоже хочет со мной потолковать.

Кальдемейн, ожидавший у стойки, увидев их, прервал тихую беседу с трактирщиком, выпрямился, скрестил руки на груди.

— Послушайте, мазель, — твердо сказал он, не тратя времени на обмен ненужными учтивостями. — Я знаю от этого вот ведьмака из Ривии, что привело вас в Блавикен. Похоже, вы в обиде на нашего колдуна.

— Возможно. Ну и что? — тихо спросила Ренфри, тоже не очень-то учтиво.

— А то, что на такие обиды есть городские или кастелянские суды. Кто у нас, на Лукоморье, собирается мстить за обиду железом, тот считается самым обыкновенным разбойником. А еще то, что либо завтра поутру вы вымететесь из Блавикена вместе со своей черной компашкой, либо я вас упрячу в яму, пре... как это называется, Геральт?

— Превентивно.

— Именно. Вы поняли, мазель?

Ренфри сунула руку в мешочек на поясе, достала сложенный в несколько раз пергамент.

— Прочтите, войт, если грамотный. И больше не называйте меня мазелью.

Кальдемейн взял пергамент, читал долго, потом молча подал Геральту.

— «Моим комесам, вассалам и свободным подданным, — прочитал ведьмак вслух. —

Всех и каждого извещаю, поелику Ренфри, крейгенская княжна, пребывает на нашей службе и мила нам, то гнев наш падет на голову тому, кто ей чинить припятствия вознамерится. Аудоен, король...» Слово «препятствия» пишется через «е». Но печать, похоже, подлинная.

— Потому что подлинная и есть, — сказала Ренфри, вырывая у него пергамент. — Поставил ее Аудоен, ваш милостивый государь. Потому не советую чинить мне препятствия. Независимо от того, как это пишется, последствия для вас могут быть печальными. Не удастся вам, уважаемый войт, упрятать меня в яму. И не называйте меня мазелью. Я не нарушила ни одного закона. Пока что.

— Если нарушишь хоть на пядь, — Кальдемейн выглядел так, словно собирался сплюнуть, — брошу в яму разом с твоим пергаментом. Клянусь всеми богами, мазель. Пошли, Геральт.

— А с тобой, ведьмак, — Ренфри коснулась руки Геральта, — еще пару слов.

— Не опоздай на ужин, — бросил войт через плечо. — Иначе Либуше обозлится.

— Не опоздаю.

Геральт оперся о стойку. Поигрывая медальоном с волчьей мордой, висящим на шее, он смотрел в зелено-голубые глаза девушки.

— Я слышала о тебе, — сказала она. — Ты — Геральт из Ривии, белоголовый ведьмак. Стрегобор — твой друг?

— Нет.

— Это упрощает дело.

— Не думаю. Я не намерен оставаться в стороне.

Ренфри прищурилась.

— Стрегобор завтра умрет, — проговорила она тихо, отбрасывая со лба прядку неровно подстриженных волос. — Зло было бы меньше, если б умер только он.

— Если, а вернее, прежде чем Стрегобор умрет, умрут еще несколько человек. Другой возможности я не вижу.

— Скромно сказано — несколько.

— Чтоб меня напугать, требуется нечто большее, чем слова, Сорокопутка.

— Не называй меня Сорокопуткой, не люблю. Дело в том, что я вижу другие возможности. Стоило бы их обсудить, но, что делать, Либуше ждет. Она хоть ничего, эта Либуше?

— Это все, что ты имела мне сказать?

— Нет. Но теперь иди. Либуше ждет.

4

В его каморке на мансарде кто-то был. Геральт знал об этом еще прежде, чем подошел к двери, и понял по едва ощутимой вибрации медальона. Он задул каганец, которым освещал себе ступени, вынул кинжал из-за голенища, сунул его сзади за пояс. Нажал ручку. В комнатке было темно. Не для ведьмака.

Он, умышленно не торопясь, как бы сонно, переступил порог, прикрыл за собой дверь. В следующий момент, сильно оттолкнувшись, прыгнул ласточкой, навалился на человека, сидевшего на его лежанке, прижал того к постели, левое предплечье сунул ему под подбородок, потянулся за кинжалом. Но не вынул. Что-то было не так.

— Недурно для начала, — глухо проговорила Ренфри, неподвижно лежа под ним. — Я рассчитывала на это, но не думала, что мы так скоро окажемся в постели. Убери руку с моего горла, будь любезен.

— Это ты?

— Это я. Слушай, есть два выхода. Первый: ты слезешь с меня, и мы побеседуем. Второй — все остается как есть, но хотелось бы все же скинуть сапоги. Как минимум.

Ведьмак выбрал первый выход. Девушка вздохнула, встала, поправила волосы и юбку.

— Зажги свечи. В темноте я вижу не как ты, а видеть собеседника люблю.

Она подошла к столу, высокая, худощавая, гибкая, села, вытянув ноги в сапогах. Оружия вроде бы у нее не было.

— Выпить есть?

— Нет.

— В таком случае хорошо, что я прихватила, — засмеялась она, ставя на стол дорожный бурдючок и два кожаных кубка.

— Почти полночь, — холодно сказал Геральт. — Может, перейдем к делу?

— Минутку. Пей. Твое здоровье, Геральт.

— Взаимно, Сорокопутка!

— Меня зовут Ренфри, черт побери, — подняла она голову. — Разрешаю упускать княжий титул, но перестань именовать меня Сорокопуткой.

— Тише, разбудишь весь дом. Могу я наконец узнать, чего ради ты влезла сюда через окно?

— Какой догадливый! Я хочу спасти Блавикен от резни. Чтобы обсудить это с тобой, я лазила по крышам, словно мартовский кот. Цени.

— Ценю. Только вот не знаю, какой смысл в таком разговоре. Положение ясное. Стрегобор сидит в колдовской башне, чтобы его достать, тебе придется организовать осаду. Если ты это сделаешь, тебе не поможет твой королевский папирус. Если ты в открытую нарушишь закон, Аудоен не станет тебя защищать. Войт, стража, весь Блавикен выступят против тебя.

— Если выступит весь Блавикен, то жутко пожалеет. — Ренфри усмехнулась, показав хищные белые зубки. — Ты разглядел моих мальчиков? Ручаюсь, они свое дело знают. Представляешь себе, что произойдет, если начнется драка между ними и теми телками из стражи, которые то и дело спотыкаются о собственные алебарды?

— А ты, Ренфри, воображаешь, что я буду стоять в стороне и спокойно взирать на такую драку? Видишь, я живу у войта? При надобности буду рядом с ним.

— Не сомневаюсь, — посерьезнела Ренфри. — Только, скорее всего, один ты, потому что остальные попрячутся по подвалам. Нет на свете бойца, который управился бы с моей вооруженной мечами семеркой. Это не под силу ни одному человеку. Но, белоголовый, давай не будем пугать друг друга. Я сказала — резни и потоков крови можно избежать. Конкретно: есть два человека, которым это под силу.

— Я — само внимание.

— Один — Стрегобор. Лично. Он добровольно выйдет из своей башни, я отведу его куда-нибудь на пустырь, а Блавикен снова погрузится в благостную апатию и вскоре забудет обо всем.

— Стрегобор, возможно, и похож на спятившего, но не до такой же степени.

— Как знать, ведьмак, как знать. Есть доводы, которые невозможно отвергнуть, и предложения, которые нельзя отбросить. К таким, например, относится тридамский ультиматум. Я предъявлю колдуну тридамский ультиматум.

— В чем его суть?

— Это маленькая и сладкая тайна.

— Пусть так. Только сомневаюсь в ее эффективности. У Стрегобора, стоит ему заговорить о тебе, начинают зубы стучать. Ультиматум, который заставил бы его добровольно отдаться в твои прелестные ручки, должен и вправду быть каким-то особым. Давай-ка перейдем сразу ко второй особе, которая может предотвратить резню в Блавикене. Попытаюсь угадать, кто это.

— Ну-ну. Интересно, насколько ты проницателен, белоголовый.

— Это ты, Ренфри. Ты сама. Ты проявишь воистину княжеское, да что я — королевское великодушие и откажешься от мести. Я угадал?

Ренфри откинула голову и громко рассмеялась, успев прикрыть рот рукой. Потом посерьезнела и уставилась на ведьмака горящими глазами.

— Геральт, я была княжной, но в Крейдене. У меня было все, о чем только можно

мечтать, даже просить не было нужды. Слуги по первому зову, платья, туфельки. Трусики из батиста. Драгоценности и бижутерия, буланый пони, золотые рыбки в бассейне. Куклы и дом для них повместительнее твоей здешней лачуги. И так было до того дня, пока твой Стрегобор и эта шлюха, Аридея, не приказали егерю отвести меня в лес, зарезать и подать им мои сердце и печень. Прелестно, не правда ли?

— Скорее отвратительно. Я рад, что ты тогда разделалась с егерем, Ренфри.

— Разделалась?! Как же! Он смилоствился и отпустил меня. Но сначала изнасиловал, сукин сын, отобрал серьги и золотую диадемку.

Геральт глянул ей в лицо, поигрывая медальоном. Она не отвела глаз.

— На том и кончилась княжна. Платице разорвалось, батистовые трусики навсегда потеряли белизну. А потом были грязь, голод, вонь, палки и пинки. Я отдавалась первому встречному за миску похлебки и крышу над головой. Знаешь, какие у меня были волосы? Как шелк и спадали на добрый локоть ниже икр. Когда я завшивела, мне обрезали косы ножницами для стрижки овец под самый корень. Больше они так и не отросли по настоящему.

Она ненадолго замолчала, отбросила со лба неровную прядку.

— Я воровала, чтобы не подохнуть с голоду. Убивала, чтобы не убили меня. Сидела в ямах, провонявших мочой, не зная, повесят меня утром или только выпорют и выгонят. И все это время моя мачеха и твой колдун преследовали меня, нанимали убийц, пытались отравить. Насылали порчу. Проявить великодушие? Простить им по-королевски? Я ему по-королевски башку оторву, а может, сначала вырву обе ноги, там видно будет.

— Аридея и Стрегобор пытались тебя отравить?

— Именно что. Яблоком, заправленным вытяжкой из красавки. Меня спас один гном. Он дал мне рвотный камень, от которого, я думала, меня вывернет наизнанку, как чулок. Но — выжила.

— Один из семи гномов?

Ренфри, которая в этот момент как раз наполняла кубок, держа над ним бурдючок, замерла.

— Ого. Ты много обо мне знаешь. А что? Что ты имеешь против гномов? Или других гуманоидов? Если быть точной, они относились ко мне лучше, чем большинство людей. Но тебе до этого нет дела. Я сказала, Стрегобор и Аридея, пока могли, преследовали меня как дикого зверя. Потом уже не могли, я сама стала охотником. Аридея откинула копыта в собственной постели. Для нее я составила особую программу. А теперь — для колдуна. Геральт, как ты считаешь, он заслуживает смерти? Ну скажи.

— Я не судья. Я — ведьмак.

— Именно что. Я сказала, есть два человека, которые могут предотвратить резню в Блавикене. Второй — ты. Тебя колдун пустит в башню, и ты его убьешь.

— Ренфри, — спокойно сказал Геральт, — по пути ко мне ты, случайно, не свалилась с крыши головой вниз?

— В конце концов, ведьмак ты или нет, черт побери?! Говорят, ты убил кикимору, привез ее на ослике для оценки. Стрегобор хуже кикиморы, она — бездумная скотина и убивает, потому как такой ее боги сотворили. Стрегобор — изверг, маньяк, чудовище. Привези его мне на ослике, и я не пожалею золота.

— Я не наемный убийца, Сорокопутка.

— Верно, — улыбнулась она и откинулась на спинку стула, положив ноги на стол и даже не пытаясь прикрыть юбкой бедра. — Ты — ведьмак, спаситель людей, которых защищаешь от Зла. А в данном случае Зло — это железо и огонь, которые разгуляются здесь, когда мы встанем друг против друга. Тебе не кажется, что я предлагаю Меньшее Зло — самое лучшее решение? Даже для этого сукина сына Стрегобора. Можешь убить его милосердно, одним движением, случайно. Он умрет, не зная, что умирает. А я ему этого не гарантирую. Совсем наоборот.

Геральт молчал. Ренфри потянулась, подняв руки над головой.

— Понимаю твои сомнения, — сказала она. — Но ответ я должна получить немедленно.

— Знаешь, почему Стрегобор и княгиня хотели тебя убить тогда, в Крейдене, и после? Ренфри резко выпрямилась, сняла ноги со стола.

— Думаю, это ясно, — взорвалась она. — Хотели отделаться от первородной дочери Фредефалька, потому что я была наследницей трона. Дети Аридеи родились в результате морганатической связи, и у них не было никаких прав на...

— Я не о том, Ренфри.

Девушка опустила голову, но только на мгновение. Глаза у нее разгорелись.

— Ну хорошо. Якобы я проклята. Испорчена еще в лоне матери. Я...

— Договаривай.

— Я — чудовище.

— А разве нет?

Какое-то мгновение Ренфри казалась незащищенной и надломленной. И очень грустной.

— Не знаю, Геральт, — шепнула она, потом черты ее лица снова ожесточились. — Да и откуда мне, черт побери, знать? Если я уколю себе палец, идет кровь. Ежемесячно тоже... ну сам понимаешь. Переем — болит живот, а перепью — голова. Если мне весело — я пою, если грустно — ругаюсь. Если кого-то ненавижу — убиваю, а если... А, дьявольщина, довольно. Твой ответ, ведьмак.

— Мой ответ таков: нет.

— Ты помнишь, о чем я говорила? — спросила она после недолгого молчания. — Есть предложения, которые нельзя отвергнуть, последствия бывают страшными. Я тебя серьезно предостерегаю, мое предложение относится именно к таким. Подумай как следует.

— Я подумал как следует. И отнесись ко мне серьезно, потому что я тоже предостерегаю тебя серьезно.

Ренфри какое-то время молчала, играя шнуром жемчуга, трижды обернутым вокруг красивой шеи и кокетливо прячущимся в углублении между двумя изящными полушариями, выглядывающими в разрезе блузки.

— Геральт, Стрегобор просил тебя убить меня?

— Да. Он полагал, что это будет Меньшее Зло.

— И ты отказал ему так же, как и мне?

— Так же.

— Почему?

— Потому что я не верю в Меньшее Зло.

Ренфри слабо улыбнулась, затем губы у нее искривились в гримасе, очень некрасивой при желтом свете свечи.

— Стало быть, не веришь. Видишь ли, ты прав, но только отчасти. Существуют просто Зло и Большое Зло, а за ними обоими в тени прячется Очень Большое Зло. Очень Большое Зло, Геральт, это такое, которого ты и представить себе не можешь, даже если думаешь, будто уже ничто не в состоянии тебя удивить. И знаешь, Геральт, порой бывает так, что Очень Большое Зло схватит тебя за горло и скажет: «Выбирай, братец, либо я, либо то, которое чуточку поменьше».

— Можно узнать, куда ты клонишь?

— А никуда. Выпила немного, вот и философствую, ищу общие истины. Одну как раз нашла: Меньшее Зло существует, но мы не в состоянии выбирать его сами. Лишь Очень Большое Зло может принудить нас к такому выбору. Хотим мы того или нет.

— Я явно выпил слишком мало, — ехидно усмехнулся ведьмак. — А полночь меж тем уже миновала, как и всякая полночь. Перейдем к конкретным вопросам. Ты не убьешь Стрегобора в Блавикене, я тебе не дам. Не позволю, чтобы дело дошло до бойни и резни. Вторично предлагаю: откажись от мести. Откажись от намерения убить его. Таким образом ты докажешь ему, и не только ему, что ты не кровожадное, нечеловеческое чудовище, мутант и выродок. Докажешь, что он ошибается. Что причинил тебе Очень Большое Зло

своей ошибкой.

Ренфри некоторое время смотрела на медальон ведьмака, вертящийся на цепочке, которую тот крутил пальцами.

— А если я скажу, ведьмак, что не умею прощать или отказываться от мести, то это будет равносильно признанию, что он и не только он правы? Верно? Тем самым я докажу, что я все-таки чудовище, нелюдь, демон, проклятый богами? Послушай, ведьмак. В самом начале моих скитаний меня приютил один свободный кмет. Я ему понравилась. Однако поскольку мне он вовсе не нравился, а совсем даже наоборот, то всякий раз, когда он хотел меня взять, он дубасил меня так, что утром я едва сползала с лежанки. Однажды я встала затемно и перерезала сердобольному кмету горло. Тогда я еще не была такой сноровистой, как теперь, и нож показался мне слишком маленьким. И, понимаешь, Геральт, слушая, как кмет булькает, и видя, как он дрыгает ногами, я почувствовала, что следы от его палки и кулаков уже не болят и что мне хорошо, так хорошо, что... Я ушла, весело посвистывая, здоровая, радостная и счастливая. И потом каждый раз повторялось то же самое. Если б было иначе, кто стал бы тратить время на месть?

— Ренфри, — сказал Геральт. — Независимо от твоих мотивов и соображений, ты не уйдешь отсюда посвистывая и не будешь чувствовать себя так хорошо, что... Уйдешь не веселой и счастливой, но уйдешь живой. Завтра утром, как приказал войт. Я уже тебе это говорил, но повторю. Ты не убьешь Стрегобора в Блавикене.

Глаза Ренфри блестели при свете свечи, горели жемчужины в вырезе блузки, искрился Геральтов медальон с волчьей пастью, крутясь на серебряной цепочке.

— Мне жаль тебя, — неожиданно проговорила девушка, не спуская глаз с мигающего кружочка серебра. — Ты утверждаешь, что не существует Меньшего Зла. Так вот — ты останешься на площади, на брусчатке, залитой кровью, один-одинешенек, потому что не сумел сделать выбор. Не умел, но сделал. Ты никогда не будешь знать, никогда не будешь уверен. Никогда, слышишь... А платой тебе будет камень и злое слово. Мне жаль тебя, ведьмак.

— А ты? — спросил ведьмак тихо, почти шепотом.

— Я тоже не умею делать выбор.

— Кто ты?

— Я то, что я есть.

— Где ты?

— Мне холодно...

— Ренфри! — Геральт сжал медальон в руке.

Она подняла голову, словно очнувшись ото сна, несколько раз удивленно моргнула. Мгновение, краткий миг казалась испуганной.

— Ты выиграл, — вдруг резко бросила она. — Выиграл, ведьмак. Завтра рано утром я уеду из Блавикена и никогда не вернусь в этот задрипанный городишко. Никогда. Налей, если там еще что-нибудь осталось.

Обычная насмешливая, лукавая улыбка опять заиграла у нее на губах, когда она отставила кубок.

— Геральт?

— Да?

— Эта чертова крыша очень крутая. Я бы лучше вышла от тебя на рассвете. В темноте можно упасть и покалечиться. Я княжна, у меня нежное тело, я чувствую горошину сквозь тюфяк. Если, конечно, он как следует не набит сеном. Ну, как ты думаешь?

— Ренфри, — Геральт невольно улыбнулся, — то, что ты говоришь, подобает княжне?

— Что ты, ядрена вошь, понимаешь в княжнах? Я была княжной и знаю: вся прелесть жизни в том и состоит, чтобы делать то, что захочется. Я что, должна тебе прямо сказать, чего хочу, или сам догадаешься?

Геральт, продолжая улыбаться, не ответил.

— Я даже подумать не смею, что не нравлюсь тебе, — поморщилась девушка. — Уж

лучше считать, что ты просто боишься, как бы тебя не постигла судьба свободного кмета. Эх, белоголовый! У меня при себе нет ничего острого. Впрочем, проверь сам.

Она положила ему ноги на колени.

— Стяни с меня сапоги. Голенища — лучшее место для кинжала.

Босая, она встала, дернула пряжку ремня.

— Тут тоже ничего не прячу. И здесь, как видишь. Да задуй ты свою треклятую свечу.

Снаружи в темноте орал кот.

— Ренфри?

— Что?

— Это батист?

— Конечно, черт побери. Княжна я или нет? В конце-то концов?

5

— Папа, — монотонно тянула Марилька, — когда мы пойдем на ярмарку? На ярмарку, папа!

— Тихо ты, Марилька, — буркнул Кальдемейн, вытирая тарелку хлебом. — Так что говоришь, Геральт? Она выматывается из городка?

— Да.

— Ну не думал, что так гладко пойдет. С этим своим пергаментом да с печатью Аудоена она приперла меня к стенке. Я прикидывался героем, но, по правде говоря, хрен что мог им сделать.

— Даже если б они в открытую нарушили закон? Устроили шум, драку?

— Понимаешь, Геральт, Аудоен страшно раздражительный король, посылает на эшафот за любую мелочь. У меня жена, дочка, мне нравится моя должность. Не приходится думать, где утром достать жиру для каши. Одним словом, хорошо, что они уезжают. А как это, собственно, получилось?

— Папа, хочу на ярмарку.

— Либуше! Забери ты Марильку! Да, Геральт, не думал я. Расспрашивал Сотника, трактирщика из «Золотого Двора», о новиградской компании. Та еще шайка. Некоторых узнали.

— Да?

— Тот, со шрамом на морде, Ногорн, бывший приближенный Абергарда из так называемой ангренской вольницы. Слышал о такой вольнице? Ясно, кто не слышал. Тот, которого кличут Десяткой, тоже там был. И даже если не был, думаю, его прозвище пошло не от десяти добрых дел. Чернявый полуэльф Киврил — разбойник и профессиональный убийца. Вроде имеет какое-то отношение к резне в Тридаме.

— Где-где?

— В Тридаме. Не слышал? Об этом много было шуму. Три... Ну да, три года назад, потому как Марильке тогда было два годка. Барон из Тридама держал в яме каких-то разбойников. Их дружки, среди них, кажется, и полукровка Киврил, захватили паром на реке, полный пилигримов, а дело было во время Праздника Нис. Послали барону требование: мол, освободи всех. Барон, дело ясное, отказал, и тогда они принялись убивать паломников по очереди, одного за другим. Пока барон не смягчился и не выпустил их дружков из ямы, они спустили по течению больше десятка. Барону за это грозило изгнание, а то и топор: одни заимели на него зуб за то, что он уступил, только когда прикончили стольких, другие подняли шум, что-де очень скверно поступил, что, мол, это был прен... прецедент, или как его там, что, дескать, надо было перестрелять всех там из арбалетов вместе с заложниками или штурмом взять на лодках, не уступать ни на палец. Барон на суде толковал, что выбрал Меньшее Зло, потому как на пароме было больше четверти сотни людей, бабы, ребятня...

— Тридамский ультиматум, — прошептал ведьмак. — Ренфри...

— Что?

— Кальдемейн, ярмарка.
— Ну и что?
— Не понимаешь? Она меня обманула. Никуда они не выедут. Заставят Стрегобора выйти из башни, как заставили барона из Тридама. Или вынудят меня... Не понимаешь? Начнут мордовать людей на ярмарке. Ваш рынок посреди этих стен — настоящая ловушка!
— О боги, Геральт! Сядь! Куда ты, Геральт?
Марилька, напуганная криком, разревелась, втиснувшись в угол кухни.
— Я ж тебе говорила, — крикнула Либуше, указывая на Геральта. — От него одна беда!
— Тихо, баба! Геральт! Сядь!
— Надо их остановить. Немедленно, пока люди не хлынули на рынок. Собирай стражников. Когда будут выходить с постоянного двора, за шею их и в яму!
— Геральт, подумай. Так нельзя, мы не можем их тронуть, если они ничего не сделали. Станут сопротивляться, прольется кровь. Это профессионалы, они вырежут мне весь народ. Если слух дойдет до Аудоена, полетит моя голова. Ладно, соберу стражу, пойду на рынок, буду следить за ними...
— Это ничего не даст, Кальдемейн. Когда толпа повалит на площадь, ты уже ничем не успокоишь народ, не остановишь панику и резню. Их надо обезвредить сейчас, пока рынок пуст.
— Это будет беззаконие. Я не могу допустить. Что до полуэльфа и Тридама — это может быть сплетня. Вдруг ты ошибаешься, и что тогда? Аудоен из меня ремни нарежет!
— Надо выбрать Меньшее Зло!
— Геральт! Я запрещаю! Как войт, запрещаю! Положи меч! Стой!
Марилька кричала, прикрыв мордашку ручонками.

6

Киврил, заслонив глаза ладонью, посмотрел на солнце, выползающее из-за деревьев. На рынке начиналось оживление, погромыхивали тележки и возы, первые перекупщики уже заполняли палатки товаром. Стучал молоток, пел петух, громко кричали чайки.
— Намечается чудесный денек, — молвил Десятка задумчиво. Киврил косо глянул на него, но смолчал.
— Как кони, Тавик? — спросил Ногорн, натягивая рукавицы.
— Готовы, оседланы. Киврил, их все еще мало на рынке.
— Будет больше.
— Надо бы чего пожрать.
— Потом.
— Как же! Будет у тебя потом время. И желание.
— Гляньте, — неожиданно сказал Десятка.
Со стороны главной улочки приближался ведьмак, обходил прилавки, направляясь прямо к ним.
— Ага, — сказал Киврил. — Ренфри была права. Дай-ка самострел, Ногорн.
Он сгорбился, натянул тетиву, придерживая ногой стремечко. Тщательно уложил стрелу в канавке. Ведьмак шел. Киврил поднял арбалет.
— Ни шага дальше, ведьмак!
Геральт остановился. От группы его отделяло около сорока шагов.
— Где Ренфри?
Полукровка скривил свою красивую физиономию.
— У башни. Делает чародею некое предложение. Она знала, что ты придешь. Велено передать тебе две вещи.
— Говори.
— Первое — послание, которое звучит так: «Я есть то, что я есть. Выбирай. Либо я,

либо то, другое, меньшее». Вроде бы ты знаешь, в чем дело.

Ведьмак кивнул, потом поднял руку, ухватил рукоять меча, торчащую над правым плечом. Блеснул клинок, описав круг над его головой. Он медленно направился в сторону группы.

Киврил мерзко, зловеще рассмеялся.

— Ну-ну! Она и это предвидела, ведьмак. А посему сейчас ты получишь то второе, что она велела тебе передать. Прямо меж глаз.

Ведьмак шел. Полуэльф поднес самострел к лицу. Стало очень тихо.

Звякнула тетива. Ведьмак махнул мечом, послышался протяжный звон металла по металлу, стрела, крутясь, взмыла вверх, сухо ударилась о крышу, загромыкала в сточной трубе. Ведьмак шел.

— Отбил... — охнул Десятка. — Отбил в полете...

— Ко мне, — скомандовал Киврил.

Лязгнули мечи, вырываемые из ножен, группа сомкнула плечи, оцетинилась остриями.

Ведьмак ускорил шаг, его движения, удивительно плавные и мягкие, перешли в бег — не прямо, на оцетинившуюся мечами группу, а вбок, обходя ее по сужающейся спирали.

Тавик не выдержал первым, двинулся навстречу, сокращая расстояние. За ним рванулись близнецы.

— Не расходиться! — рявкнул Киврил, вертя головой и потеряв ведьмака из виду. Выругался, отскочил в сторону, видя, что группа распадается, кружится между прилавками в сумасшедшем хороводе.

Тавик был первым. Еще мгновение назад он гнался за ведьмаком, теперь вдруг увидел, что тот мелькнул у него слева, направляясь в противоположную сторону. Он засеменил ногами, чтобы остановиться, но ведьмак пролетел рядом прежде, чем он успел поднять меч. Тавик почувствовал сильный удар выше бедра. Развернулся и начал падать. Уже оказавшись на коленях, с удивлением взглянул на свое бедро и принялся кричать.

Близнецы одновременно, атакуя мчащуюся на них черную расплывчатую фигуру, налетели один на другого, ударились плечами, на мгновение потеряв ритм. Этого оказалось достаточно. Выр, которого Геральт рубанул по всей ширине груди, согнулся пополам, опустил голову, сделал еще несколько шагов и рухнул на прилавок с овощами. Нимир получил в висок, закружился на месте и, обессилев, тяжело свалился в канаву.

На рынке закипело от бегущих перекупщиков, загрохотали переворачиваемые прилавки, поднялись пыль и крик. Тавик еще раз попробовал приподняться на дрожащих руках и упал.

— Десятка, слева! — рявкнул Ногорн, мчась полукругом, чтобы обойти ведьмака сзади.

Десятка быстро обернулся. Недостаточно быстро. Получил раз по животу, выдержал, размахнулся для удара, тут же получил снова — в шею под самым ухом. Напрягшись, сделал четыре неуверенных шага и свалился на тележку, полную рыбы. Тележка покатила. Десятка соскользнул на брусчатку, серебрящуюся чешуей.

Киврил и Ногорн ударили одновременно с двух сторон, эльф с размаху сверху, Ногорн с присесту, низко, плоско. Оба удара ведьмак парировал, два металлических удара слились в один. Киврил отскочил, споткнулся, удержался на ногах, схватившись за деревянные столбики ларька. Ногорн бросился и заслонил его поднятым вверх мечом. Удар был настолько сильный, что его отшвырнуло назад, пришлось подогнуть колени. Вскакывая, он заслонился рукой. Поздно. Получил удар в лицо симметрично старому шраму.

Киврил, оттолкнувшись спиной от ларька, перескочил через падающего Ногорна, налетел с полуоборота, ударил обеими руками, не попал, моментально отскочил. Удара он не почувствовал. Ноги под ним подкосились, когда, защищаясь, он попытался перейти с финтом к очередному выпад. Меч выпал у него из руки, рассеченной с внутренней стороны, выше локтя. Он упал на колени, затряс головой да так и замер в красной луже, среди раскиданной капусты, баранок и рыбы.

На рынок вступила Ренфри.

Она шла мягким, кошачьим шагом, обходя возки и прилавки. Толпа, словно рой шершней, гудевшая в улочках и у стен домов, утихла. Геральт стоял неподвижно, держа меч в опущенной руке. Девушка подошла на десять шагов, остановилась. Стало видно, что под кафтанчиком у нее кольчуга, короткая, едва прикрывающая бедра.

— Ты выбрал, — сказала она. — Ты уверен, что правильно?

— Здесь не будет второго Тридама, — с трудом сказал Геральт.

— И не было бы. Стрегобор высмеял меня. Сказал, что я могу перебить весь Блавикен и добавить несколько ближайших деревушек, но он все равно из башни не выйдет. Что так смотришь? Да, я обманула тебя. Я всю жизнь обманывала, если это было необходимо, чего же ради делать исключение для тебя?

— Уйди, Ренфри.

— Нет, Геральт, — рассмеялась она и быстро выхватила меч.

— Ренфри.

— Нет, Геральт. Ты свой выбор сделал, теперь моя очередь.

Одним рывком она сдернула юбку с бедер, закружила ею в воздухе, обматывая материал вокруг левого предплечья. Геральт отступил, поднял руку, сложив пальцы в Знак. Ренфри снова засмеялась, коротко, хрипло.

— Пустое, белоголовый. Это меня не берет. Только меч.

— Отойди, Ренфри, — повторил он. — Отойди. Если мы скрестим мечи, я... Я уже не смогу...

— Знаю, — сказала она. — Но я... Я тоже не могу иначе. Просто не могу. Мы есть то, что мы есть. Ты и я.

Она двинулась на него легким, раскачивающимся шагом. В правой руке, выпрямленной и отведенной в сторону, поблескивал меч, левой она волокла юбку по земле. Геральт отступил на два шага.

Она прыгнула, махнула левой рукой, юбка взлетела в воздух, вслед за нею, заслоненный материалом, блеснул меч. Короткий удар. Геральт отскочил, ткань его даже не задела, а клинок Ренфри скользнул по его мечу, он машинально защитился серединой клинка, связал оба меча коротким вращением, пытаясь выбить у нее оружие. Это была ошибка. Она отбила его острие и сразу на полусогнутых, раскачивая бедрами, ударила, целясь в лицо. Геральт едва успел парировать удар, отскочил от падающей на него ткани. Закружился, избегая мелькающего в молниеносных ударах меча, снова отскочил. Она налетела на него, бросила юбку прямо в глаза, ударила вблизи с полуоборота. Он уклонился, увернувшись совсем рядом с ней. Она знала эти приемы. Развернулась одновременно с ним и, почти коснувшись его, так что он почувствовал ее дыхание, проехала ему лезвием по груди. Боль резанула его, но он не сбил темпа. Развернулся еще раз, в противоположную сторону, отразил клинок, летящий к его виску, сделал быстрый финт и выпад. Ренфри отскочила, наклонилась для удара снизу. Геральт, присев в выпаде, молниеносно рубанул ее снизу, самым концом меча, через открытое бедро и пах.

Она не крикнула. Упала на колено и на бок, отпустила меч, впилаясь обеими руками в рассеченное бедро. Кровь толчками запульсировала между пальцами, ручейком стекая на изукрашенный пояс, на лосиные сапоги, на грязную брусчатку. Толпа, втиснутая в улочки, зашевелилась и заорала.

Геральт спрятал меч.

— Не уходи, — простонала она, свертываясь в клубок.

Он не ответил.

— Мне... холодно...

Он не ответил. Ренфри снова застонала. Кровь юркими струйками заполняла ямки между камнями брусчатки.

— Геральт... обними меня.

Он не ответил.

Она отвернулась и замерла, прижавшись щекой к камням. Кинжал с очень острым

лезвием, который она до того скрывала своим телом, выскользнул из ее мертвеющих пальцев.

Прошла минута, показавшаяся вечностью. Ведьмак поднял голову при звуке стучавшего по брусчатке посоха Стрегобора. Волшебник быстро приближался, обходя трупы стороной.

— Ну бойня! — засопел он. — Видел, Геральт, все видел в кристалле...

Он подошел ближе, наклонился. В ниспадающей к земле черной одежде, опирающийся о посох, он казался старым, очень старым.

— Невероятно, — покачал он головой. — Сорокопутка мертвая. Совершенно.

Геральт не ответил.

— Ну, Геральт, — выпрямился волшебник, — иди за повозкой. Возьмем ее в башню. Надо сделать вскрытие.

Он глянул на ведьмака и, не дождавшись ответа, наклонился над телом.

Кто-то, незнакомый ведьмаку, сидящий внутри него, стиснул рукоять меча, быстро выхватил его из ножен. «Только коснись ее, колдун, — сказал тот, кого ведьмак не знал. — Только коснись ее, и твоя голова окажется на брусчатке».

— Ты что, Геральт, спятил? Да ты ранен, в шоке! Вскрытие — единственный способ узнать...

— Не прикасайся к ней!

Стрегобор, видя занесенный над ним меч, отскочил, взмахнул посохом.

— Хорошо! — крикнул он. — Как хочешь! Но ты так никогда и не узнаешь! Никогда не будешь уверен! Никогда, слышишь, ведьмак!

— Прочь!

— Как хочешь. — Маг повернулся, ударил посохом в брусчатку. — Я возвращаюсь в Ковир, ни на мгновение не задержусь в этой дыре. Пошли со мной. Не оставайся здесь. Эти люди ничего не знают, не понимают, они видели только, как ты убиваешь. А ты убиваешь отвратительно, Геральт. Ну, пошли?

Геральт не ответил, даже не взглянул на него. Убрал меч. Стрегобор пожал плечами и быстро отошел, ритмично постукивая палкой.

Из толпы полетел камень, ударился о брусчатку. За ним просвистел второй, у самого плеча Геральта. Ведьмак, выпрямившись, поднял обе руки, проделал ими быстрое движение. Толпа зашумела, камни посыпались гуще, но Знак отбрасывал их в сторону — они пролетали мимо цели, оберегаемой невидимым, обтекаемым панцирем.

— Достаточно!!! — рявкнул Кальдемейн. — Кончайте, мать вашу...

Толпа загудела, как волна прибоя, но камни перестали летать. Ведьмак стоял неподвижно.

Войт подошел к нему.

— Это, — сказал он, широким жестом указывая на валяющиеся на площади неподвижные тела, — все? Так оно выглядит — Меньшее Зло, которое ты выбрал? Ты сделал уже все, что считал нужным?

— Да, — с трудом, не сразу ответил Геральт.

— Твоя рана серьезна?

— Нет.

— В таком случае уходи отсюда.

— Да, — сказал ведьмак. Он еще минуту постоял, избегая взгляда войта. Потом медленно, очень медленно повернулся.

— Геральт!

Ведьмак оглянулся.

— Не возвращайся сюда никогда, — сказал Кальдемейн. — Никогда.

Глас рассудка IV

— Поговорим, Иоля.

Мне необходим этот разговор. Говорят, молчание — золото. Возможно. Не знаю. Во всяком случае, своя цена у него есть.

Тебе легче, да, не отрицаю. Ведь ты добровольно избрала молчание, ты сделала из него жертву своей богине. Я не верю в Мелитэле, не верю в существование других богов, но ценю твой выбор, твою жертву, цену и уважаю то, во что ты веришь. Ибо твоя вера и посвящение, цена молчания, которую ты платишь, сделают тебя лучше, достойнее. По крайней мере, могут сделать. А мое неверие не может ничего. Оно бессильно.

Ты спрашиваешь: во что я, в таком случае, верю?

В меч.

Видишь, у меня их два. У каждого ведьмака по два меча. Недоброжелатели болтают, будто серебряный — против чудовищ, а стальной — против людей. Это, конечно, неправда. Есть чудовища, которых можно сразить только серебряным клинком, но встречаются и такие, для которых смертельно железо. Нет, Иоля, не любое железо, а только то, которое содержится в метеоритах. Что такое метеориты? Ты, я думаю, не раз видела падающую звезду. Падающая звезда — короткая светящаяся полоска на ночном небе. Видя ее, ты, наверно, загадывала какое-нибудь желание, может, для тебя это был очередной повод поверить в богов. Для меня метеорит всего лишь кусочек металла, который, падая, зарывается в землю. Металла, из которого можно выковать меч.

Можешь, ну конечно, можешь взять мой меч в руку. Видишь, какой он легкий? Даже ты его поднимешь без труда. Нет! Не прикасайся к острию, поранишься. Оно острее бритвы. Таким должно быть.

О да, я тренируюсь часто. Каждую свободную минуту. Мне нельзя терять навык. Сюда, в самый дальний уголок храмового парка, я тоже пришел, чтобы размяться, изгнать из мускулов мерзкое, вредное онемение, которое на меня нападает, текущий по моим жилам холод. А ты меня нашла. Забавно, несколько дней я пытался отыскать тебя. Хотел...

Мне нужен этот разговор, Иоля. Присядем, поговорим немного.

Ведь ты меня совсем не знаешь.

Меня зовут Геральт. Геральт из... Нет. Просто Геральт. Геральт из ниоткуда. Я ведьмак.

Мой дом — Каэр Морхен, Обиталище Ведьмаков. Я оттуда. Есть... Была такая крепость. От нее мало что осталось.

Каэр Морхен... Там «изготавливали» таких, как я. Теперь этого уже не делают, а в Каэр Морхене уже никто не живет. Никто, кроме Весемира. Кто такой Весемир? Мой отец. Чему ты удивляешься? Что в этом странного? У каждого есть какой-никакой отец. Мой — Весемир. Ну и что, что не настоящий. Настоящего я не знал, мать тоже. Не знаю даже, живы ли они. И, в общем-то, мне это безразлично.

Да, Каэр Морхен... Я прошел там обычную мутацию. Испытание Травами, а потом — как всегда. Гормоны, вытяжки, вирусы. И все заново. И еще раз. До результата. Считалось, что я перенес Трансмутацию удивительно хорошо, болел очень недолго. Ну и меня сочли достаточно иммунизированным — есть такое ученое слово — парнем и отобрали для следующих, более сложных... экспериментов. Эти были и того чище. Гораздо. Но, как видишь, я выжил. Единственный из всех, кого для этих экспериментов отобрали. С тех пор у меня белые волосы. Полное отсутствие пигмента. Как говорится — побочный эффект. Так, мелочишка. Почти не мешает.

Потом меня обучали всякому. Довольно долго. И наконец настал день, когда я покинул Каэр Морхен и вышел на большак. У меня уже был медальон. Вот этот. Знак Школы Волка. Дали мне и два меча — серебряный и стальной. Кроме мечей, я нес убеждение, запал, мотивировки и... веру. Веру в то, что я нужен и полезен. Потому что мир, Иоля, якобы полон чудовищ и бестий, а в мою задачу входило защищать тех, кому эти чудовища угрожают. Уходя из Каэр Морхена, я мечтал встретиться со своим первым чудовищем, не мог дождаться той минуты, когда столкнусь с ним лицом к лицу. И дождался.

У моего первого «чудовища», Иоля, была роскошная лысина и отвратительные зубы. Я встретился с ним на тракте, где он вместе с дружками-мародерами из какой-то армии остановил крестьянскую подводку и вытащил девочку лет, вероятно, тринадцати, а может, и меньше. Дружки держали отца девочки, а лысый срывал с нее платице и верещал, что ей-де самое время узнать, что есть настоящий мужчина. Я подъехал, слез с седла и сказал лысому, что для него тоже настал такой час. Мне это казалось ужасно смешным. Лысый отпустил девочку и кинулся на меня с топором. Он был страшно медлительный, но крепенький. Я ударил его дважды, только тогда он упал. Удары были не очень точные, но очень, я бы сказал, эффективные, такие, что дружки лысого сбежали, видя, что может сделать из человека ведьмачий меч.

Тебе не скучно, Иоля?

Мне нужна эта беседа. Она мне очень нужна.

Так на чем я остановился? Да, на моем первом благородном деянии. Видишь ли, Иоля, в Каэр Морхене мне в голову вдолбили, что не следует впутываться в такие истории, надо обходить их стороной, не изображать из себя странствующего рыцаря и не подменять стражей порядка. Я вышел на тракт не геройствовать, а за деньги выполнять поручаемые мне работы. А я вмешался словно дурак, не отъехав и пятидесяти верст от подножия гор. Знаешь, почему я это сделал? Хотел, чтобы девочка, заливаясь слезами, целовала мне, своему избавителю, руки, а ее отец рассыпался бы в благодарностях, стоя на коленях. Вместо этого отец девочки сбежал вместе с мародерами, а девочку, на которую пролилась большая часть крови лысого, вырвало, и с ней случился приступ истерии, а когда я к ней подошел, она с перепугу упала в обморок. С тех пор я почти никогда не встречал в подобные истории.

Я делал свое дело. Быстро набрался опыта. Подъезжал к оградкам деревень, останавливался у палисадников поселков и городищ. И ждал. Если народ плевался, ругался и кидал в меня камни, я уезжал. Если же кто-нибудь выходил и давал мне задание, я его выполнял.

Я посещал города и крепости, искал оповещения, прибитые к столбам на росстанях. Искал сообщения вроде: «Срочно требуется ведьмак. Оплата по соглашению». А потом, как правило, было какое-нибудь урочище, подземелье, некрополь или руины, лесной овраг либо пещера в горах, забитая костями и воняющая падалью. И что-нибудь такое, единственной целью которого было убивать. От голода, ради удовольствия, выполняя чью-то большую волю, по другим причинам, но — убивать. Мантихор, выворотка, мгляк, жагница, жряк, химера, леший, вампир, гуль, гравейр, оборотень, гигаскорпион, стрыга, упырь, яга, кикимора, глумец. И была пляска во тьме и взмахи меча. И был страх и ужас в глазах того, кто вручал мне потом плату.

Ошибки? А как же, были.

Но я всегда придерживался принципов. Нет, не кодекса. Иногда просто прикрывался кодексом. Людям это нравится. Тех, кто имеет кодексы и руководствуется ими, чтят и уважают.

Не существует никаких кодексов, Иоля. Еще не написан ни один кодекс для ведьмаков. Я свой себе придумал сам. Взял и придумал. И придерживался его. Всегда...

Ну, скажем, почти всегда.

Ведь бывало и так, что мне казалось, будто все ясно, никаких сомнений. Просто надо сказать себе: «А какое мне дело? Не все ли равно, я — ведьмак». И следовало прислушаться к гласу рассудка. Послушаться интуиции, если не опыта. Да хоть бы и обычного, самого что ни на есть обыкновеннейшего страха.

Надо было послушаться гласа рассудка и тогда...

Я не послушался.

Я думал, выбираю Меньшее Зло. Ну и выбрал... Меньшее Зло. Меньшее Зло! Я, Геральт из Ривии. Которого еще называют Мясником из Блавикена. Нет, Иоля, не прикасайся к моей руке. Контакт может высвободить в тебе... Ты можешь увидеть...

Я не хочу, чтобы ты увидела. Не хочу знать. Мне известно мое Предназначение,

которое крутит и вертит мною, как смерч. Мое Предназначение? Оно идет за мной следом, но я никогда не оглядываюсь.

Петля? Да, Нэннеке, кажется, чувствует это. Что меня тогда дернуло, в Цинтре? Разве можно было так глупо рисковать?

Нет, нет и еще раз нет. Я никогда не оглядываюсь. А в Цинтру не вернусь, буду обходить ее, как рассадник чумы. Никогда туда не вернусь.

Да, если мои расчеты верны, ребенок должен был родиться в мае, примерно в дни праздника Беллетэйн. Если я прав, то это было бы любопытное стечение обстоятельств. Потому что Йеннифэр тоже родилась в Беллетэйн...

Пошли, Июля. Смеркается.

Благодарю тебя за то, что ты согласилась со мной поговорить.

Благодарю тебя, Июля.

Нет, нет, со мной все в порядке. Я чувствую себя прекрасно.

Вполне.

Вопрос цены

1

К горлу ведьмака был приставлен нож.

Ведмак лежал, погрузившись в мыльную воду и откинув голову на скользкий край деревянной бадьи. Во рту чувствовался горький привкус мыла. Нож, тупой как валенок, болезненно скреб ему кадык, с хрустом перемещаясь к подбородку.

Цирюльник с миной художника, осознающего рождение шедевра, скребанул еще раз, как бы делая последний мазок, затем вытер ему лицо куском льняного полотна, смоченного чем-то таким, что вполне могло сойти за настойку лекарственного дягиля.

Геральт встал, позволил прислужнику вылить на себя ушат воды, вылез из бадьи, оставляя на полу следы мокрых ног.

— Полотенце, милсдарь. — Прислужник с любопытством глянул на его медальон.

— Благодарю.

— Вот одежда, — сказал Гаксо. — Рубашка, штаны, подштанники, камзол. А вот обувь.

— Вы обо всем подумали, кастелян. А в своих ботинках нельзя?

— Нельзя. Пива?

— Охотно.

Он одевался медленно. Прикосновение чужой, шершавой, непривычной одежды к распаренному телу портило настроение, которое установилось, пока он отмокал в воде.

— Господин кастелян?

— Слушаю вас, милсдарь Геральт.

— Не знаете ли, к чему все это? Зачем я тут нужен?

— Не мое дело, — сказал Гаксо, зыркнув на прислужников. — Мне велено вас надеть...

— Вы хотели сказать — одеть?

— Ну да, одеть и препроводить на пиршество, к королеве. Оденьте, виноват, наденьте камзол, милсдарь Геральт, и спрячьте под ним ведьминский медальон.

— Ведьмачий, господин кастелян, ведьмачий. Тут лежал мой кинжал.

— Уже не лежит. Он в безопасном месте, как и оба меча и остальное ваше имущество.

Там, куда вы идете, ходят без оружия.

Ведмак пожал плечами, одернул тесноватый пурпурного цвета камзол.

— А это что? — Он указал на вышивку, украшавшую грудь.

— О, конечно, — сказал Гаксо, — чуть не забыл. На время пиршества вы будете

благородным хозяином Равиксом из Четыругла. Как почетный гость сядете одесную королевы. Таково ее желание. А на камзоле — ваш герб. На золотом поле черный медведь, на нем девица в голубом одеянии с распущенными волосами и воздетыми руками. Соболаговолите запомнить, у кого-нибудь из гостей может быть бзик на геральдике, такое частенько случается.

— Ясно. Запомню, — серьезно сказал Геральт. — А Четыругла — где это?

— Четыругол. Достаточно далеко. Вы готовы? Можно идти?

— Можно. Скажите-ка еще, государь Гаксо, по какому случаю пир?

— Принцессе Паветте исполняется пятнадцать, по обычаю заявили претенденты на ее руку. Королева Калантэ хочет выдать ее за кого-нибудь из Скеллиге. Нам необходим союз с островитянами.

— Почему именно с ними?

— На тех, с кем у них союз, они нападают реже, чем на других.

— Существенный повод.

— Но не единственный. В Цинтре, милсдарь Геральт, традиция не позволяет править женщине. Наш король, Рёгнер, недавно скончался от морового поветрия, а другого мужа королева иметь не желает. Наша государыня Калантэ — женщина мудрая и справедливая, но король есть король. Тот, кто женится на принцессе, займет трон. Хорошо, если б попался боевой парень. А таких надо искать на островах. Они там народ жесткий. Ну пошли.

На середине внутренней галереи, окружавшей небольшой пустой дворик, Геральт остановился и тихо проговорил:

— Скажите, господин кастелян. Мы сейчас одни. Для чего королеве понадобился ведьмак? Вы должны кое-что знать. Кто, если не вы?

— Для того, для чего и всем остальным, — буркнул Гаксо. — Цинтра ничем не отличается от других мест. У нас есть и оборотни, и василиски, да и мантихор найдется, если толком пошукать. А стало быть, и ведьмак может пригодиться.

— Ох, крутите. Я спрашиваю, зачем королеве понадобился ведьмак на пиру, к тому же переодетый в голубого медведя с распущенными волосами.

Гаксо тоже остановился и даже перегнулся через балюстраду галереи.

— Творится что-то неладное, милсдарь Геральт, — буркнул он. — В замке, значит. Что-то тут появляется время от времени.

— Что?

— А что может появляться? Страховидло какое-то. Говорят, маленькое, горбатое, все в шипах, словно еж. Ночами по замку бродит, цепями гремит. Охает и стонет в покоях.

— Вы сами-то видели?

— Нет. — Гаксо сплюнул. — И видеть не хочу.

— Плетете, господин кастелян, плетете, — поморщился ведьмак. — Одно с другим не вяжется. Мы идем на обручальный пир. И что я там должен делать? Присматривать, как бы из-под стола не вылез горбун и не заохал? Без оружия? Выряженный словно шут? Эх, государь Гаксо!

— А, думайте что хотите, — надулся Гаксо. — Велели ничего вам не говорить. Вы просили, вот я и сказал. А вы — мол, я треплюсь. Вежливость сверх меры!

— Простите, не хотел вас обидеть. Просто удивился...

— Перестаньте удивляться. — Гаксо, все еще обиженный, повернул голову. — Вы тут не для того, чтобы удивляться. И советую, милсдарь ведьмак, если королева прикажет вам раздеться догола, покрасить себе задницу голубой краской и повиснуть в сеньях головой вниз навроче канделябра, делайте это не удивляясь и немедленно. Иначе могут быть неприятности. Понятно?

— А как же. Идемте, государь Гаксо. Что бы там ни было, проголодался я после купания.

Не считая ни о чем не говорящего формального приветствия, когда она поименовала его «хозяином Четыругла», королева Калантэ не обменялась с ведьмаком ни словом. Пир еще не начинался, гости, громогласно объявляемые герольдом, продолжали съезжаться.

За огромным прямоугольным столом могли разместиться свыше сорока человек. Во главе стола на троне с высокой спинкой восседала Калантэ. По правую руку от нее уселся Геральт, по левую — Дрогодар, седовласый бард с лютней. Два верхних кресла слева от королевы пустовали.

Справа от Геральта вдоль длинной стороны стола уселись кастелян Гаксо и воевода с трудно запоминающимся именем. Дальше сидели гости из княжества Аттре — угрюмый и молчаливый рыцарь Раинфарн и его подопечный, пухлый двенадцатилетний князь Виндхальм, один из претендентов на руку принцессы. Дальше — красочные и разномастные рыцари из Цинтры и окрестные вассалы.

— Барон Эйлемберт из Тигга! — возгласил герольд.

— Кудкудак! — буркнула Калантэ, толкнув локтем Дрогодара. — Будет потеха.

Худой и усатый, богато вырядившийся рыцарь низко поклонился, но его живые веселые глаза и блуждающая на губах улыбка противоречили раболепной мине.

— Приветствую вас, государь Кудкудак, — церемонно произнесла королева. Прозвище барона явно срослось с ним крепче, нежели родовое имя. — Рада видеть.

— И я рад приглашению, — вздохнув, сообщил Кудкудак. — Что ж, погляжу на принцессу, ежели на то будет твоя воля, королева. Трудно жить в одиночестве, государыня.

— Ну-ну, государь Кудкудак, — слабо улыбнулась Калантэ, накручивая на палец локон. — Мы прекрасно знаем, что вы женаты.

— Охо-хо, — вздохнул барон. — Сама знаешь, государыня, какая слабая и нежная у меня жена, а теперь в наших краях как раз оспа ходит. Ставлю свой пояс против старых лаптей, что через год с ней будет все кончено.

— Бедненький Кудкудак, но и счастливцев одновременно. — Калантэ улыбнулась еще милее. — Жена у тебя действительно слабовата. Я слышала, когда на прошлогодней жатве она застучала тебя в стогу с девкой, то гнала вилами чуть ли не версту, да так и не догнала. Надо ее лучше кормить и посматривать, чтобы по ночам спина не мерзла. И через год, вот увидишь, поправится.

Кудкудак посмурнел, но не очень убедительно.

— Намек понял. Но на пиру остаться могу?

— Буду рада, барон.

— Посольство из Скеллиге! — крикнул уже порядком охрипший герольд.

Островитяне вошли молодеватыми гулками шагами, вчетвером, в блестящих кожаных куртках, отороченных мехом котика, перепоясанные клетчатыми шерстяными шарфами. Первым шел жилистый воин, смуглый, с орлиным носом, рядом — плечистый юноша с рыжей шевелюрой. Все четверо склонились перед королевой.

— Почитаю за честь, — сказала Калантэ, слегка покраснев, — вновь приветствовать в своем замке знатного рыцаря Эйста Турсеаха из Скеллиге. Если б не хорошо известный факт, что тебе претит мысль о семейных узах, я бы с радостью приняла весть, что ты, возможно, прибыл просить руки моей Павеитты. Неужто одиночество стало тебе докучать?

— Довольно часто, прекрасная Калантэ, — ответил смуглолицый островитянин, поднимая на королеву горящие глаза. — Однако я веду слишком опасную жизнь, чтобы думать о постоянной связи. Если б не это... Павеитта еще юный, нераспустившийся бутон, но...

— Что «но», рыцарь?

— Яблочко от яблоньки недалеко падает, — улыбнулся Эйст Турсеах, сверкнув белизной зубов. — Достаточно взглянуть на тебя, королева, чтобы увидеть, какой красавицей станет принцесса, когда достигнет того возраста, в котором женщина может дать счастье воину. Сейчас же бороться за ее руку должны юноши. Такие, как племянник нашего короля

Брана, Крах ан Крайт, прибывший к тебе именно с этой целью.

Крах, наклонив рыжую голову, опустился перед королевой на одно колено.

— А кого ты еще привел, Эйст?

Кряжистый мужчина с бородой метлой и верзила с волынкой за спиной опустились на колено рядом с Крахом ан Крайтом.

— Это доблестный друид Мышовур, как и я, — друг и советник короля Брана. А это Драйг Бон-Дху, наш знаменитый скальд. Тридцать же моряков из Скеллиге ждут во дворе, надеясь, что прекрасная Калантэ из Цинтры покажется им хотя бы в окне.

— Рассаживайтесь, благородные гости. Ты, милсдарь Турсеах, здесь.

Эйст занял свободное место на узкой стороне стола, отделенный от королевы только пустым стулом и местом Дрогодара. Остальные островитяне уселись слева, между маршалом двора Виссегердом и тройкой сыновей хозяина из Стрепта, которых звали Слиздяк, Дроздяк и Держигорка.

— Ну, более-менее все, — наклонилась королева к маршалу. — Начинаем, Виссегерд.

Маршал хлопнул в ладоши. Слуги с блюдами и кувшинами в руках строем двинулись к столу, приветствуемые радостным гулом.

Калантэ почти ничего не ела, лишь равнодушно ковыряла блюда серебряной вилкой. Дрогодар, что-то быстро заглотав, брэнчал на лютне. Зато остальные гости активно опустошали блюда с запеченными поросятами, птицей, рыбой и моллюсками, при этом опережал всех рыжий Крах ан Крайт. Раинфарн из Аттре строго следил за юным князем Виндхальмом, один раз даже дал ему по рукам за попытку ухватить кувшин с яблочной наливкой. Кудкудак, на секунду оторвавшись от бараньей ноги, порадовал соседей свистом болотной черепахи. Становилось все веселее. Звучали тосты, все менее складные.

Калантэ поправила тонкий золотой обруч на пепельно-серых, закрученных локонами волосах, слегка повернулась к Геральту, пытавшемуся разгрызть панцирь большого красного омара.

— Ну, ведьмак, — сказала она, — за столом уже достаточно шумно, чтобы незаметно обменяться несколькими словами. Начнем с любезностей. Я рада познакомиться с тобой.

— Взаимно рад, королева.

— А теперь так: у меня к тебе дело.

— Догадываюсь. Редко кто меня приглашает на пирушки из чистой симпатии.

— Надо думать, ты не очень-то интересный собеседник за столом. Ну а еще о чем-нибудь ты догадываешься?

— Да.

— О чем же?

— Скажу, когда узнаю, какое у тебя ко мне дело, королева.

— Геральт, — сказала Калантэ, коснувшись пальцами ожерелья, в котором самый маленький изумрудик был размером со скарабея, — как по-твоему, какое задание можно придумать для ведьмака? А? Выкопать колодец? Залатать дыру в крыше? Выткать гобелен, изображающий все позы, какие король Вриданк и прекрасная Керо испробовали во время первой ночи? Думаю, ты и сам прекрасно знаешь, в чем состоит твоя профессия.

— Знаю. И теперь могу сказать, о чем я догадался.

— Интересно.

— О том, что, как и многие иные, ты путаешь мою профессию с совершенно другой.

— Ах, — Калантэ с задумчивым и отсутствующим видом, слегка наклонившись к брэнчащему на лютне Дрогодару, проговорила:

— И кто же они такие, Геральт, те многие, которые оказались равными мне по невежеству? И с какой такой профессией эти глупцы путают твою?

— Королева, — спокойно сказал Геральт, — по пути в Цинтру мне встречались кметы, купцы, старьевщики-краснолюдцы, котельщики и лесорубы. Они говорили о бабе-яге, у которой где-то в здешних местах есть логово, этакий домик на когтистых курьих ножках. Упоминали о химере, гнездящейся в горах. О жагницах-коромыслах и сколопендроморфах.

Вроде бы встречается и мантихор, если как следует пошукать. Так что работы для ведьмака хватает, и при этом ему даже нет нужды наряжаться в чужие перья и гербы.

— Ты не ответил на вопрос.

— Королева, не сомневаюсь, что союз со Скеллиге, заключенный путем замужества твоей дочери, Цинтре необходим. Возможно, интриганов, которые хотят этому помешать, следовало бы проучить, да так, чтобы властитель не был в это замешан. Разумеется, лучше, если б это сделал никому здесь не известный хозяин из Четыругла, который тут же исчезнет со сцены. А теперь я отвечу на твой вопрос. Ты пугаешь мою специальность с профессией наемного убийцы. А многие иные — это те, в руках у которых власть. Меня уже не раз призывали во дворцы, в которых проблемы хозяина требуют быстрых ударов меча. Но я никогда не убивал людей ради денег, независимо от того, требовали ли этого добрые или скверные обстоятельства. И никогда этого делать не стану.

Атмосфера за столом оживлялась пропорционально количеству убывающего пива. Рыжий Крах ан Крайт нашел благодарных слушателей, которые внимали его рассказу о битве под Твитом. Начертав на столе карту при помощи кости с мясом, смоченной в соусе, он наносил на нее тактическую ситуацию, при этом громко вереща. Кудкудак, доказывая справедливость данного ему прозвища, неожиданно закудахтал, словно самая настоящая квочка, вызвав всеобщее веселье пирующих и отчаяние слуг, решивших, что, насмехаясь над бдительностью охранников, в залу со двора проникла птица.

— М-да, судьба наказала меня чересчур уж догадливым ведьмаком, — улыбнулась Калантэ, но глаза ее были прищурены и злы. — Ведьмак, который без тени уважения или хотя бы элементарной почтительности раскрывает мои интриги и ужасные преступные планы. Послушай, а случайно, не притупило ли твоего рассудка восхищение моей красотой и привлекательностью? Никогда больше так не поступай, Геральт. Не говори так с теми, у кого в руках власть. Никто не простит тебе этого, а ты знаешь королей, знаешь, что средств у них достаточно. Кинжал. Яд. Подземелье. Раскаленные клещи. Есть сотни, тысячи способов, к которым обращаются короли, привыкшие мстить за оскорбленную гордость. Ты не поверишь, Геральт, как легко задеть гордость некоторых владык. Редко кто из них спокойно выслушает такие слова, как «Нет», «Не буду», «Никогда». Мало того, достаточно их перебить либо вставить неподходящее словечко, и все — колесование обеспечено.

Калантэ сложила белые узкие ладони и слегка коснулась их губами, сделав эффектную паузу. Геральт не перебивал и не вставлял неподходящих словечек.

— Короли, — продолжала Калантэ, — подразделяют людей на две категории. Одним приказывают, других покупают. Ибо короли придерживаются старой и банальной истины: купить можно любого. Любого. Вопрос только в цене. С этим ты согласен? Ах, напрасно я спрашиваю, ты же ведьмак, выполняешь свою работу и берешь плату. В отношении тебя слово «купить» теряет свое презрительное звучание. И вопрос цены в твоем случае — дело очевидное, связанное со степенью сложности задачи, качеством исполнения, мастерством. И с твоей славой, Геральт. Нищие на ярмарках распевают о деяниях белоголового ведьмака из Ривии. Если хотя бы половина того, о чем они поют, правда, то могу поспорить, что цена твоих услуг немалая. Привлекать тебя к таким простым и банальным делишкам, как дворцовые интриги и грабежи, было бы пустой тратой денег. Это могут сделать другие, более дешевые руки.

— БРААК! ГРАААХ! БРАААК! — вдруг возопил Кудкудак, сорвав громкие аплодисменты за имитацию крика очередного животного. Геральт не знал какого, но не хотел бы встретиться с чем-либо подобным. Он отвернулся, заметив спокойный, ядовито-зеленый взгляд королевы. Дрогодар, опустив голову и спрятав лицо за седыми волосами, опадающими на руки, тихо побрыкивал на лютне.

— Ах, Геральт, — сказала Калантэ, жестом запрещая прислужнику доливать кубок. — Я все говорю, а ты все молчишь. Мы на пиру, нам хочется как следует повеселиться. Развесели меня. Мне начинает не доставать твоих ценных замечаний и пронизательных комментариев. Не помешали бы парочка комплиментов, заверения в уважении и верности,

например. Очередность — на твое усмотрение.

— Ну что ж, королева, — произнес ведьмак, — не спорю, я, несомненно, малоинтересный собеседник за столом. Надивиться не могу, что именно мне ты оказала честь, поместив рядом с собой. Ведь здесь можно было посадить гораздо более соответствующего твоим желаниям человека. Достаточно кому-либо приказать или кого-либо купить. Всего лишь вопрос цены.

— Говори, говори. — Калантэ откинула голову, прикрыла глаза и сложила губы, изобразив некое подобие милой улыбки.

— Я невероятно горд тем, что именно мне выпала честь сидеть рядом с королевой Калантэ из Цинтры, красоту которой превышает только ее мудрость. Не меньшей честью я почитаю и то, что королева соизволила слышать обо мне, а также и то, что на основании услышанного пожелала использовать меня для банальных делишек. Прошлой зимой князь Погробарк, не будучи столь тонок умом, пытался нанять меня для поисков красоты, которая, пресытившись его ухаживаниями, сбежала с бала, потеряв тувфельку. Я с большим трудом убедил его, что для этого нужен ловкий охотник, а не ведьмак.

Королева слушала с загадочной улыбкой на устах.

— Да и другие владыки, не столь мудрые, как ты, государыня Калантэ, бывало, предлагали мне элементарные по сути задания. В основном их интересовали банальные убийства пасынка, отчима, мачехи, дядюшки, тетушки, трудно перечислить. Им казалось, будто все упирается лишь в цену.

Улыбка королевы могла означать все что угодно.

— Поэтому повторяю, — Геральт слегка наклонил голову. — Я вне себя от гордости, имея возможность сидеть рядом с тобой, королева. Гордость же для нас, ведьмаков, значит очень много. Ты не поверишь, королева, как много. Некий владыка однажды уязвил гордость ведьмака, предложив тому работу, не согласующуюся с честью и ведьмачьим кодексом. Более того, он не принял к сведению вежливого отказа, хотел удержать ведьмака в своих владениях. Все, кто бы ни комментировал этот случай, в один голос утверждали, что идея того владыки была не из лучших.

— Геральт, — сказала Калантэ, немного помолчав, — я ошиблась. Ты оказался очень интересным собеседником за столом.

Кудкудак, отряхнув усы и кафтан от пивной пены, задрал голову и пронзительно взвыл, весьма удачно подражая вою волчицы во время течки. Собаки во дворе и по всей округе поддержали его воем.

Один из стрептских братьев, кажется, Держигорка, обмакнув палец в пиво, провел толстую черту около воинского подразделения, нарисованного Крахом ан Крайтом, и воскликнул:

— Ошибочно и бездарно! Нельзя было так действовать. На этом фланге надо было поставить конницу и вдарить сбоку!

— Ха! — рявкнул Крах ан Крайт, хватив костью по столу, в результате чего лица и туники соседей покрылись пятнами соуса. — И ослабить середину? Ключевую позицию? Нелепица!

— Только слепец или чокнутый не маневрирует при такой ситуации!

— Точно! Верно! — крикнул Виндхальм из Аттре.

— А тебя кто спрашивает, говнюк?

— От говнюка слышу!

— Заткнись, не то огрею костью!

— Сиди на своей жопе, Крах, и помалкивай! — крикнул Эйст Турсеах, прерывая беседу с Виссегердом. — Довольно лаяться! Эй, господин Дрогодар! Талант пропадает! Чтобы слушать ваше прекрасное, но слишком тихое пение, необходима сосредоточенность и серьезность. Драйг Бон-Дху, кончай жрать и лакать! За этим столом ты никого не удивишь ни тем, ни другим. Подуй-ка в свои дудки и порадуй наши уши приличной боевой музыкой. С твоего позволения, благородная Калантэ!

— О мать моя, — шепнула королева Геральту, в немом отчаянии возводя глаза к потолку. Но кивнула, улыбнувшись естественно и доброжелательно.

— Драйг Бон-Дху, — проговорил Эйст, — сыграй нам песню о битве под Хочебужем! Она-то не подорвет нашего доверия к тактическим действиям полководцев! И еще раз поведает о том, кто покрыл себя неувядаемой славой в том бою! Здравие героической Калантэ из Цинтры!

— Здравие! Хвала! Слава! — рычали гости, наполняя кубки и глиняные кружки.

Дудки драйговской волынки издали зловещий гул, потом заныли ужасающим, протяжным, вибрирующим стоном. Пирующие запели, отбивая такт, то есть барабана чем попало по столу. Кудкудак алчно уставился на мешок из козлиной кожи, несомненно, зачарованный мыслью о том, как бы включить вырывающиеся из его чрева жуткие звуки в свой репертуар.

— Хочебуж, — сказала Калантэ, глядя на Геральта, — мой первый бой. Хоть я и опасаюсь вызвать нарекания почтенного ведьмака, признаюсь, что тогда дрались из-за денег. Враг палил деревни, которые платили нам дань, а мы, ненасытные и жадные, вместо того чтобы допустить это, кинулись в бой. Банальный повод, банальная битва, банальные три тысячи трупов, расклеванных воронами. И заметь, вместо того чтобы устыдиться, я сижу тут, гордясь, что обо мне слагают песни. Даже если их маломелодичное пение сопровождается столь кошмарной, варварской музыкой.

Королева снова изобразила на лице пародию на улыбку, счастливую и доброжелательную, подняв пустой кубок в ответ на тосты, летевшие со всех сторон стола. Геральт молчал.

— Продолжим. — Калантэ приняла поданное Дрогодаром бедрышко фазана и принялась его изящно обглаживать. — Итак, ты возбудил во мне интерес. Мне рассказывали, что вы, ведьмаки, любопытная каста, но я не очень-то верила. Теперь верю. Если вас ударить, вы издаете такой звук, будто выкованы из стали, а не вылеплены из птичьего помета. Однако это ни в коей мере не меняет того факта, что ты находишься тут, чтобы выполнить задание. И ты его исполнишь не мудрствуя лукаво.

Геральт не улыбнулся ни насмешливо, ни ехидно, хотя было у него такое желание.

— Я думала, — буркнула королева, уделяя, казалось, все внимание исключительно фазаньему бедрышку, — ты что-нибудь скажешь. Или улыбнешься. Нет? Тем лучше. Можно ли считать, что мы заключили соглашение?

— Нечеткие задания, — сухо бросил ведьмак, — невозможно четко выполнять, королева.

— А что тут нечеткого? Ты же сразу обо всем догадался. Действительно, я планирую союз со Скеллиге и замужество моей дочери, Паветты. Ты не ошибся, предположив, что моим планам что-то угрожает, а также, что нужен мне, дабы эту угрозу ликвидировать. Но на том твоя догадливость и кончается. Предположив, будто я путаю профессию твою с профессией наемного убийцы, ты сделал мне больно. Учти, Геральт, я вхожу в число тех немногих владык, которые абсолютно точно знают, чем занимаются ведьмаки и для каких дел их следует приглашать. С другой стороны, если некто убивает людей так же ловко, как ты, пусть даже и не ради денег, он не должен удивляться тому, что столь многие приписывают ему профессионализм в подобных делах. Твоя слава опережает тебя, Геральт, и она громче, чем треклятая волынка Драйга Бон-Дху. Да и приятных звуков в ней столь же мало.

Волынщик, хоть и не мог слышать слов королевы, закончил свой концерт. Застольники наградили его хаотической, шумной овацией и с новыми силами кинулись истреблять запасы пищи и напитков, отдавшись воспоминаниям о ходе различных битв и непристойным шуткам о женщинах. Кудкудак то и дело издавал громкие звуки, однако невозможно было определить однозначно, были ли это подражания очередным животным или же попытки облегчить перегруженный кишечник.

Эйст Турсеах перегнулся через стол.

— Королева, вероятно, серьезные проблемы побуждают тебя все свое время посвящать исключительно хозяину из Четыругла, но, мне думается, пора бы уже взглянуть на принцессу. Чего мы ждем? Не того же, чтобы Крах ан Крайт упился вконец. А это уже близко.

— Ты, как всегда, прав, Эйт. — Калантэ тепло улыбнулась. Геральт не переставал дивиться богатому арсеналу ее улыбок. — Действительно, мы с благородным Равиксом обсуждали чрезвычайно важные дела. Но не волнуйся, я посвящу время и тебе. Но ты же знаешь мой принцип: сначала дела, потом удовольствия. Господин Гаксо!

Она подняла руку, кивнула кастеляну. Гаксо молча встал, поклонился и быстро побежал по лестнице, скрывшись в темной галерейке. Королева снова повернулась к ведьмаку.

— Слышал? Мы, оказывается, чересчур увлеклись беседой. Если Паветта уже перестала вертеться перед зеркалом, то сейчас придет. Поэтому слушай внимательно, повторять я не стану. Я хочу добиться того, что задумала и что ты довольно точно угадал. Никаких других решений быть не может. Что касается тебя, то у тебя есть выбор. Тебя могут заставить действовать по моему приказу... Над последствиями непослушания не вижу смысла рассусоливать. Послушание, разумеется, будет щедро вознаграждено. Или же ты можешь оказать мне платную услугу. Заметь, я не сказала: «Могу тебя купить», потому что решила не уязвлять твоего ведьмачьего самолюбия. Согласись, разница колоссальная?

— Размеры этой разницы как-то ускользнули от моего внимания.

— Так уж ты постарайся быть повнимательнее, когда я говорю с тобой. Разница, дорогой мой, состоит в том, что купленному покупателю платит по собственному усмотрению, а оказывающий услугу цену назначает сам. Ясно?

— Более-менее. Допустим, я выбираю форму платной услуги. Но тебе не кажется, что мне следует знать, в чем эта услуга состоит?

— Нет, не следует. Если это приказ, то он, конечно, должен быть конкретным и однозначным. Другое дело, когда речь идет о платной услуге. Меня интересует результат. Ничего больше. Какими средствами ты его обеспечишь — твое дело.

Геральт, подняв голову, встретился с черным пронизывающим взглядом Мышовура. Друид из Скеллиге, не спуская с ведьмака глаз, как бы в задумчивости крошил в руке кусочек хлеба, роняя крошки. Геральт взглянул на стол. Перед друидом на дубовой столешнице крошки хлеба, зернышки каши и красные обломочки панциря омара быстро шевелились, бегая словно муравьи. И складывались в руны. Руны — на мгновение — соединились в слово. В вопрос.

Мышовур ждал, не спуская с Геральта глаз. Ведьмак едва заметно кивнул. Друид опустил веки и с каменным лицом смел крошки со стола.

— Благородные господа! — воскликнул герольд. — Паветта из Цинтры!

Гости утихли, повернув головы к лестнице.

Предваряемая кастеляном и светловолосым пажом в пурпурного цвета курточке, принцесса спускалась медленно, опустив голову. Волосы у нее были того же цвета, что у матери, — пепельно-серые, но она носила их заплетенными в две толстые косы, доходящие почти до ягодиц. Кроме диадемки с искусно вырезанной геммой и пояса из мелких золотых звеньев, охватывающего на бедрах длинное серебристо-голубое платье, на Паветте не было никаких украшений.

Сопровождаемая пажом, герольдом, кастеляном и Виссегердом, принцесса прошла к столу и заняла свободный стул между Дрогодаром и Эйстом Турсеахом. Рыцарь-островитянин не замедлил позаботиться о ее кубке и занять разговором. Геральт обратил внимание, что отвечала она не больше чем одним словом. Глаза у нее были постоянно опущены и все время прикрыты длинными ресницами, даже во время громогласных тостов, летевших со всех сторон стола. Ее красота, несомненно, произвела впечатление на пирующих. Крах ан Крайт перестал вскрикивать и молча глазел на Паветту, забыв даже о кубке с пивом. Виндхальм из Аттре пожирал принцессу глазами, переливаясь всеми цветами

побежалости, словно лишь несколько песчинок в часах отделяли его от брачного ложа. Подозрительно сосредоточившись, разглядывали миниатюрное личико девочки Кудкудак и братья из Стрепта.

— Так, — тихо сказала Калантэ, явно довольная эффектом. — Что скажешь, Геральт? Без ложной скромности — дева уродилась в мать. Мне даже немного жаль отдавать ее в руки рыжему чурбану Краху. Вся надежда на то, что, может быть, из сопляка вырастет нечто такого же класса, как Эйст Турсеах. Как ни говори — та же кровь. Ты меня слушаешь, Геральт? Цинтра должна вступить в союз со Скеллиге, ибо того требуют государственные интересы. Моя дочь должна выйти за соответствующего человека, ибо это моя дочь. Именно этот результат ты должен мне обеспечить.

— Я? Неужто недостаточно твоей воли, королева?

— События могут пойти так, что будет недостаточно.

— Что может быть сильнее твоей воли?

— Предназначение.

— Ага. Стало быть, я, слабый ведьмак, должен сопротивляться Предназначению, которое сильнее королевской воли. Ведьмак, борющийся с Предназначением! Какая ирония!

— В чем ты видишь иронию?

— Не будем об этом. Королева, похоже, услуга, которую ты требуешь, граничит с невозможностью.

— Если бы она граничила с возможностью, — процедила сквозь зубы Калантэ, — я справилась бы сама, мне не понадобился бы знаменитый Геральт из Ривии. Перестань мудрствовать. Сделать можно все, это лишь вопрос цены. Черт возьми, в твоем ведьмачьем ценнике должна быть цена за то, что граничит с невозможностью. Думаю, немалая. Обеспечь нужный мне результат, и ты получишь то, что пожелаешь.

— Как ты сказала, королева?

— Дам, что пожелаешь. Не люблю повторять. Интересно бы узнать, ведьмак, ты перед каждой работой, за которую берешься, стараешься отбить у нанимателя охоту так же усиленно, как у меня? Время уходит, ведьмак. Да или нет? Отвечай.

— Да.

— Лучше. Лучше, Геральт. Твои ответы уже гораздо ближе к идеалу, все больше походят на те, какие я ожидаю. А теперь незаметно протяни левую руку и пощупай за спинкой моего трона.

Геральт сунул руку под желто-голубую драпировку. Почти сразу же наткнулся на меч, плоско прикрепленный к обитой тисненой козловой кожей спинке. Прекрасно знакомый меч.

— Королева, — бросил он тихо, — не говоря уж о том, что я раньше сказал относительно уничтожения людей, ты, конечно, понимаешь, что против Предназначения меча недостаточно?

— Понимаю, — Калантэ опустила голову. — Необходим еще ведьмак, который этот меч держит. Как видишь, я позаботилась и об этом.

— Королева...

— Ни слова больше, Геральт. Мы и так слишком долго шушукаемся. На нас смотрят, а Эйст начинает закипать. Только не слишком усердствуй. Я хочу, чтобы рука у тебя была твердой.

Он так и поступил. Королева включилась в разговор, который вели Эйст, Виссегерд и Мышовур при молчаливом и сонном участии Паветты. Дрогодар отложил лютню и наверстывал упущенное в еде. Гаксо был неразговорчив. Воевода с трудно произносимым именем, который что-то слышал о делах и проблемах Четыругла, спросил из приличия, хорошо ли жеребятся кобылы. Геральт ответил, что, мол, да, лучше, чем жеребцы. Он не был уверен, что шутку правильно поняли. Больше вопросов воевода не задавал.

Мышовур все время пытался встретиться взглядом с ведьмаком, но крошки на столе уже не шевелились.

Крах ан Крайт все больше сближался с двумя братьями из Стрепта. Третий, самый

младший, совсем захмелел, стараясь выдержать темп, предложенный Драйгом Бон-Дху. Похоже, скальд из этого состязания вышел трезвым как стеклышко.

Собравшиеся в конце стола более молодые и не столь важные гости фальшиво затанули известную песенку о рогатом козленочке и мстительной, напрочь лишенной чувства юмора бабулечке.

Кучерявый слуга и капитан стражи в желто-голубых цветах Цинтры подбежали к Виссегерду. Маршал, поморщившись, выслушал доклад, встал, подошел к трону и, низко наклонившись, что-то прошептал королеве. Калантэ быстро глянула на Геральта и ответила кратко, односложно. Виссегерд наклонился еще ниже, зашептал, королева резко взглянула на него, молча ударила ладонью по подлокотнику трона. Маршал поклонился, передал приказ капитану стражи. Геральт не расслышал, что это был за приказ. Однако увидел, что Мышовур беспокойно шевельнулся и взглянул на Паветту — принцесса сидела неподвижно, опустив голову.

В зале послышались тяжелые, отдающие металлом шаги, пробивающиеся сквозь гул за столом. Пирующие подняли головы и обернулись.

Приближающаяся фигура была закована в латы, скомбинированные из металлических пластин и травленной в воске кожи. Выпуклый, граненый, черно-голубой нагрудник заходил на сегментную юбку и короткие защитные щитки на бедрах. Металлические наплечники щетинились острыми стальными иглами, забрало с густой сеткой, вытянутое на манер собачьей морды, было усеяно шипами, как кожа каштана.

Хрустя и скрипя, странный гость приблизился к столу и застыл напротив трона.

— Благородная королева, благородные господа, — проговорил пришелец из-за забрала, проделывая неуклюжий поклон. — Прошу простить за то, что нарушаю торжественный пир. Я Йож из Эрленвальда.

— Приветствую тебя, Йож из Эрленвальда, — медленно проговорила Калантэ. — Займи место за столом. Мы в Цинтре рады любому гостю.

— Благодарю, королева. — Йож из Эрленвальда еще раз поклонился, коснулся груди рукой в железной перчатке. — Однако я прибыл в Цинтру не как гость, а по делу — важному, не терпящему отлагательства. Если королева Калантэ позволит, я изложу его суть незамедлительно, не отнимая у вас непотребно времени.

— Йож из Эрленвальда, — резко сказала королева. — Похвальная забота о нашем времени не оправдывает неуважительности. А таковой я считаю то, что ты обращаешься ко мне из-за железного решета. Посему — сними шлем. Уж мы как-нибудь переживем потерю времени, кое тебе понадобится на такое действие.

— Мое лицо, королева, должно оставаться закрытым. Пока. С твоего позволения.

По зале пролетел гневный шум, гул, там и сям усиленный приглушенными ругательствами. Мышовур, наклонив голову, беззвучно пошевелил губами. Ведьмак почувствовал, как заклинание на секунду наэлектризовало воздух, шевельнуло его медальон. Калантэ глянула на Йожа, прищурившись и постукивая пальцами по подлокотнику трона.

— Позволяю, — сказала она наконец. — Хотелось бы верить, что причина, которой ты руководишься, достаточно серьезна. Итак, говори, что привело тебя, Йож Безликий.

— Благодарю за позволение, — произнес пришелец. — Однако, чтобы отклонить укор в отсутствии уважения, поясню, что дело в рыцарском обете. Я не могу открыть лицо, пока не пробьет полночь.

Королева небрежным жестом подтвердила, что принимает объяснение. Йож сделал шаг вперед, скрипнув шипастыми латами.

— Пятнадцать лет тому назад, — пояснил он громко, — твой супруг, госпожа Калантэ, король Рёгнер, заблудился во время охоты в Эрленвальде. Плутая по бездорожью, упал с коня в яр и вывихнул ногу. Он лежал на дне яра и звал на помощь, но ответом было только шипение змей да вой приближающихся оборотней. Он, несомненно, погиб бы, если б не подоспевшая помощь.

— Я знаю. Так оно и было, — подтвердила королева. — И если ты это знаешь тоже, то,

догадываюсь, что ты и был тем, кто оказал ему помощь.

— Да. Только благодаря мне он вернулся в замок целым и невредимым. К тебе, государыня.

— Значит, я обязана тебе благодарностью, Йож из Эрленвальда. Эта благодарность не становится меньше оттого, что Рёгнер, владыка моего сердца и ложа, уже покинул этот мир. Я рада бы спросить, каким образом могу проявить благодарность, однако боюсь, что благородного рыцаря, дающего обеты и руководствующегося во всех поступках рыцарским кодексом, такой вопрос может обидеть. Поскольку это предполагало бы, что помощь, которую ты оказал королю, не была бескорыстной.

— Ты прекрасно знаешь, королева, что она действительно не была таковой. Знаешь также, что я как раз и пришел за наградой, обещанной мне королем за спасение его жизни.

— Вот как? — улыбнулась королева, но в ее глазах забегали зеленые искорки. — Стало быть, ты нашел короля на дне яра, безоружного, раненого, брошенного на произвол судьбы, на милость змей и чудовищ, и только после того, как он пообещал тебе награду, поспешил ему на помощь? А если б он не хотел или не мог обещать награды, ты оставил бы его там, а я до сих пор не знала бы, где белеют его кости? Ах как благородно! Уж наверняка ты руководствовался каким-нибудь рыцарским обетом.

Шум меж собравшимися усилился.

— И сегодня прибыл за наградой, Йож? — продолжала королева, улыбаясь все более зловеще. — Спустя пятнадцать лет? Вероятно, надеешься на проценты, которые набежали за это время? Здесь не гномий банк, Йож. Стало быть, говоришь, награду тебе обещал Рёгнер? Что делать, трудновато будет призвать его сюда, дабы он расплатился с тобой. Пожалуй, проще отправить тебя к нему, на тот свет. Там вы договоритесь, кто кому задолжал. Я достаточно сильно любила своего супруга, Йож, чтобы не думать о том, что могла бы потерять его уже тогда, пятнадцать лет назад, если б он не захотел с тобой торговаться. Эта мысль вызывает у меня не очень-то приятные чувства к твоей особе. Знаешь ли ты, замаскированный пришелец, что сейчас здесь в Цинтре, в моем замке и в моих руках, ты столь же беспомощен и близок к смерти, как Рёгнер тогда, на дне яра? Так что же ты можешь предложить мне, какую цену, какую награду, если я пообещаю, что ты уйдешь отсюда живым?

Медальон на шее Геральта дернулся, задрожал. Ведьмак быстро глянул на Мышовура, столкнулся с его пронизывающим, явно обеспокоенным взглядом. Он слегка покачал головой, вопросительно поднял брови. Друид тоже сделал отрицательное движение, едва заметно указав курчавой бородой на Йожу. Геральт не был уверен.

— Твои слова, — воскликнул Йож, — рассчитаны на то, чтобы испугать меня. И на то, чтобы вызвать гнев собравшихся здесь благородных господ, презрение со стороны твоей красавицы дочери, Паветты. Но самое главное — твои слова лживы. И ты прекрасно знаешь это!

— Иначе говоря, я вру... как сивый мерин. — На губах Калантэ заиграла очень неприятная улыбка.

— Ты отлично знаешь, королева, — спокойно продолжал пришелец, — что тогда произошло в Эрленвальде. Знаешь, что спасенный мною Рёгнер сам, по своей воле поклялся дать мне все, что я пожелаю. Я призываю всех в свидетели того, что я сейчас скажу! Когда король, которого я спас и отвел к лагерю, снова спросил, чего я хочу, я ответил. Попросил, чтобы он обещал отдать мне то, что оставил дома, но о чем не знает и чего не ожидает. И король поклялся, что быть посему. А вернувшись в замок, застал тебя, Калантэ, рожаящей. Да, королева, я ждал пятнадцать лет, а в это время проценты на мою награду росли. Сегодня, глядя на прекрасную Паветту, я вижу, что ожидание себя оправдало! Милостивые государи, господа и рыцари! Часть из вас прибыла в Цинтру просить руки принцессы. Заявляю, что вы прибыли напрасно. Со дня своего рождения, в силу королевской клятвы, прекрасная Паветта принадлежит мне!

Среди пирующих разразилась буря. Кто-то кричал, кто-то ругался, кто-то колотил

кулаками по столу, переворачивая посуду. Держигорка из Стрепта выхватил торчащий в бараньей печени нож и принялся им размахивать. Крах ан Крайт, наклонившись, явно пытался вырвать поперечину из крестовины стола.

— Это черт знает что такое! Бесстыдство! Наглость! — орал Виссегерд. — Чем ты докажешь? Где твои доказательства?

— Лицо королевы, — воскликнул Йож, протянув руку в железной перчатке, — самое лучшее тому доказательство.

Паветта сидела неподвижно, не поднимая головы. В воздухе конденсировалось что-то очень странное. Медальон ведьмака дергался на цепочке под камзолом. Геральт увидел, как королева движением руки подозвала стоявшего рядом пажа и шепотом отдала ему короткий приказ. Какой, Геральт не расслышал, однако удивление, появившееся на лице мальчика, и то, что королеве пришлось повторить приказ, заставило его задуматься. Паж побежал к выходу.

Гомон за столом не прекращался. Эйст Турсеах повернулся к королеве.

— Калантэ, он говорит правду?

— А если даже и так, — процедила королева, кусая губы и теребя зеленый шарф на руке, — то что?

— Если он говорит правду, — насупился Эйст, — то обещание придется выполнить.

— Да?

— Надо понимать, — угрюмо спросил островитянин, — что так же беззаботно ты относишься ко всем обещаниям? В том числе и к тем, которые так хорошо закрепились у меня в памяти?

Геральт, который никак не ожидал увидеть на лице Калантэ яркого румянца, влажных глаз и дрожащих губ, был изумлен.

— Эйст, — шепнула королева, — это совсем другое...

— Правда?

— Ах ты, сукин сын, — неожиданно рывкнул Крах ан Крайт, срываясь с места. — Последний глупец, который осмелился утверждать, будто я что-то сделал напрасно, был обглодан крабами на дне залива Алленкер. Не для того прибыл я сюда из Скеллиге, чтобы возвращаться ни с чем! Конкурент нашелся, мать твоя шлюха! Оля-ля, а ну кто-нибудь принесите мне меч и дайте железяку этому дурню! Сейчас посмотрим, кто...

— А может, заткнешься, Крах? — ядовито бросил Эйст, опершись обеими руками о стол. — Драйг Бон-Дху! Головой отвечаешь за королевского племянника!

— Меня ты тоже успокоишь, Турсеах? — крикнул, вставая, Раинфарн из Аттре. — Кто посмеет удержать меня от того, чтобы смыть кровью позор, нанесенный моему князю? И его сыну Виндхальму, единственному, достойному руки и ложа Паветты! Подайте мой меч! Сейчас здесь, на месте, я покажу этому Йожу, или как там его кличут, как мы в Аттре отвечаем на подобные оскорбления! Интересно, найдется кто-нибудь или что-нибудь, способное меня остановить?

— А как же? Приличия, — спокойно сказал Эйст Турсеах. — Негоже начинать драку или бросать кому-либо вызов, не получив согласия хозяйки дома. Может, вы думаете, что тронная зала Цинтры — трактир, где можно лупить по мордам и пырять ножами, как только придет охота?

Собравшиеся снова принялись орать, перебивая друг друга, угрожая и размахивая руками. Шум оборвался, словно его ножом обрезали, когда в зале неожиданно раздался короткий бешеный рев разъяренного зубра.

— Да, — сказал Кудкудак, откашлявшись и поднимаясь со стула. — Эйст ошибся. Это даже не трактир. Это что-то вроде зверинца, потому и зубр был к месту. Благородная Калантэ, позволь высказать мое мнение относительно возникшей проблемы.

— Как вижу, — медленно сказала Калантэ, — многие имеют на сей счет свое мнение и высказывают его даже без моего позволения. Странно, почему никого не интересует мое собственное? А мое мнение таково: скорее чертов замок свалится мне на голову, чем я отдам

Паветту этому... чудаку. У меня нет ни малейшего намерения...

— Клятва Рёгнера... — начал Йож, но королева тут же прервала его, хватив по столу золотым кубком.

— Клятва Рёгнера интересует меня не больше, чем прошлогодний снег! А что до тебя, Йож, так я еще не решила, позволю ли Краху либо Раинфарну схватиться с тобой или попросту велю повесить. Прерывая меня, когда я говорю, ты серьезно влияешь на мое решение!

Геральт, все еще обеспокоенный подергиванием медальона, обводя взглядом залу, неожиданно встретился с глазами Паветты, изумрудно-зелеными, как глаза матери. Принцесса больше не скрывала их под длинными ресницами — водила ими от Мышовура к ведьмаку, не обращая внимания на других. Мышовур вертелся, наклонившись, и что-то бормотал.

Кудкудак многозначительно кашлянул.

— Говори, — кивнула королева, — но по делу и в меру кратко.

— Слушаюсь, королева. Благородная Калантэ и вы, милсдари, господа и рыцари! Воистину удивительное условие поставил Йож из Эрленвальда королю Рёгнеру, странной награды захотел, когда король поклялся выполнить любое его желание. Но не надо прикидываться, будто мы никогда не слышали о подобных требованиях, о старом как мир Праве Неожиданности. О цене, которую может запросить человек, спасший чью-то жизнь в безнадежной, казалось бы, ситуации, кто высказал невозможное, казалось бы, желание. «Отдашь мне то, что выйдет первым встречать тебя». Вы скажете: это может быть собака, алебардник у ворот, даже теща, с нетерпением ожидающая того момента, когда сможет набить морду возвращающемуся домой зятю. Либо: «Отдашь мне то, что застанешь дома, но чего не ожидаешь». После долгого путешествия, уважаемые гости, и неожиданного возвращения это обычно бывает хахаль в постели жены. Но вполне может быть и ребенок. Ребенок, указанный Предназначением.

— Короче, Кудкудак, — нахмурилась Калантэ.

— Слушаюсь! Господи! Неужто вы не слышали о детях, указанных Предназначением? Разве легендарный герой Затрет Вурута не был еще ребенком отдан гномам, потому что оказался тем первым, кого отец встретил, вернувшись в крепость? А Неистовый Дейи, потребовавший от путешественника отдать ему то, что тот оставил дома, но о чем не знает? Этой неожиданностью оказался славный Супри, который позже освободил Неистового Дейи от лежавшего на нем заклятия. Вспомните также Зивелену, которая взошла на трон Метинны с помощью гнома Румплестельта, пообещав ему взамен своего первенца. Зивелена не выполнила обещания, а когда Румплестельт прибыл за наградой, колдовством принудила его бежать. Вскоре и она, и ребенок отравились и умерли. С Предназначением нельзя играть безнаказанно!

— Не пугай меня, Кудкудак, — поморщилась Калантэ. — Близится полночь, пора привидений. Помнишь ли ты еще какие-нибудь легенды со времен твоего, несомненно, трудного детства? Если нет, то садись.

— Прошу позволения, — барон покрутил свои длинные усы, — еще малость постоять. Хотелось бы напомнить присутствующим еще одну легенду. Это старая, забытая легенда, все мы ее, вероятно, слышали в нашем, несомненно, трудном детстве. В этой легенде короли всегда выполняли данные ими обещания. А нас, бедных вассалов, с королями связывает лишь королевское слово, на нем зиждутся трактаты, союзы, наши привилегии и наши лены. И что? Во всем этом надлежит усомниться? Усомниться в нерушимости королевского слова? Дождаться, что оно будет стоять не больше прошлогоднего снега? Воистину, если будет так, то после трудного детства нас ждет не менее трудная старость.

— На чьей ты стороне, Кудкудак? — крикнул Раинфарн из Аттре.

— Тихо, пусть говорит!

— Этот надутый петух оскорбляет монарха!

— Барон из Тигга прав!

— Тише, — неожиданно сказала Калантэ, вставая. — Позвольте ему закончить.

— Сердечно благодарю, — поклонился Кудкудак. — Я как раз кончил.

Опустилась тишина, странная после того шума, который только что вызвали слова барона. Калантэ продолжала стоять. Вряд ли кто-нибудь, кроме Геральта, заметил, как дрожит рука, которой она коснулась лба.

— Господа, — сказала она наконец, — должна вам кое-что объяснить. Да... Йож... говорит правду. Рёгнер действительно клятвенно пообещал ему отдать то, чего не ожидал. Похоже, наш незабвенный король был, простите, пентюхом в женских делах и не умел считать до девяти. А мне поведал истину только на смертном одре. Ибо знал, что бы я сделала с ним, признайся он в своей клятве раньше. Он знал, на что способна мать, ребенком которой так легкомысленно распоряжаются.

Рыцари и вельможи молчали, Йож стоял неподвижно, словно шипастая железная статуя.

— А Кудкудак, — продолжала Калантэ, — ну что ж, Кудкудак напомнил мне, что я не мать, а королева. Хорошо. Как королева завтра я соберу Совет. Цинтра — не тирания. Совет решит, должна ли клятва покойного короля повлиять на судьбу наследницы трона. Решит, следует ли ее и трон Цинтры отдать бродяге без роду и племени или же поступить в соответствии с интересами государства.

Калантэ ненадолго замолчала, косо взглянув на Геральта.

— А что касается благородных рыцарей, прибывших в Цинтру в надежде получить руку принцессы... то мне остается только выразить соболезнование по случаю жестокого оскорбления, обесчестия и осмеяния, которым они здесь подверглись. Не моя в том вина.

В гуле голосов, прокатившемся по зале, ведьмак уловил шепот Эйста Турсеаха.

— О боги моря, — выдохнул островитянин. — Так не годится. Ты явно провоцируешь их на кровопролитие. Калантэ, ты их попросту науськиваешь...

— Замолчи, Эйст, — яростно прошипела королева. — Не то я разгневаюсь.

Черные глаза Мышовура сверкнули, когда друид указал ими на Раинфарна из Аттре, который собирался встать с угрюмым, перекошенным лицом. Геральт немедленно прореагировал, опередив его, встал первым, шумно отодвинув стул.

— Возможно, Совет не понадобится, — громко и звучно сказал он.

Все удивленно замолчали. Геральт чувствовал на себе изумрудный взгляд Паветты, взгляд Йожа из-за решетки забрала, чувствовал вздымающуюся, как волна наводнения, Силу, густеющую в воздухе. Видел, как под влиянием этой Силы дым от факелов и светильников начинает принимать фантастические формы. Он знал, что Мышовур тоже это видит. Но знал также, что никто другой не замечает.

— Я сказал, — спокойно повторил он, — что, возможно, собирать Совет не понадобится. Ты понимаешь, что я имею в виду, Йож из Эрленвальда?

Шипастый рыцарь сделал два скрипучих шага вперед.

— Понимаю, — сказал он глухо из-за забрала. — Глупый бы не понял. Я слышал, что минуту назад сказала милостивая и благородная государыня Калантэ. Она нашла прекрасный способ отделаться от меня. Я принимаю твой вызов, незнакомый рыцарь.

— Не припомню, чтобы я тебя вызывал, — сказал Геральт. — Я не собираюсь драться с тобой, Йож из Эрленвальда.

— Геральт! — крикнула Калантэ, скривив губы и забыв о том, что ведьмака следует именовать «Благородным Равиксом». — Не перетягивай струны! Не испытывай моего терпения!

— И моего! — зловеще добавил Раинфарн.

А Крах ан Крайт только заворчал. Эйст Турсеах весьма многозначительно показал ему кулак. Крах заворчал еще громче.

— Все слышали, — проговорил Геральт, — как барон из Тигга рассказывал о славных героях, отнятых в детстве у родителей в силу таких же клятвенных обещаний, какое Йож вынудил дать короля Рёгнера. Однако почему и зачем требуют таких клятв? Ты знаешь

ответ, Йож из Эрленвальда. Такая клятва способна создать могучие, неразрывные узы Предназначения между требующим клятвы и ее объектом, то есть ребенком-Неожиданностью. Такому ребенку, избранному слепой судьбой, могут быть предначертаны необычные деяния. Он, может быть, способен сыграть невероятно важную роль в жизни того, с кем его свяжет судьба. Именно поэтому, Йож, ты потребовал от Рёгнера мзду, которую намерен ныне получить. Тебе не нужен трон Цинтры. Тебе нужна принцесса.

— Все именно так, как ты говоришь, незнакомый рыцарь, — громко рассмеялся Йож. — Именно этого я добиваюсь! Отдайте мне ту, которая станет моим Предназначением!

— Это, — сказал Геральт, — еще надо доказать.

— Ты смеешь сомневаться? После того, как королева подтвердила истинность моих слов? После всего, что сам только что сказал?

— Да. Потому что ты не сказал нам всего. Рёгнер, Йож, знал силу Права Неожиданности и весомость данной тебе клятвы. А дал он ее, зная, что закон и обычай обладают силой, защищающей клятвы. Следящей за тем, чтобы они исполнялись только в том случае, если их подтвердит сила Предназначения. Я утверждаю, что пока еще у тебя нет на принцессу никаких прав, Йож. Ты получишь их лишь после того, как...

— После чего?

— После того, как принцесса согласится уйти с тобой. Так гласит Право Неожиданности. Лишь согласие ребенка, а не родителей подтверждает клятву, доказывает, что ребенок действительно родился под сенью Предназначения. Именно поэтому ты вернулся спустя пятнадцать лет, Йож. Ибо именно такое условие включил в свою клятву король Рёгнер.

— Кто ты?

— Геральт из Ривии.

— Кто ты такой, Геральт из Ривии, что возомнил себя оракулом в вопросах обычаев и законов?

— Он знает закон лучше кого бы то ни было, — хрипло сказал Мышовур, — ибо к нему этот закон был когда-то применен. Его когда-то забрали из родительского дома, потому что он оказался тем, кого отец, возвратясь, никак не думал застать дома. Он был предназначен для чего-то иного. И силой Предназначения стал тем, кто он есть.

— И кто же он?

— Ведьмак.

В наступившей тишине ударил колокол в кордегардии, тоскливым звоном возгласив полночь. Все вздрогнули и подняли головы. На лице глядевшего на Геральта Мышовура появилось странное выражение. Но заметнее и беспокойнее всех пошевелился Йож. Его руки в железных перчатках упали вдоль тела, шипастый шлем покачнулся.

Странная, неведомая Сила, заполнившая залу седым туманом, вдруг погустела.

— Это верно, — сказала Калантэ. — Геральт из Ривии — ведьмак. Его профессия достойна уважения и почтения. Он посвятил себя тому, чтобы оберегать нас от ужасов и кошмаров, которые рождает ночь, насылают зловещие, враждебные людям силы. Он убивает всех страшилищ и монстров, какие подстерегают нас в лесах и ярах. А также и тех, которые имеют наглость появляться в наших владениях.

Йож молчал.

— А посему, — продолжала королева, поднимая унизанную перстнями руку, — да исполнится закон, да исполнится клятва, выполнения которой домогаешься ты, Йож из Эрленвальда. Пробило полночь. Твой обет уже не действует. Откинь забрало. Прежде чем моя дочь выскажет свою волю, пусть она увидит твое лицо. Все мы хотим увидеть твое лицо.

Йож из Эрленвальда медленно поднял закованную в железо руку, рванул завязки шлема, снял его, схватившись за железный рог, и со звоном кинул на пол. Кто-то вскрикнул, кто-то выругался, кто-то со свистом втянул воздух. На лице королевы появилась злая, очень злая ухмылка. Ухмылка жестокого торжества.

Поверх широкого полукруглого металлического нагрудника на них глядели две

выпуклые черные пуговицы глаз, размещенные по обе стороны покрытого рыжеватой щетиной, вытянутого, тупого, украшенного дрожащими вибриссами рыла с пастью, заполненной острыми белыми зубами. Голова и шея стоящего посреди залы существа топорщились гребнем коротких, серых, шевелящихся игл.

— Так я выгляжу, — проговорило существо, — о чем ты прекрасно знала, Калантэ. Рёгнер, рассказывая тебе о приключении, случившемся с ним в Эрленвальде, не мог умолчать о внешности того, кому был обязан жизнью. Ты прекрасно подготовилась к моему визиту, королева. Твой возвышенный и презрительный отказ исполнить данное слово не одобрили твои же вассалы. Когда провалилась попытка напустить на меня других, жаждущих заполучить руку Павеетты, у тебя в запасе оказался еще убийца-ведьмак, восседающий по правую руку. И наконец, обычный, низкий обман. Ты хотела унижить меня, а унизила себя.

— Довольно. — Калантэ встала, подбоченилась. — Покончим с этим. Павеетта! Ты видишь, кто, а вернее, что стоит перед тобой и надеется тебя заполучить. По букве и духу Права Неожиданности и извечного обычая решение принадлежит тебе. Отвечай. Достаточно одного твоего слова. Скажи: «Да» — и ты станешь собственностью, добычей этого чудовища. Скажешь: «Нет» — и ты уже никогда его не увидишь.

Пульсирующая в зале Сила стиснула виски Геральта железным обручем, шумела в ушах, поднимала волосы на шее. Ведьмак смотрел на белеющие фаланги пальцев Мышовура, стиснутые на краю стола. На тонкую струйку пота, сбегаящую по щеке королевы. На крошки хлеба на столе, которые, двигаясь, словно козявки, образовывали руны, разбегающиеся и снова собирающиеся в четкую надпись: «ВНИМАНИЕ!»

— Павеетта! — повторила Калантэ. — Отвечай. Хочешь ли ты уйти с этим созданием?

Павеетта подняла голову.

— Да.

Сила, переполнявшая залу, вторила ей, глухо гудя под сводами. Никто, абсолютно никто не издал ни малейшего звука.

Калантэ медленно, очень медленно опустилась на трон. Ее лицо не выражало абсолютно ничего.

— Все слышали, — раздался в тишине спокойный голос Йожу. — Ты тоже, Калантэ. И ты, ведьмак, хитрый наемный убийца. Мои права подтверждены. Правда и Предназначение восторжествовали над ложью и мошенничеством. Что ж вам остается, благородная королева и переодетый ведьмак? Холодная сталь?

Никто не отозвался.

— Охотнее всего, — продолжал Йожу, шевеля вибриссами и морщась, — я немедленно покинул бы это место вместе с Павееттой, но я не откажу себе в небольшом удовольствии. Ты, Калантэ, подведешь свою дочь ко мне и вложишь ее белую ручку в мою руку.

Калантэ медленно повернула голову и взглянула на ведьмака. В ее глазах был приказ. Геральт не шелхнулся, чувствуя и видя, как собирающиеся в воздухе капли Силы конденсируются на нем. Только на нем. Он уже знал. Глаза королевы превратились в узенькие щелочки, губы дрогнули...

— Что?! Что такое? — вдруг зарычал Крах ан Крайт, срываясь с места. — Белую ручку? В его лапу? Принцесса и этот щетинистый поганец? Это свиное рыло?

— А я собирался драться с ним как с рыцарем! — вторил ему Раинфарн. — С этим страховидлом, с этой скотиной? Затравить его собаками! Собаками!

— Стража! — взвизгнула Калантэ.

Дальше пошло прытко. Крах ан Крайт, схватив со стола нож, с треском повалил стул. Послушный приказу Эйста Драйг Бон-Дху, не раздумывая, изо всей силы хватил его по затылку дудкой от волынки. Крах повалился на стол между залившимся осетром и кривыми «шпангоутами» ребер, оставшимися от запеченного кабана.

Раинфарн подскочил к Йожу, блеснув вытасненным из рукава кинжалом. Кудкудак, сорвавшись, пнул табурет прямо ему под ноги. Раинфарн ловко перепрыгнул преграду, но

минутной задержки хватило — Йож обманул его коротким финтом и тут же послал на колени могучим ударом закованного в железо кулака. Кудкудак налетел, чтобы вырвать у Раинфарна кинжал, но его задержал князь Виндхальм, ухватив зубами за бедро, словно кровожадный пес.

От дверей бежали стражники, вооруженные гизармами, глевиями и пиками. Калантэ, прямая и грозная, указала им на Йожа властным, резким жестом. Павеетта принялась кричать, Эйст Турсеах ругаться. Все повскакивали с мест, не очень-то зная, что делать.

— Убейте его! — крикнула королева.

Йож, зловеще фыркая и оскалив клыки, обернулся к нападающим стражникам. Он был безоружен, но закован в покрытую шипами сталь, от которой со звоном отскакивали острия глевий. Однако удар отбросил его назад, прямо на поднимающегося с пола Раинфарна, который остановил его, схватив за ноги. Йож зарычал, отражая железными налокотниками удары. Раинфарн пырнул его кинжалом, но острие скользнуло по пластинам нагрудника. Стражники, скрестив древки, приперли Йожа к облицовке камина. Раинфарн, повисший у него на поясе, отыскал в панцире щель и всадил туда кинжал. Йож согнулся.

— Да-а-ани! — тонко взвизгнула Павеетта, вспрыгивая на стул.

Ведьмак с мечом в руке помчался по столу к дерущимся, раскидывая блюда, тарелки и кубки. Он знал, что времени мало. Визг Павеетты становился все неестественнее. Раинфарн снова занес кинжал.

Геральт рубанул, соскочив со стола, подогнув колени. Раинфарн взвыл, покатился к стене. Ведьмак закружился, серединой меча достал стражника, пытавшегося всадить острие глевию между юбкой и нагрудником Йожа. Стражник рухнул на пол, теряя плоский шлем. От входа бежали новые.

— Так не пойдет! — зарычал Эйст Турсеах, хватая стул. С размаху сломал неудобный предмет мебели о пол, а с тем, что осталось в руке, бросился на приближающихся стражников.

Йож, которого зацепили одновременно два крюка гизарм, с грохотом повалился на пол, закричал и зафыркал. Третий стражник подскочил, занес глевию для удара. Геральт острием меча ткнул его в висок. Волокущие Йожа стражники отскочили, бросив гизармы. Те, что бежали от входа, попятились от обломка тяжелого стула, свистящего в руке Эйста, словно волшебный меч Бальмур в правой руке легендарного Затрета Вороты.

Визг Павеетты достиг вершины и неожиданно оборвался. Геральт, угадав, что их ждет, ничком упал на пол, поймав взглядом зеленоватую вспышку, тут же почувствовал жуткую боль в ушах, услышал чудовищный гул и дикий крик, вырывающийся из многочисленных глоток. А потом ровный, монотонный, вибрирующий вой принцессы.

Стол, разбрасывая кругом блюда с яствами, вертясь, поднимался, тяжелые дубовые стулья мотались по зале, разбиваясь о стены, носились тучи пыли, летали гобелены и ковры. От входа доносился хруст, крик и сухой треск древков переламывающихся, как прутьики, древков гизарм.

Трон вместе с сидящей на нем Калантэ подпрыгнул, стрелой пронесся через залу, с грохотом врезался в стену и развалился. Королева упала, беспомощная, словно тряпичная кукла. Эйст Турсеах, едва удержавшись на ногах, прыгнул к ней, заключил в объятия, всем телом заслонил от бьющего в стены и пол града обломков.

Геральт, стиснув в кулаке медальон, со всей доступной скоростью полз туда, где Мышовур, все еще неведомо каким чудом стоявший на коленях, а не лежавший на животе, поднимал кверху короткий пруттик боярышника. На конце прутика красовался крысиный череп. На стене, за спиной друида, самым настоящим огнем пылал гобелен, некогда избравший осаду и пожар крепости Ортагор.

Павеетта выла. Кружась, она криком, словно батогом, хлестала все и вся. Те, кто пытался встать с пола, тут же падали и извивались либо прилипали к стене. На глазах Геральта огромная серебряная соусница, выполненная в виде многовесельной лодки с поднятым носом, свистя в воздухе, сбила с ног пытавшегося увернуться воеводу с трудно

запоминающимся именем. С бревенчатого потолка тихо сыпалась штукатурка. Под потолком кружил стол, распластавшийся на нем Крах ан Крайт метал вниз чудовищные проклятия.

Геральт дополз до Мышовура, и они присели за горкой, которую, считая снизу, образовали Дроздяк из Стрепта, бочонок пива, Дрогодар, стул и лютя Дрогодара.

— Чистейшая, первородная Сила! — крикнул друид, перекрывая гул и грохот. — Она не может с нею справиться!

— Знаю! — крикнул Геральт. Свалившийся неведомо откуда запеченный фазан с несколькими полосатыми перьями, еще торчавшими в тушке, саданул его по спине.

— Ее надо удержать! Стены начинают давать трещины!

— Вижу!

— Ты готов?

— Да.

— Раз! Два! Давай!

Оба ударили одновременно, Геральт Знаком Аард, Мышовур — жутким трехступенчатым заклинанием, от которого, казалось, начнет плавиться паркет. Кресло, на котором сидела принцесса, разлетелось вдребезги. Паветта этого словно и не заметила — продолжала висеть в воздухе, внутри прозрачной зеленоватой сферы. Не переставая вопить, она повернулась к ним, и ее личико вдруг съезжилось в зловещей гримасе.

— А, чтоб тебя! — зарычал Мышовур.

— Внимание! — крикнул ведьмак, втягивая голову в плечи. — Блокируй ее, Мышовур, блокируй, не то нам конец!

Стол тяжело рухнул на пол, ломая под собой крестовину и все остальное, что оказалось внизу. Лежавший на столе Крах ан Крайт подлетел на три локтя. Кругом падал, сыпался тяжелый град из блюд и остатков еды, разлетелись, ударяясь о паркет, хрустальные фужеры. Сорванный со стены карниз загудел, как гром, сотрясая основы замка.

— Она высвобождает все! — крикнул Мышовур, целясь прутиком в принцессу. — Она высвобождает все! Теперь вся Сила ринется на нас!

Геральт ударом меча отразил летящую на друида большую двузубую вилку.

— Блокируй, Мышовур!

Изумрудные глаза метнули в них две зеленые молнии. Молнии свернулись в ослепительные, вращающиеся воронки, вихри, изнутри которых рванулась на них Сила, тараном разрывая черепа, гася глаза, поражая дыхание. Одновременно с Силой посыпались стекло, майолика, блюда, подсвечники, кости, надкусанные краюхи хлеба, доски, досочки и тлеющие поленья из камина. Дико крича, словно огромный глухарь, пролетел над их головами кастелян Гаксо. Огромная голова вареного карпа расплющилась на груди Геральта, на золотом поле, медведе и девице из Четыругла.

Сквозь сотрясающие стены заклятия Мышовура, сквозь крик и вой раненых, гул, грохот и звон, сквозь вой Паветты ведьмак неожиданно услышал самый страшный звук, какой только ему доводилось когда-либо услышать.

Кудкудак, стоя на карачках, сжимал руками и коленями волынку Драйга Бон-Дху. А сам, перекрикивая зверские звуки, вырывающиеся из меха, откинув голову назад, выл и рычал, визжал и скрежетал, мычал и орал, создавая невероятную мешанину из голосов всех известных, неизвестных, домашних, диких и мифических животных.

Паветта, изумленная, замолчала, глядя на барона широко раскрытыми глазами. Сила резко ослабла.

— Давай! — рявкнул Мышовур, размахивая прутиком. — Давай, ведьмак!

Геральт ударил. Зеленоватая сфера, окружающая принцессу, лопнула под ударом, словно мыльный пузырь, пустота мгновенно всосала неистовствующую в зале Силу. Паветта тяжело свалилась на паркет и расплакалась.

Сквозь краткую тишину, звенящую в ушах после недавнего светопреставления, сквозь разгром и опустошение, поломанные предметы мебели и полумертвые тела с трудом начали пробиваться голоса.

— *Suach op arse, ghou! y badraigh mal an suach*, — долдонил Крах ан Крайт, выплевывая кровь, сочившуюся из искусанной губы.

— Возьми себя в руки, Крах, — с трудом проговорил Мышовур, отряхивая одежду от гречневой каши. — Здесь женщины.

— Калантэ. Любимая. Моя. Калантэ! — повторял Эйст Турсеах в паузах между поцелуями. Королева раскрыла глаза, но не пыталась высвободиться из объятий. Только сказала:

— Эйст. Люди же смотрят.

— Ну и пусть.

— Не пожелает ли, черт возьми, кто-нибудь объяснить мне, что это было? — спросил маршал Виссегерд, выползая из-под сорванного со стены гобелена.

— Нет, — сказал ведьмак.

— Лекаря сюда! — тонко крикнул Виндхальм из Аттре, склонившись над Раинфарном.

— Воды сюда! — кричал один из стрептских братьев, Держигорка, пытаясь погасить собственным кафтаном тлеющий гобелен. — Воды, скорее!

— И пива! — прохрипел Кудкудак.

Несколько рыцарей, еще способных стоять на ногах, пытались поднять Паветту, однако та оттолкнула их, встала без их помощи и нетвердыми шагами направилась к камину, рядом с которым, прислонившись к стене, сидел Йож, неловко пытаясь освободиться от измазанных кровью пластин панциря.

— Ох уж эта теперешняя молодежь! — фыркнул Мышовур, глядя на них. — Раненько начинают! Одно только у них на уме.

— А именно?

— Разве ты не знаешь, ведьмак, что девица, то бишь нетронутая, не могла бы воспользоваться Силой?

— Пропади она пропадом, ее невинность, — буркнул Геральт. — И вообще, откуда у нее такие способности? Насколько мне известно, ни Калантэ, ни Рёгнер...

— Унаследовала через поколение, это уж точно, — проговорил друид. — Ее бабка, Адалия, движением бровей поднимала разводной мост. Эй, Геральт, глянь-ка! А эта никак не успокоится!

Калантэ, висевшая на плече Эйста Турсеаха, указала на раненого Йожа стражникам. Геральт и Мышовур быстро, но, как оказалось, напрасно, подошли. Стражники отскочили от полулежащего тела, попятились, шепча и бормоча что-то невнятное.

Чудовищная морда Йожа расплылась, затуманилась, начала терять очертания. Шипы и щетина, покачиваясь, превратились в черные, блестящие, вьющиеся волосы и курчавую бородку, обрамляющие бледное, угловатое мужское лицо, украшенное крупным носом.

— Что... — заикаясь, произнес Эйст Турсеах. — Кто это? Йож?

— Дани, — ласково сказала Паветта.

Калантэ, стиснув зубы, отвернулась.

— Заколдованный? — проворчал Эйст. — Но как...

— Пробыло полночь, — сказал ведьмак. — Именно сейчас. Звон, который мы слышали раньше, был недоразумением и ошибкой... звонаря. Верно, Калантэ?

— Верно, верно, — простонал мужчина по имени Дани, ответив вместо королевы, которая, впрочем, и не собиралась отвечать. — Однако, может быть, кто-нибудь, вместо того чтобы болтать, пособит мне снять железяки и вызовет лекаря? Спятивший Раинфарн ткнул меня под ребро.

— К чему нам лекарь? — сказал Мышовур, вынимая пруттик.

— Достаточно. — Калантэ выпрямилась, гордо подняв голову. — Довольно. Когда все кончится, я хочу видеть вас у себя в палатах. Всех, кто здесь стоит. Эйст, Паветта, Мышовур, Геральт и ты... Дани. Мышовур?

— Да, королева?

— А этот твой пруттик... Я стукнулась спиной. И... окрестностями...

— Слушаюсь, королева.

3

— ...заклятие, — продолжал Дани, потирая виски. — С рождения. Я так и не знаю, в чем была причина и кто это сделал. С полуночи до зари — нормальный человек, с зари... сами видели что. Акерспаарк, мой отец, хотел это скрыть. В Мехте люди суеверные, чародейства и заклятия в королевской семье могли бы роковым образом сказаться на династии. Со двора меня забрал один из отцовских рыцарей, воспитал, вдвоем мы бродили по миру, странствующий рыцарь с оруженосцем, потом, когда он погиб, я блуждал один. Уж и не помню, от кого-то услышал, что от порчи меня может освободить только ребенок-Неожиданность. Вскоре я встретил Рёгнера. Остальное вам известно.

— Об остальном мы знаем либо догадываемся, — кивнула Калантэ. — Особенно о том, что ты вскружил голову моей дочери. Паветта! И давно?

Принцесса опустила голову и подняла один палец.

— Ну извольте! Ах ты, маленькая колдунья. У меня под носом! Ну дай только узнать, кто впускал его ночью в замок! Ох, доберусь я до фрейлин, с которыми ты ходила собирать первоцветы! Первоцветы, черт побери! Ну и что мне теперь с вами делать?

— Калантэ... — начал Эйст.

— Не спеши, Турсеах. Я еще не кончила. Дани, все сильно усложнилось. Ты с Паветтой уже скоро год, так? И ничего. Это значит, что ты не у того отца выторговал обещание. Предназначение подшутило над тобой. Какая ирония, как говаривает Геральт из Ривии. Ведьмак.

— Чхал я на Предназначения, заклятия и иронии, — поморщился Дани. — Я люблю Паветту, она любит меня, только это имеет значение. Ты, королева, не можешь помешать нашему счастью.

— Могу, Дани, могу, и еще как, — усмехнулась Калантэ одной из своих безотказных улыбочек. — Но, к твоему счастью, не хочу. Есть у меня небольшой должок перед тобой, Дани. За что, сам знаешь. Я решительно хотела... Мне следовало бы просить у тебя прощения, но я этого страшно не люблю. Короче — отдаю тебе Паветту, и мы квиты. Паветта? Ты еще не передумала?

Принцесса отрицательно и горячо покачала головой.

— Благодарю, господа, благодарю, — улыбнулся Дани. — Ты мудрая и великодушная королева.

— Еще бы. И прекрасная.

— И прекрасная.

— Если хотите, можете оба остаться в Цинтре. Здешние люди не так суеверны, как жители Мехта, и быстро привыкнут. Впрочем, даже в обличье Йожа ты был весьма симпатичен. Только вот на трон ты пока рассчитывать не можешь. Я собираюсь еще немного покороле... нет, поцарствовать рядом с новым королем Цинтры. Благородный Эйст Турсеах из Скеллиге сделал мне некое предложение.

— Калантэ...

— Да, Эйст, я согласна. Мне еще никогда не доводилось слышать любовного признания, лежа на полу, среди обломков собственного трона, но... Как бы ты сказал, Дани? Только это имеет значение, и пусть никто не встанет на пути к моему счастью, искренне советую. А вы что так глазееете? Я не такая старая, как можно подумать, глядя на мою почти замужнюю дочурку.

— Ох уж эта нынешняя молодежь, — проворчал Мышовур. — Яблочко от яблоньки...

— Что ты там бормочешь, колдун?

— Ничего, государыня.

— Ну и славно. Кстати, Мышовур, у меня есть предложение. Паветте понадобится учитель. Ей следует знать, как обращаться со своим особым даром. Я люблю свой замок и

хотела бы, чтобы он стоял как стоит. При следующем приступе истерии моей до чертиков способной доченьки он может развалиться на куски. Твой ответ, друид?

— Почту за честь.

— Мне кажется, — королева глянула в окно, — светает. Пора...

Она резко повернулась туда, где Паветта и Дани о чем-то шептались, держась за руки и чуть не соприкасаясь лбами.

— Дани!

— Да, королева?

— Ты слышишь? Светает! Уже светло! А ты...

Геральт взглянул на Мышовура, Мышовур на Геральта, и оба рассмеялись.

— Что это вас так рассмешило, волшебники? Разве не видите...

— Видим, видим, — заверил Геральт.

— Мы ждали, пока ты сама увидишь, — хмыкнул Мышовур. — Меня интересовало, когда ты сообразишь.

— Что?

— Ты сняла заклятие. Ты его сняла, — сказал ведьмак. — В тот момент, когда произнесла: «Отдаю тебе Паветту», исполнилось Предначертание.

— Это уж точно, — подтвердил друид.

— О боги, — медленно проговорил Дани. — Наконец-то. Черт побери, я думал, буду больше радоваться, думал, заиграют боевые трубы или что-нибудь похожее... Привычка. Королева! Благодарю тебя. Паветта, ты слышишь?

— Угу, — сказала принцесса, не поднимая глаз.

— Таким образом, — вздохнула Калантэ, устало глядя на Геральта, — все хорошо кончается. Ведь верно, ведьмак? Заклятие снято, надвигаются две свадьбы, ремонт тронной залы займет примерно месяц, четверо убитых, бесчисленное множество раненых, Раинфарн из Аттре еле дышит. Радуйся! Знаешь ли, ведьмак, был момент, когда я собиралась приказать тебе...

— Знаю.

— А теперь я должна воздать тебе... должное. Господи, какая тавтология, или как там ее... Я требовала результата, и вот он — результат. Цинтра заключает союз со Скеллиге. Моя дочь удачно выходит замуж. Мне только что подумалось, что все и без того окончилось бы успешно в соответствии с Предназначением, даже если б я не пригласила тебя на пир и не посадила рядом с собой. Но я ошибалась. Предназначение мог свести на нет кинжал Раинфарна. А Раинфарна сдержал меч в руке ведьмака. Ты честно отработал свое. Остался лишь вопрос цены. Говори, чего ты желаешь?

— Минуточку, — сказал Дани, ощупывая перебинтованный бок. — Вопрос цены, говоришь? Должник — я, и мне следует...

— Не прерывай меня, зять, — прищурилась Калантэ. — Твоя теща не терпит, когда ее прерывают. Запомни! И знай, никакой ты не должник. Так уж получилось, что ты был чем-то вроде предмета сделки, которую заключили мы с Геральтом из Ривии. Я сказала, мы квиты, и не вижу смысла бесконечно просить у тебя прощения. Но договор наш по-прежнему в силе. Ну, Геральт, твоя цена?

— Хорошо, — сказал ведьмак. — Прошу дать мне твой зеленый шарф, Калантэ. Пусть он всегда напоминает мне о цвете глаз прекраснейшей из всех известных мне королев.

Калантэ рассмеялась, сняла с шеи ожерелье с изумрудами.

— Эта безделушка, — сказала она, — выполнена из камней соответствующего оттенка. Сохрани ее вместе с приятными воспоминаниями.

— Можно и мне кое-что сказать? — скромно произнес Дани.

— Разумеется, зятек, прошу, прошу.

— Я продолжаю утверждать, что я — твой должник, ведьмак. Моей жизни угрожал кинжал Раинфарна. Меня убили бы стражники, если б не ты. И коли заходит речь о какой бы то ни было цене, платить должен я. Ручаюсь, меня на это хватит. Чего ты желаешь, Геральт?

— Дани, — медленно проговорил Геральт, — ведьмак, которому задают такой вопрос, обязан просить, чтобы его повторили.

— Повторяю. Ибо, видишь ли, я — твой должник еще и по другой причине. Когда я узнал там, в зале, кто ты такой, я возненавидел тебя и подумал о тебе очень скверно. Я считал тебя слепым, кровожадным орудием, кем-то таким, кто бездумно и беспощадно убивает, отирает кровь с клинка и пересчитывает деньги. Но я убедился, что профессия ведьмака действительно достойна уважения. Ты защищаешь нас не только от Зла, притаившегося во тьме, но и от того, которое сидит в нас самих. Жаль, что вас так мало.

Калантэ улыбнулась. Впервые за эту ночь Геральт готов был признать, что улыбка получилась естественной.

— Хорошо сказал мой зять. К этому я должна добавить два слова. Ровно два. Прости, Геральт.

— А я, — серьезно сказал Дани, — повторяю: чего ты желаешь?

— Дани, — так же серьезно сказал Геральт, — Калантэ, Паветта. И ты, благородный рыцарь Турсеах, будущий король Цинтры. Чтобы стать ведьмаком, надобно родиться под сенью Предназначения, а очень мало таких, кто так рождается. Поэтому-то нас так мало. Мы стареем, погибаем и не можем никому передать свои знания, свои способности. Нам недостает наследников. А этот мир полон Зла, которое только и ждет момента, когда нас не станет.

— Геральт, — шепнула королева.

— Да, королева, ты не ошиблась. Дани! Ты дашь мне то, что уже имеешь, но о чем не знаешь. Я вернусь в Цинтру через шесть лет, чтобы проверить, было ли Предназначение ко мне благосклонно.

— Паветта, — раскрыл глаза Дани. — Неужели ты...

— Паветта! — воскликнула Калантэ. — Ты... Неужели...

Принцесса потупилась и покраснела. А потом ответила.

Глас рассудка V

— Геральт! Эй! Ты здесь?

Геральт оторвался от пожелтевших шероховатых страниц «Истории мира» Родерика де Новембра — интересного, хоть и несколько спорного произведения, которое изучал со вчерашнего дня.

— Я здесь. В чем дело, Нэннеке? Я тебе нужен?

— К тебе гость.

— Опять? Кто на сей раз? Дюк Эревард собственной персоной?

— Нет. На сей раз Лютик, твой дружок, шалопай, трутень и бездельник, жрец искусства, блистающая звезда баллады и любовных виршей. Как обычно, осиянный славой, надутый, словно свиной пузырь, и пропахший пивом. Хочешь его видеть?

— Конечно. Это ж мой друг.

Нэннеке, вздохнув, пожала плечами.

— Не понимаю такой дружбы. Он — полная тебе противоположность.

— Противоположности сходятся.

— Ясно. Вот, изволь, шествует, — указала она движением головы. — Твой великий поэт.

— Он действительно великий поэт, Нэннеке. Думаю, не станешь утверждать, будто не слышала его баллад.

— Слышала, — поморщилась жрица. — А как же. Ну что ж, я в этом не разбираюсь, возможно, умение ничтоже сумняшеся перескакивать с волнующей лирики на непристойное свинство как раз и есть талант. Ну ладно. Прости, я вынуждена уйти. Мне не хочется слушать ни его виршей, ни вульгарных шуточек. Я сегодня не в настроении.

Из коридора донесся залихватистый смех, треньканье лютни, и на пороге библиотеки

возник Лютик в лиловой курточке из толстого сукна с кружевными манжетами, в шапочке набекрень. Увидев Нэннеке, трубадур преувеличенно почтительно поклонился, метя по полу приколотым к шапочке пером цапли.

— Мое глубочайшее почтение, э, почтеннейшая мать, — дурашливо запищал он. — Хвала Великой Мелитэле и жрицам ее, сосудам добродетели и мудрости...

— Перестань паясничать, Лютик, — фыркнула Нэннеке. — И не именууй меня матерью. При одной мысли, что ты мог бы быть моим сыном, меня охватывает ужас.

Она повернулась и вышла, шурша длинным платьем. Лютик, строя обезьяньи рожицы, изобразил поклон.

— Ну ничуть не изменилась, — сказал он добродушно. — По-прежнему не воспринимает шуток. Взъярилась на меня за то, что, приехав, я немного поболтал с привратницей, этой премиленькой блондиночкой с длинными ресницами, девичьей косой аж до складненькой попочки, не ущипнуть которую было бы грешно. Ну я и ущипнул, а Нэннеке, которая в этот момент как раз подошла... Да что там. Здравствуй, Геральт.

— Здравствуй, Лютик. Как узнал, что я здесь?

Поэт выпрямился, подтянул брюки.

— Я был в Вызиме. Услышал об упырице, узнал, что ты был ранен. Догадался, куда ты мог отправиться на излечение. Вижу, ты уже здоров?

— Правильно видишь. Но попробуй объяснить это Нэннеке. Садись, поболтаем.

Лютик присел, заглянул в книгу, лежащую на пюпитре, и усмехнулся.

— История? Родерик де Новембр? Читал, читал. Когда учился в Оксенфуртской академии, история занимала второе место в списке моих любимых предметов.

— А первое?

— География, — серьезно сказал поэт. — Атлас мира был большой, и за ним легче было скрыть пузырь с водкой.

Геральт сухо засмеялся, встал, снял с книжной полки «Гайны магии и алхимии» Лунины и Тирсса и извлек на свет Божий спрятанный за солидным томом пузатый, оплетенный соломкой сосуд.

— Ого, — явно повеселел поэт. — Мудрость и вдохновение, как вижу, по-прежнему укрываются в вивлиофиках. Это я люблю. На сливе, небось? Да, это алхимия, уж точно. Вот он — философский камень, воистину достойный изучения. Твое здоровье, брат. О-ох, крепка, зараза.

— Что привело тебя сюда? — Геральт взял у поэта бутылку, глотнул и закашлялся, мотая забинтованной шеей. — Куда путь держишь?

— А никуда. То есть мог бы и туда, куда держишь ты. Сопровождать тебя. Долго намерен тут отсиживаться?

— Недолго. Местный дюк дал понять, что я нежелательный гость в его владениях.

— Эревард? — Лютик знал всех королей, князей, владык и сеньоров от Яруги до Драконьих гор. — Наплюй на него. Он не решится испортить отношения с Нэннеке, с богиней Мелитэле. Народ как пить дать спалит его хозяйство.

— Мне ни к чему лишние заботы. А сижу я здесь и без того достаточно долго. Поеду на юг, Лютик. Далеко на юг. Здесь мне работы не найти. Цивилизация! На кой им хрен ведьмак? Когда я спрашиваю о какой-нибудь работе, на меня смотрят как на диковинку.

— Что ты плетешь? Какая там цивилизация? Я переправился через Буйну неделю назад и наслушался в тутошних местах самых разных разностей. Похоже, есть тут и водяные, и выюны, и химеры, и летюги. Вообще, дрянь всяческая. Работы — по уши.

— Разности-то и я слышал. Половина или придумана, или преувеличена. Нет, Лютик. Мир изменился. Кое-что кончается.

Поэт отхлебнул из бутылки, прищурился, тяжело вздохнул.

— Опять начинаешь слезы лить над своей грустной ведьмачьей судьбой? Да еще и философствуешь? Обнаруживаю пагубные последствия не того, какое надобно, чтения. Потому как к мысли об изменяющемся мире пришел даже этот старый хрыч, Родерик де

Ноябрь. Изменчивость мира в принципе-то единственная идея в его трактате, с которой можно согласиться безоговорочно. Но идея, скажу я, не настолько новая, чтобы потчевать ею меня и при этом изображать из себя мыслителя, что, поверь, тебе вовсе не к лицу.

Вместо ответа Геральт тоже отхлебнул из бутылки.

— Конечно же, — снова вздохнул Лютик. — Мир изменяется, солнце заходит, а водка кончается. Как думаешь, что кончается еще? Ты упоминал об окончании, философ.

— Вот тебе несколько примеров, — сказал Геральт, немного помолчав. — За последние два месяца, проведенных на этом берегу Буйны. Однажды подъезжаю, гляжу — мост. Под мостом сидит тролль, с каждого прохожего и проезжего требует пошину. Тому, кто отказывается, переламывает ногу, а то и две. Ну иду к солтысу — сколько дадите, спрашиваю, за этого тролля. Солтыс от изумления аж рот разинул. То есть как, спрашивает, а кто будет мост чинить, ежели тролля не станет? Тролль заботится о мосте, регулярно починяет, в поте лица, солидно, на совесть. Выходит, дешевле получается отваливать ему пошину. Ладно. Еду дальше, гляжу — вилохвост. Небольшой такой, аршин пять от носа до хвоста. Летит, тащит в когтях овцу. Я — в село: сколько, спрашиваю, заплатите за гада? Мужики на колени, нет, кричат, это любимый дракон младшей дочки нашего барона, если у него с живота хоть одна чешуйка упадет, барон село спалит, а с нас шкуру сымет. Еду дальше, а есть все больше хочется. Выспрашиваю о работе, верно, есть, но какая? Тому поймай русалку, этому нимфу, третьему этакую духобабу... Вконец спятили, по селам девок полно, ан нет, подавай им нелюдей. Иной просит, чтобы я прикончил двусила и принес кость от его руки, потому как если ее размолоть и добавить в похлебку, то вроде бы потенция усиливается.

— Вот это-то как раз трепотня, — вставил Лютик. — Пробовал. Не усиливает ничегошеньки, а похлебка становится вроде отвара из онучей. Но если люди верят и готовы платить...

— Не стану я убивать двусилов. И других безвредных существ.

— Значит, будешь ходить с пустым брюхом. Разве что сменишь работу.

— На какую?

— А не все равно, на какую? Иди в священники. Был бы вовсе недурен со своими принципами, со своей моралью, со своим знанием человеческой природы и вообще всего сущего. То, что ты не веришь ни в каких богов, не проблема. Я мало знаю священников, которые верят. Стань священником и кончай проливать над собой слезы.

— Я не проливаю. Констатирую.

Лютик заложил ногу на ногу и с интересом стал рассматривать стершуюся подошву.

— Ты, Геральт, напоминаешь мне старого рыбака, который под конец жизни обнаружил, что рыбы пахнут, а от воды тянет холодом и ломит в костях. Будь последовательным. Трепом и стенаниями тут не поможешь. Если б я увидел, что потребность в поэзии кончается, повесил бы лютию на гвоздь и занялся садом. Розы выращивать.

— Ерунда. На такое самопожертвование ты не способен.

— Ну что ж, — согласился поэт, продолжая изучать подошву. — Может, ты и прав. Но у нас немного различные профессии. Спрос на поэзию и звуки лютии никогда не увянет. С тобой дело похуже. Вы, ведьмаки, сами себя лишаете работы. Медленно, но верно. Чем лучше и тщательнее работаете, тем меньше у вас остается работы. Ведь ваша цель, резон существования — мир без чудовищ, мир спокойный и безопасный. То есть мир, в котором ведьмаки не потребны. Парадокс, верно?

— Верно.

— Давным-давно, когда еще жили единороги, существовала большая группа девушек, которые хранили девственность, чтобы иметь возможность их ловить. Помнишь? А крысоловы со свирелями? Людишки прямо-таки дрались за них. А прикончили крыс алхимики, придумав сильнодействующие яды, к тому же помогли прирученные кошки, белые хорьки и ласки. Зверушки оказались дешевле, приятнее и не хлебали столько пива.

Примечаешь аналогию?

— Примечаю.

— Так воспользуйся чужим опытом. Девственницы, занимавшиеся единорогами, мгновенно перестали быть таковыми, как только потеряли работу. Некоторые, стремясь наверстать годы воздержания, со временем стали широко известны техникой и пылом. Крысоловы... Ну этим лучше не подражай, все они, как один, спились и отправились к праотцам. Похоже, теперь настал черед ведьмаков. Ты читаешь Родерика де Новембра? Там, если мне память не изменяет, упоминаются ведьмаки, те, первые, что начали колесить по стране лет триста назад, когда кметы выходили на жатву вооруженными толпами, деревни окружали тройным частоколом, купеческие караваны напоминали колонны наемников, а на защитных валах немногочисленных городищ денно и нощно стояли готовые к стрельбе катапульти. Потому что мы, люди, были здесь незваными гостями. Здешними землями владели драконы, мантихоры, грифоны и амфисбены, вампиры, оборотни и упыри, кикиморы, химеры и летюги. И землю приходилось отбирать у них клочками, каждую долинку, каждый перевал, каждый бор и каждую поляну. И удалось это не без неоценимой помощи ведьмаков. Но эти времена, Геральт, ушли безвозвратно. Барон не позволяет забить вилохвоста, потому что это, вероятно, последний драконид в радиусе тысячи верст и уже вызывает не страх, а сочувствие и ностальгию по ушедшему времени. Тролль под мостом сжился с людьми, он уже не чудовище, которым пугают детей, а реликт и местная достопримечательность, к тому же полезная. А химеры, мантихоры, амфисбены? Сидят в чащобах и неприступных горах...

— Значит, я был прав. Кое-что кончается. Нравится тебе это или нет. Но кое-что кончается.

— Не нравится мне, что ты излагаешь прописные истины. Не нравится мина, с которой ты это делаешь. Что с тобой творится? Не узнаю тебя, Геральт. Эх, зараза, едем скорее на юг, в те дикие края. Вот прикончишь пару-другую чудовищ — и конец твоей хандре. А чудовищ там вроде бы немало. Говорят, как только какой-нибудь старой бабке жизнь опостылеет, так идет она, сердечная, одна-одинешенька за хворостом в лес, не прихватив с собой рогатины. Результат гарантирован. Ты должен осесть там навсегда.

— Может, и должен. Но не осесть.

— Почему? Там ведьмаку легче заработать.

— Заработать легче, — Геральт отхлебнул из бутылки, — да потратить труднее. К тому же там едят ячневую кашу и просо, у пива привкус чего-то непонятного и комары грызут.

Люттик расхохотался во все горло, опершись затылком об оправленные в кожу корешки книг на полке.

— Просо и комары! Это напоминает мне наш первый совместный поход на край света. Помнишь? Мы познакомились на гулянье в Гулете, и ты уговорил меня...

— Это ты меня уговорил. Тебе самому пришлось чесать из Гулеты, потому как у девушки, которую ты трахнул под настилом для музыкантов, оказалось четверо рослых братьев. Тебя искали по всему городу, грозились вывалить в соломе и опилках. Потому ты ко мне тогда и пристал.

— А ты чуть было из порток не выскочил от радости, что нашел попутчика. До того ты в дороге мог поболтать разве что с кобылой. Но пусть ты прав, было как говоришь. Я действительно тогда вынужден был скрыться на какое-то время, а Долина Цветов казалась мне самым подходящим местом. Ведь считалось, что это край населенного света, форпост цивилизации, самый что ни на есть выдвинутый пункт на границе двух миров... Помнишь?

— Помню, Люттик, помню.

Край света

Лютик осторожно спустился по ступеням трактира, держа в руках два истекающих пеной жбана. Бранясь себе под нос, он протиснулся сквозь кучку любопытствующих ребятишек. Пересек двор, обходя коровьи лепешки.

Вокруг выставленного на майдане стола, за которым ведьмак беседовал с солтысом, уже собралось десятка полтора поселенцев. Поэт поставил жбаны на стол, присел и сразу же понял, что за время его краткого отсутствия разговор несколько не продвинулся.

— Я ведьмак, милсдарь солтыс, — повторил неведомо который раз Геральт, утирая губы. — Я ничем не торгую. Я не занимаюсь вербовкой в армию и не умею вылечивать сап. Я — ведьмак.

— Профессия такая, — пояснил неведомо который раз Лютик. — Ведьмак, понятно? Упырей убивает и вампиров. Всяку погань... уकोкошивает. Понимаете, солтыс?

— Ага! — Лоб солтыса, пропаханный глубокими бороздами от тяжкого мышления, разгладился. — Ведьмак! Ну да! А как же! Надуть было так сразу!

— Вот именно, — подтвердил Геральт. — Так вот я сразу и спрошу: найдется для меня в округе какая-никакая работа?

— А-а-а. — Солтыс снова принялся так натужно мыслить, что это можно было заметить невооруженным глазом. — Работа? Да нет... Разве что эти... Ну... Живоглоты? Вы о том, есть ли тут живоглоты?

Ведьмак усмехнулся и кивнул, почесав пальцем веко.

— Есть, — пришел к заключению солтыс после долгого раздумья. — А как же. Гляньте туды, горы видите? Там эльфы живут, там ихнее царство. Дворцы ихние, говорю, — ну прям из чистого золота. Ого-го! Эльфы, говорю. Ужась! Кто туды пойдет, не возвратится.

— Так я и думал, — холодно сказал Геральт. — Именно потому я туда и не собираюсь идти.

Лютик нахально захохотал. Как и ожидал Геральт, солтыс думал долго. Наконец сказал:

— Ага. Ну да, оно, конечно. Но тута есть и другие живоглоты... Видать, лезут из эльфых краев. Ну есть, милсдарь ведьмак, есть, а как же. Конца-краю им нету. А хуже всех будут привидения, я верно говорю, людишки?

«Людишки» оживились, окружили стол со всех сторон.

— Привидения! — сказал один. — Да, да, староста верно глаголет. Бледная девка по хатам ходит на заре, а детишки оттого мрут!

— И домовые еще! — добавил другой, солдат из местной стражи. — Коням гривы заплетают по стойлам, сталбыть!

— И нетопыри! Нетопыри тожить тута есть!

— И эти, как их, ну, порчуны! Из-за их человек аж коростой покрывается!

Несколько минут ушло на активное перечисление чудовищ, досаждавших местным хозяевам своими гнусными поступками или самим только своим существованием. Геральт и Лютик узнали об отвертах и мамунах, из-за которых порядочный человек в дом не может попасть в пьяном виде, о летюге, которая, вишь ты, летает, сталбыть, и сосет у коров молоко, о бегающей в лесу голове на паучьих ногах, о коболдах, носящих красные шапочки, и о грозной щучине, коя вырывает, слышь, белье из рук стирающих в реке баб и того и гляди возьмется за самих этих баб. Не обошлось, как обычно, без жалоб на то, что-де старуха Нарадкова по ночам летает на помеле, а днем ворует фрукты, мельник подмешивает в муку желудевый просев, а некий Дуда, говоря о королевском управляющем, обзывает того вором и сволочью.

Геральт выслушал спокойно, кивая в притворном внимании, задал несколько вопросов, в основном относительно дорог и топографии, затем встал и кивнул Лютику.

— Ну, бывайте здоровы, добрые люди, — сказал он. — Я скоро вернусь, тогда посмотрим, что удастся для вас сделать.

Они молча ехали вдоль халуп и заборов под лай собак и ор детей.

— Геральт, — проговорил Лютик, поднявшись на стременах и сорвав маленькое яблочко с выглянувшей за ограду ветки. — Ты постоянно сетуешь на то, что тебе все труднее найти занятие. А из сказанного нам следует, что работы у тебя здесь навалом, будешь вкалывать до зимы, причем без передыху. Ты бы заработал немного денег, я набрал бы чудные темы для баллад. Так почему, объясни мне, мы едем дальше?

— Я не заработал бы и шелонга, Лютик.

— Это почему же?

— А потому же, что в их словах не было и сотой доли правды.

— Не понял?

— Нет таких существ, о которых они говорили. Нет и не было.

— Да ты шутишь! — Лютик выплюнул зернышко и запустил огрызком яблока в лохматого пса, особо яростно кидавшегося на бабки лошади. — Невероятно. Я внимательно наблюдал за этими людьми, а я в людях знаю толк. Они не лгали.

— Верно, — согласился ведьмак. — Не лгали. Они глубоко верили во все сказанное. Что, однако, не изменяет факта.

Поэт какое-то время молчал.

— Ни одного, говоришь, из этих чудищ... Ни одного? Да быть того не может! Что-то из их придумок должно существовать. Хотя бы одно! Согласись.

— Соглашаюсь. Одно тут есть наверняка.

— Ну вот! Что?

— Нетопыри. Летучие мыши, стало быть.

Они выехали за околицу, на дорогу, шедшую по полям, желтым от рапса и волнующегося на ветру овса. Навстречу тащились груженные возы. Бард перекинул ногу через луку седла, поставил лютню на колено и натренькивал на струнах тоскливые мелодии, время от времени помахивая рукой хихикающим девчонкам в подобранных юбках, топаящим по обочине с граблями на крепких плечах.

— Геральт, — сказал он вдруг, — но ведь чудовища существуют. Ну, может, их теперь не так много, как бывало, может, они не таятся за каждым деревом в лесу, но они — есть. Существуют. Так зачем же люди дополнительно придумывают таких, каких нет? Мало того, верят в свои придумки? А? Геральт из Ривии, прославленный ведьмак? А? Ты не задумывался над причиной?

— Задумывался, прославленный поэт. И знаю причину.

— Интересно бы услышать.

— Люди, — Геральт повернул голову, — любят выдумывать страшилищ и страхи. Тогда сами себе они кажутся не столь уродливыми и ужасными. Напиваясь до белой горячки, обманывая, воруя, исхлестывая жен вожжами, моря голодом старую бабку, четвертуя топорами пойманную в курятнике лису или осыпая стрелами последнего оставшегося на свете единорога, они любят думать, что ужаснее и безобразнее их все-таки привидение, которое ходит на заре по хатам. Тогда у них легчает на душе. И им проще жить.

— Запомнил, — сказал Лютик после минутного молчания. — Подберу рифмы и сложу балладу.

— Сложи, сложи. Только не надейся на бурные аплодисменты.

Вскоре последние хаты селения скрылись у них из виду. И хоть ехали они медленно, вскоре осталась позади и полоса лесистых холмов.

— Хм. — Лютик остановил коня, осмотрелся. — Взгляни, Геральт. Разве не красиво? Идиллия, разрази меня гром. Глаз радуется!

Местность за холмами понемногу опускалась к ровным, плоским полям, изукрашенным мозаикой разноцветных посевов. Посреди, округлые и правильные, как листки клевера, стеклянились зеркала трех озер, окаймленных темными полосами ольховника. Горизонт обозначала затянута дымкой синяя линия гор, вздымающихся над черной бесформенной полосой бора.

— Едем, Лютик.

Дорога вела прямо к озерам вдоль дамбы и укрытых в ольховнике прудов, полных крякв, чирков, цапель и чомг. Богатство пернатой живности вызывало удивление, если учесть, что всюду просматривались следы деятельности человека — дамбы были ухожены, обложены фашиной, спуски для воды укреплены камнями и балками, шлюзовые щиты не прогнили, весело брызгали водой. В приозерном тростнике были видны лодки и помосты, а из глубины торчали шесты расставленных сетей и верш.

Лютик вдруг обернулся.

— За нами кто-то едет. На телеге!

— Это ж надо! — не оглядываясь, усмехнулся ведьмак. — На телеге! А я-то думал, местные ездят на нетопырях.

— Знаешь, что я тебе скажу? — проворчал трубадур. — Чем ближе к краю света, тем тоньше становятся твои шуточки. Страшно подумать, до чего это может прийти!

Они ехали не спеша, а поскольку запряженная двумя пегими лошадьми телега была пустой, она догнала их быстро.

— Тпррр! — державший вожжи мужчина остановил коней сразу за ними. Кожушок он носил на голое тело, а волосы отпустил до самых бровей. — Славлю богов, милостивцы!

— И мы, — ответил Лютик, знакомый со здешними обычаями, — славим.

— Если хотим, — буркнул ведьмак.

— Меня зовут Крапивка, — сообщил возница. — Я слышал, как вы с солтысом из Верхнего Посада балакали. Знаю, что вы ведьмак.

Геральт опустил поводья, позволив кобыле пофыркать на придорожную крапиву.

— Слышал, — продолжал мужчина в кожушке, — как солтыс байки плел. Наблюдал за вами и диву давался. Давно я таких бредней и врак не слыхивал.

Лютик рассмеялся. Геральт молчал, внимательно глядя на парня. Крапивка кашлянул.

— А не возьметесь ли вы за настоящую, приличную работу, милсдарь ведьмак? — спросил он. — У меня для вас кое-что есть.

— И что же именно?

Крапивка глаз не опустил.

— О делах на дороге-то не болтают. Едемте ко мне, в Нижний Посад. Там поговорим. Ведь вам все равно туда.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, что другой дороги тут нету, а ваши кони в ту сторону мордами, а не хвостами повернуты.

Лютик снова засмеялся.

— Что скажешь, Геральт?

— Ничего, — сказал ведьмак. — На дороге о делах не болтают. В путь, уважаемый Крапивка.

— Привязывайте коней к телеге и перелезайте ко мне, — предложил парень. — Удобнее будет. Чего ради задницу седлом мозолить?

— Святая истина.

Они перебрались на воз. Ведьмак с удовольствием растянулся на сене. Лютик, вероятно боясь испачкать модный зеленый кафтан, уселся на доску. Крапивка чмокнул коням, и телега затарахтела по укрепленной бревнами дамбе.

Переехали по мосту заросший кувшинками и ряской канал, миновали полосу скошенного луга. Дальше, насколько хватал глаз, тянулись обрабатываемые поля.

— Просто не верится, что это край света, конец цивилизации, — сказал Лютик. — Только глянть, Геральт. Рожь — что твое золото, а в кукурузе может спрятаться конный. Или вон та репа, посмотри, какая огромная.

— Да ты, никак, дока в сельском хозяйстве?

— Поэты должны знать все, — высокопарно проговорил Лютик. — В противном случае мы компрометировали бы себя. Учиться надо, дорогой мой, учиться. От села зависят судьбы мира, так что надобно разбираться в сельских делах. Деревня кормит, обувает,

уберегает от холода, развлекает и поддерживает искусство.

— Ну, с развлечениями и искусством ты немного переборщил.

— А самогон из чего гонят?

— Понимаю.

— Мало понимаешь. Учись. Взгляни, видишь фиолетовые цветы? Это люпин.

— Воще-то это вика, — вставил Крапивка. — Вы что, люпина не видели или как? Но в одном вы правы, милсдарь. Родится здесь все могутно и растет — глядеть приятно. Оттого и говорят — Долина Цветов. Потому-то и поселились здесь наши деды, сначала вытурив отседова эльфов.

— Долина Цветов, или Доль Блатанна. — Лютик ткнул локтем растянувшегося на сене ведьмака. — Чуешь? Эльфов выгнали, а старое эльфово название оставили, только переиначили на свой лад. Недостаток фантазии. Ну и как вам живется здесь с эльфами, хозяин? Ведь они у вас в горах за межой.

— Не мешаем друг другу. Они сами по себе, мы сами по себе.

— Самый лучший выход, — сказал поэт. — Верно, Геральт?

Ведьмак не ответил.

2

— Благодарим за угощение. — Геральт облизал костяную ложку и положил ее в пустую тарелку. — Благодарим стократно, хозяин, а теперь, с вашего позволения, перейдем к делу.

— А и верно, можно, — согласился Крапивка. — Как, Дхун?

Дхун, солтыс Нижнего Посада, кряжистый мужик с угрюмым взглядом, кивнул девкам, те быстро собрали со стола посуду и покинули комнату к явному сожалению Лютика, который с самого начала лыбился на них и вызывал смешки своими не совсем пристойными шуточками.

— Итак, слушаю, — произнес Геральт, глядя в окно, из-за которого доносились стук топоров и визг пилы. На дворе шла какая-то работа, резкий смоляной дух проникал в дом. — Говорите, чем могу быть полезен.

Крапивка взглянул на Дхуна. Тот кивнул, откашлялся и сказал:

— Сталбыть так. Есть тут у нас одно такое поле...

Геральт пнул под столом Лютика, который уже собрался съехидничать.

— Поле, — продолжал Дхун. — Я верно глаголю, Крапивка? Долго то поле пустовало, но распахали мы его и теперича сажаем на ём коноплю, хмель, лен. Большое поле, агромадное, глаголю. Аж под самый бор подходит...

— И что? — не выдержал поэт. — Что ж на том поле-то?

— Ну што-што? — Дхун поднял голову, почесал за ухом. — Што? Дьявол тама шатается, вот што.

— Что? — фыркнул Лютик. — Что такое?

— Я ж глаголю — дьявол.

— Какой дьявол?

— Какой-какой? Дьявол, и вся недолга.

— Дьяволов не бывает!

— Не лезь, Лютик, — спокойно сказал Геральт. — А вы продолжайте, уважаемый Дхун.

— Я ж глаголю — дьявол.

— Это я уже слышал. — Геральт, если хотел, мог быть чертовски терпеливым. — Перестаньте «глаголить» и скажите, как он выглядит, откуда взялся, чем вам мешает. По порядку, если можно.

— Ну да. Оно конешно. — Дхун поднял руку и принялся отсчитывать с большим трудом, загибая узловатые пальцы. — По порядку, ишь — мудёр! Ну, сталбыть, так. Выглядит-то он, милсдарь ведьмак, точь-в-точь как дьявол. Ни дать ни взять. Откедова

взялся-то? А ниоткедова. Бах, сталбыть, трах, тарарах — глядим: дьявол. А мешать-то он нам, правду говоря, не шибко и мешает. Бывает, дажить помогает.

— Помогает? — грохнул Лютик, пытаясь вытащить муху из пива. — Дьявол?

— Не лезь, я же просил. Продолжайте, уважаемый Дхун. И как же он вам помогает, этот, как вы его называете...

— Дьявол, — с нажимом повторил войт. — Угу, помогает, а как же: землю удобряет, почву рыхлит, кротов изводит, птиц распугивает, за репой и буряками присматривает. Да и гусениц, что в капусте заводятся, поедает. Хоша, правду сказать, и капусту тоже того — съедает. Но так, не очень, вроде бы шуткует. Одно слово — дьявол.

Лютик снова захохотал, потом щелкнул пальцами и выстрелил вымоченной в пиве мухой в спящего у камина кота. Кот открыл один глаз и укоризненно взглянул на барда.

— И однако, — спокойно сказал ведьмак, — вы готовы мне заплатить, чтобы отделаться от того дьявола, так или нет? Иными словами, не хотите, чтобы он обретался в вашей округе?

— А кому ж, — Дхун угрюмо взглянул на него, — хоцца, чтобы дьявол сидел у него на поле-то? Это наша земля от дедов-прадедов, по королевской грамоте, и дьяволу до нее никаких делов нет. Плевали мы на евонную помочь, што, у нас своих рук нету аль как? И вообще, милсдарь ведьмак, энто и не дьявол никакой вовсе, а поганая скотина, и в черепушке евонной, прошу прощения, насрато так, што выдержать нету никакой мочи. Утром не ведаешь, што ему к вечеру в башку взбредет. То в колодец наделает, то за девкой погонится, пугает, грозится ее... это... Ну, в обчем, того... Крадет, милсдарь ведьмак, скот и провизию. Уничтожает и портит, надоедает всем, на дамбе ямы роет, словно крыса какая аль бобр, вода из одного пруда вконец вытекла, и карпы посунули. В стогах трубку курил, сукин кот, пустил по ветру все сено...

— Понимаю, — прервал Геральт. — Значит, все-таки мешает.

— Не-а, — покрутил головой Дхун. — Не мешает. Озорует, вот што.

Лютик, сдерживая смех, отвернулся к окну. Ведьмак молчал.

— Да чего тут болтать, — проговорил молчавший до того Крапивка. — Вы — ведьмак или кто? Ну так наведите порядок с этим дьяволом. Искали работы в Верхнем Посаде, сам слышал. Так вот вам и работа. Мы заплатим сколь надо. Но учтите, мы не хотим, чтобы вы дьявола убили. Уж это точно.

Ведьмак поднял голову и нехорошо улыбнулся.

— Интересно. Я бы сказал — необычно.

— Што? — наморщил лоб Дхун.

— Необычное условие. Откуда вдруг столько милосердия?

— Убивать не можно, — Дхун еще сильнее сморщился, — потому как в той Долине...

— Нельзя, и вся недолга, — прервал Крапивка. — Поймите его либо прогоните за седьмую гору. А будем расплачиваться — не обидим.

Ведьмак молчал, не переставая усмехаться.

— По рукам? — спросил Дхун.

— Сначала хотелось бы взглянуть на него, на этого вашего дьявола.

Селяне переглянулись.

— Ваше право, — сказал Крапивка и встал. — И ваша воля. Дьявол по ночам гуляет по всей округе, но днем сидит где-то в конопле. Или у старых верб на болоте. Там его можно увидеть. Мы вас не станем торопить. Хотите передохнуть, отдохайте сколько влезет. Ни удобства, ни еды мы для вас не пожалеем, как того требует закон гостеприимства. Ну, бывайте.

— Геральт, — Лютик вскочил с табурета, выглянул во двор, на удаляющихся селян, — я перестаю что-либо понимать. Не прошло и дня, как мы разговаривали о выдуманных чудовищах, а ты вдруг нанимаешься ловить дьяволов. А о том, что именно дьяволы-то и есть выдумка, что это чисто мифические существа, знает каждый, за исключением, видать, темных кметов. Что должен означать твой неожиданный запал? Бьюсь об заклад, немного

зная тебя, ты не снизошел до того, чтобы таким манером получить ночлег, харч и стирку?
— Действительно, — поморщился Геральт. — Похоже, ты меня уже немного знаешь, певун.

— В таком случае — не понимаю.

— А что тут понимать?

— Дьяволов нет! — крикнул поэт, окончательно вырывая кота из дремы. — Нет! Дьяволы не существуют, дьявол побери!

— Правда, — улыбнулся Геральт. — Но я, Лютик, никогда не мог противиться искушению взглянуть на то, чего не существует.

3

— Одно ясно, — проворчал ведьмак, окинув взглядом раскинувшиеся пред ними конопляные джунгли. — Этот дьявол не дурак.

— Откуда такой вывод? — полубопытствовал Лютик. — Из того, что он сидит в непроходимой чаще? Любому зайцу ума хватит.

— Дело в особых свойствах конопли. Такое большое поле излучает мощную антимагическую ауру. Большинство заклинаний тут бессильно. А вон там, видишь, жерди? Хмель. Флюиды шишек хмеля действуют так же. Ручаюсь, это не случайность. Этот тип улавливает ауру и знает, что здесь он в безопасности.

Лютик откашлялся, подтянул брюки.

— Интересно, — сказал он, почесав лоб под шапочкой, — как ты приступишь к работе, Геральт? Никогда еще не видел тебя в деле. Полагаю, тебе кое-что известно о ловле дьяволов. Я пытаюсь припомнить древние баллады. Была одна о дьяволе и бабе, непристойная, но забавная. Понимаешь, баба...

— Отстань ты со своей бабой, Лютик.

— Как хочешь. Я только думал помочь, ничего больше. А к старым байкам надо относиться уважительно, в них — мудрость поколений. Есть, например, баллада о парне по имени Дурында, который...

— Прекрати. Пора браться за дело. Зарабатывать на еду и тюфяк.

— Что ты собираешься предпринять?

— Пошурую немного в конопле.

— Оригинально, — фыркнул трубадур. — Хоть и не очень.

— Ну а как бы начал ты?

— Интеллигентно, — напыжился Лютик. — Ловко. С облавы, например. Выгнал бы чертяку из зарослей, а в чистом поле догнал бы его на лошади и заарканил. Что скажешь?

— Очень оригинальная идея. Как знать, может, и удалось бы ее осуществить, если б ты пожелал принять участие, потому что для такой операции нужны по меньшей мере двое. Но пока воздержимся. Для начала я хочу разобраться, что представляет собой этот черт. А значит, надо пошуровать в конопле.

— Эй, — бард только теперь заметил, — а где твой меч?

— А зачем он? Я тоже знаю балладу о чертях. Ни баба, ни парень по имени Дурында мечами не пользовались.

— Хм... — Лютик осмотрелся. — Что, лезть в самую середину?

— Тебе не обязательно. Можешь возвращаться в село и ждать меня там.

— Э, нет, — возразил поэт. — Пропустить такую оказию? Я тоже хочу увидеть черта, убедиться, действительно ли он так страшен, как его малюют. Я спросил, обязательно ли продираться сквозь коноплю, если есть стежка.

— Верно, — Геральт прикрыл глаза рукой. — Есть. Воспользуемся.

— А если это чертова тропа?

— Тем лучше. Не придется много ходить.

— Знаешь, Геральт, — толковал бард, следуя за ведьмаком по узкой, извилистой

тропинке в конопле, — я всегда думал, что «черт» просто такая метафора, придуманная, чтобы было чем ругаться. «Черти взяли», «Черт с ним», «Черт знает что» и так далее. Так мы говорим на простом языке. Низушки, видя приближающихся гостей, говорят: «Снова кого-то дьявола принесли». Краснолюды, ежели у них что-то не получается, причитают: «Дюввел хоел», а скверный товар называют «дюввелшайсс». А в Старшей Речи есть такая поговорка: «A d'yeabl aep arse», прости за современный акцент, что означает...

— Я знаю, что это означает. Перестань болтать, Лютик.

Лютик замолчал, снял украшенную пером цапли шапочку, помахал ею и вытер вспотевший лоб. В зарослях конопки стояла тяжелая, влажная, душная жара, которую еще больше усиливал висящий в воздухе аромат цветущих трав и сорняков. Тропинка слегка вильнула и сразу за поворотом закончилась небольшой вытоптанной полянкой.

— Глянь-ка! — сказал Лютик.

В самом центре полянки лежал большой плоский камень, на нем — несколько глиняных мисочек. Между мисочками стояла почти полностью догоревшая сальная свеча. Геральт видел прилепившиеся к лепешкам расплавившегося жира зерна кукурузы и бобов, а также другие косточки и семена.

— Так я и думал, — проворчал он. — Ему приносят жертвы.

— И верно, — сказал поэт, указывая на огарок. — И ставят черту свечку. Но кормят его, как видно, зернышками, словно чижика какого. Ну и хлев! Все липкое от меда и дегтя. Что...

Дальнейшие слова барда заглушило громкое бляение. В конопле что-то запрыгало и затопало, а затем из путаницы растений вылезло самое поразительное существо, какое Геральту доводилось видеть.

У существа были вылупленные глаза, козьи рога и борода, и росту в нем было чуть больше сажени. Губы, подвижные, рассеченные и мягкие, тоже наводили на мысль о жующей козе. Нижнюю часть его тела по самые раздвоенные копытца покрывали длинные, густые, темно-рыжие волосы. Кроме того, у него был длинный, оканчивающийся метелкой хвост, которым оно энергично размахивало.

— Ук! Ук! — гукнул чудик, переступая копытцами. — Ну чего надо? Прочь! Прочь! На рога возьму! Ук, ук!

— Тебе что, козел, когда-то по заду поддали? — не выдержал Лютик.

— Ук! Ук! Бе-е-е-е! — заблеял козерог. Трудно было сказать, что это: подтверждение, отрицание или просто бляение искусства ради.

— Замолчи, Лютик, — проворчал ведьмак. — Ни слова больше.

— Блеблебле-е-е-е! — яростно забулькало существо, при этом верхняя губа у него широко разошлась, являя желтые конские зубы. — Ук! Ук! Ук! Блеублеублеубле-е-е-е!

— Запросто! — кивнул Лютик. — Шарманка и звонок — твои. Когда пойдешь домой, можешь прихватить.

— Перестань, язви тебя, — прошипел Геральт. — Ты все портишь. Прибереги для себя глупые шуточки...

— Шуточки!!! — рывкнул козерог и подпрыгнул. — Шуточки, бе-е-е, бе-е-е! Новые шутники объявились, а? Шарики железные принесли? Я вам покажу шарики железные, стервецы, ук, ук, ук! Пошутить приспичило, бе-е-е? Получайте свои шуточки! Получайте свои шарики! Ну, получайте.

Существо подпрыгнуло и резко взмахнуло рукой. Лютик взвыл и уселся на тропинку, схватившись за лоб. Существо заблеяло, замахнулось снова. Мимо уха Геральта что-то просвистело.

— Получайте ваши шарики! Бе-е-е!

Железный шарик диаметром с дюйм хватанул ведьмака по плечу, другой ударил Лютика в колено. Поэт скверно выругался и кинулся бежать. Геральт, не ожидая больше, прыгнул следом, а шарики свистели у него над головой.

— Ук! Ук! Бе-е-е! — подпрыгивая, кричал козерог. — Я вам покажу шарики! Шутники

засранные!

В воздухе просвистел очередной шарик. Лютик выругался еще противнее и схватился за ягодицу. Геральт прыгнул вбок, в коноплю, но не увернулся от снаряда, который угодил ему в лопатку. Следовало признать, черт кидался весьма прицельно и, казалось, располагал неисчерпаемым запасом шариков. Ведьмак, кружа меж растений, снова услышал торжествующее бляение и тут же свист нового шарика, ругань и топот. Это Лютик улепетывал по тропинке.

А потом наступила тишина.

4

— Ну, знаешь, Геральт, — Лютик приложил ко лбу охлажденную в ведре подкову. — Такого я не ожидал. Какое-то рогатое чучело с козьей бородой, такой косматый болван, а погнался за тобой, словно сопляк какого. А я получил по лбу. Глянь, какая шишка!

— Ты шестой раз показываешь. От этого она меньше не становится.

— Благодарю за сочувствие. А я-то думал, рядом с тобой буду в безопасности!

— Я не просил лезть за мной в коноплю. А вот держать за зубами свой болтливый язык — просил. Не послушался — теперь терпи. Молчи, если можешь, они идут.

В комнату вошли Крапивка и грузный Дхун. За ними семенила седенькая и скрученная кренделем бабуленька в сопровождении светловолосой и поразительно худенькой девчушки.

— Уважаемый Дхун и уважаемый Крапивка, — без предисловий начал ведьмак. — Прежде чем отправиться, я спрашивал, пытались ли вы сами что-нибудь предпринимать в отношении вашего черта-дьявола. Вы сказали: мол, нет. У меня есть основания полагать, что дело обстояло иначе. Жду объяснений.

Селяне перебросились несколькими словами, затем Дхун кашлянул в кулак и сделал шаг вперед.

— Вы, прощения просим, правы. Мы, это, соврали, потому как совестно было. Хотели самитко дьявола перехитрить, сделать так, чтобы он, значит, ушел от нас прочь...

— Каким образом?

— У нас, в Долине, — медленно произнес Дхун, — уже и ранее объявлялись страховидлы. Летучие драконы, земные вьюны, бурдалаки, упыри, огромное паучье и разное змейство. А мы всегда супротив этого гадства искали совета в нашей книге.

— Что за книга?

— Покажи книгу, бабка. Книгу, глаголю! Книгу! Ей-бо, лопну щас. Глуха аки пень! Лилле, скажи бабке, чтоб книгу показала!

Светловолосая девочка вытащила большую книгу из скрюченных пальцев старухи и подала ведьмаку.

— В книжице этой, — продолжал Дхун, — которая в роду нашем уже с незапамятных времен храницца, описаны способы супротив всяческих чудищ, колдовства и уродцев, которые на свете были, есть аль будут.

Геральт взвесил на руке тяжелый, толстый, обросший жирной коркой томище. Девочка продолжала стоять перед ним, перебирая руками фартучек. Она была старше, чем ему показалось вначале, — в заблуждение ввела изящная фигурка, так отличающаяся от ядрененьких тел других посадских девушек, наверняка ее ровесниц.

Он положил книгу на стол и перевернул тяжелую деревянную крышку переплета.

— Глянь-ка, Лютик.

— Старшие Руны, — определил бард, заглядывая ему через плечо и все еще прижимая подкову ко лбу. — Самое древнее письмо, каким пользовались до введения современного алфавита. Оно исходит от рун эльфов и гномовых идеограмм. Забавный синтаксис, но так раньше говорили. Интересные гравюры и виньетки. Нечасто встречается подобное, Геральт, а если и попадаетея, то в храмовых библиотеках, а не по деревням на краю света. Откуда это у вас, уважаемые Дхун и Крапивка? Уж не хотите ли вы сказать, что умеете это читать?

Бабка? Ты умеешь читать Старшие Руны? Ты вообще-то умеешь читать хоть какие-нибудь руны?

— Чаво-о-о?

Светловолосая девочка подошла к бабке и что-то шепнула ей на ухо.

— Читать? — старушка показала в улыбке беззубые десны. — Я? Нет, золотенькие, не обучена.

— Объясните мне, — холодно сказал Геральт, поворачиваясь к Дхуну и Крапивке, — каким образом вы пользуетесь книгой, не умея читать руны?

— Самая старшая бабка в селе всегда знает, што в книге есть, — угрюмо сказал Дхун. — А тому, што знает, учит молодую, когда ей уже пора в землю. Сами видите, нашей бабульке уже в сам раз. Тогда бабка пригрела Лилле и учит ее. Но пока ишшо бабка лучше знает.

— Старая ведьма и молодая ведьма, — буркнул Лютик.

— Если я верно понял, — недоверчиво сказал Геральт, — бабка знает всю книгу наизусть? Так, да? Бабушка?

— Всю-то нет, где уж там, — ответила бабка опять с помощью Лилле. — Только то, что около картинки стоит.

— Ага. — Геральт наугад отворил книгу. Различимый на порванной странице рисунок изображал пятнистую свинью с рогами в форме лиры. — А ну похвалитесь, бабушка. Что здесь написано?

Бабка зачмокала, взгляделась в гравюру, прикрыла глаза.

— Тур рогатый, либо таурис, — прошамкала она. — Неучами ошибочно изюбром именуемый. Рога имеет и бодает ними...

— Довольно. Очень хорошо, весьма... — Ведьмак перевернул несколько слипшихся страниц. — А здесь?

— Потучники и планетники разные. Энти дождем льют, энти ветер веют, энти м'оланьи мечут. Ежели пожелаешь урожай от их ухранить, возьми нож железный, новый, помёту мышиноного три лота, сала серой цапли...

— Bravo! Хм... А здесь? Это что?

Гравюра изображала расчехренное страховидло на лошади, с огромными глазищами и совсем уж непотребными зубищами. В правой руке оно держало солидных размеров меч, в левой — мешок денег.

— Ведьмак, — проямлила бабка, — некоторыми ведьмином прозываемый. Вызывать его очень опасно, токмо тогда надобно, когда супротив чудищев и поганцев разных ничего поделать уже не можно, ведьмак справится. Однако ж следить надыть...

— Довольно, — проворчал Геральт. — Довольно, бабушка. Благодарю.

— Нет-нет, — запротестовал Лютик, ехидно ухмыльнувшись. — Как там дальше-то? Весьма, весьма интересная книженция! Говорите, бабушка, говорите.

— Э-э-э... Следить надыть, чтобы к ведьмаку не прикасаться, ибо от ононого запаршиветь можно. И девок от него прятать, потому ведьмак охоч до них сверх меры...

— Ну точно, ну не в бровь, а в глаз, — засмеялся поэт, а Лилле, как показалось Геральту, едва заметно улыбнулась.

— ...и хоча он весьма до злата жаден, — бормотала бабка, щуря глаза, — не давать ему больше как за утопца серебряный грош либо полтора. За котолака два серебряных гроша. За вампира — четыре серебряных гроша...

— Были ж времена, — проворчал ведьмак. — Спасибо, бабушка. А теперь покажите нам, где тут о дьяволе речь и что энта книга вообще о дьяволах говорит. Хотелось бы услышать поболее, любопытно узнать, каковой метод вы применили супротив ононого-то.

— Осторожнее, Геральт, — засмеялся Лютик. — Начинаешь подражать им. Это заразительно.

Бабка, с трудом сдерживая дрожь в руке, перевернула несколько страниц. Ведьмак и поэт наклонились над столом.

Действительно, на гравюре фигурировал знакомый уже им шарометатель, волосатый, хвостатый и зловеще ухмыляющийся.

— Дьявол, он же черт, — декламировала бабка. — Он же рокита, либо сильван, а также леший. Супротив скотины и домашней птицы шkodник великий и паскудный. Кабы захотишь его с поля изгнать, таково сделай...

— Ну, ну, — проворчал Лютик.

— Возьми орехов лесных пригоршню, — тянула бабка, вода пальцем по пергаменту, — шаров железных пригоршню другую. Меду кувшин, дегтю другой. Мыла серого кадку малую, творога другую. Кады дьявол сидит, пойдй ночной порой. И зачни есть орехи. Дьявол тутоже, лакомый зело, прибежит и спросит, смачно ли? Тут и дай ему шары-шарики железные...

— А, чтоб вас... — буркнул Лютик. — Чтоб вас наизнанку вывернуло.

— Тише, — сказал Геральт. — Ну, бабуля, дальше.

— ...зубы выломавши, дьявол, увидевши, как ты мед кушаешь, также меду пожелает. Дай оному дегтю, а сам кушай творог. Скоро услышишь, как у дьявола внутри бурчание и сквозение почнетя, но сделай вид, будто ничего такого. А захотит дьявол творогу, то дай ему мыла. Апосля мыла уж дьявол не удержит...

— Итак, уважаемые, вы добрались до мыла? — прервал Геральт с каменным лицом, обернувшись к Дхуну и Крапивке.

— Куда там, — ахнул Крапивка. — Хорошо хоть до шариков-то. Ох, задал он нам перцу, когда шарики начал грызть...

— А кто велел давать ему столь шариков-то? — рассмеялся Лютик. — В книге сказано: мол, одну пригоршню. А вы ему цельный мешок энтих шариков натаскали! Вы ему, дьяволу-то, амуниции, почитай, на два годка без малого натаскали, дурни!

— Осторожней! — усмехнулся ведьмак. — Начинаешь подражать им. Это заразительно.

— Благодарю.

Геральт быстро поднял голову, заглянул в глаза стоящей рядом с бабкой девочки. Лилле не отвела взгляда. Глаза у нее были ясные и чертовски голубые.

— Зачем вы приносите дьяволу жертвы зерном? Ведь видно же, он — типичное травоядное. Зерна не ест.

Лилле не ответила.

— Я задал тебе вопрос, девушка. Не бойся, от разговора со мной не запаршивеешь.

— Не выспрашивайте ни о чем, — бросил Крапивка с беспокойством в голосе. — Лилле... Она... Странная. Не ответит, не заставляйте ее.

Геральт не отрывал от Лилле глаз, а Лилле по-прежнему глядела на него. По спине у Геральта пробежали мурашки, выползли на шею.

— Почему вы не пошли на дьявола с дрекольем и вилами? — повисил он голос. — Почему не расставили западни? Если б вы только захотели, его козлиная башка уже торчала бы на шесте в качестве пугала от ворон. Меня предупредили, чтобы я не пытался его убить. Почему? Ты запретила им, верно, Лилле?

Дхун поднялся с лавки. Головой чуть не задев потолок.

— Выдь, девка, — буркнул он. — Забирай бабку и выдь отседова.

— Кто она? — проговорил Геральт, когда за бабкой и Лилле захлопнулась дверь. — Кто эта девочка, Дхун? Почему пользуется у вас большим уважением, нежели эта чертова книга?

— Не ваше дело, — глянул на него Дхун, и в его взгляде не было дружелюбия. — Умных девушек у себя в городах преследуете, на кострах спячете. У нас этого не было и не будет.

— Вы меня не поняли, — холодно сказал ведьмак.

— И не стараюсь, — проворчал Дхун.

— Я это заметил, — процедил Геральт, тоже не шибко сердечно. — Но одну основную

вещь извольте понять, уважаемый Дхун. Нас по-прежнему не связывает никакой договор, я по-прежнему не обязан вам ничем. У вас нет оснований полагать, будто вы прикупили себе ведьмака, который за серебряный грош или полтора сделает то, чего вы сделать не умеете. Или не хотите. Или... не можете. Так вот, уважаемый Дхун, вы еще не купили ведьмака, и не думаю, чтобы это вам удалось. При вашем-то нежелании что-либо понимать.

Дхун молчал, исподлобья глядя на Геральта. Крапивка кашлянул, повертелся на лавке, возя лаптями по глинобитному полу, потом вдруг выпрямился.

— Милсдарь ведьмак, — сказал он. — Не сердайте. Скажем, что и как. А, Дхун?

Посадский солтыс согласно кивнул.

— Когда мы сюда ехали, — начал Крапивка, — вы видели, как тут все растет, какие тут всходы. Другой раз такое вымахает, о чем где в другом месте и мечтать трудно. Даже невозможно. Ну вот. Поскольку у нас саженцы, да и зерно — штука преотличная, мы и дань этим платим, и продаем, и обмениваем...

— Что тут общего с чертом?

— А есть общее, есть. Чертяка раньше вроде бы пакостил и разные штучки подстраивал, а тут вдруг начал зерно воровать понемногу. Тогда мы ему стали класть помалу на камень в конопле, думали, нажрется и отстанет. Ан нет, продолжал красть. А когда мы от него запасы прятать начали по складам да сараям, на три замка запираемым, то он все равно как взбесился, рычал, блеял, «ук-ук» кричал, а уж коли он укукать начинает, то лучше ноги в руки. Грозился, мол...

— ...трахать начнет, — вставил Лютик с добродушной ухмылкой.

— И это тоже, — поддакнул Крапивка. — Да и о красном петухе напоминал. Долго говорить, — когда не смог больше красть, потребовал дани. Велел себе зерно и другое добро мешками целыми носить. Тогда мы обозлились и всем сходом решили ему хвостатую задницу отбить. Но...

Крапивка кашлянул, опустил голову.

— Нечего кружить-то, — неожиданно проговорил Дхун. — Неверно мы государя ведьмака оценили. Валяй все как есть, Крапивка.

— Бабка запретила дьявола бить, — быстро проговорил Крапивка, — но мы-то знаем, что это Лилле, потому как бабка... Бабка только то болтает, что ей Лилле велит. А мы... Сами видите, милсдарь ведьмак, мы слушаемся.

— Заметил, — поморщился Геральт. — Бабка может только бородой трясти и бормотать текст, которого и сама не понимает. А на девчонку вы глазете, как на статую богини, раскрыв рты, не глядите ей в глаза, но пытаетесь угадывать ее желания. А ее желания — для вас приказы. Кто она, эта ваша Лилле?

— Так вы же отгадали, милсдарь. Вещунья. Ну, Мудрая, значит. Только не говорите об этом никому. Просим. Ежели до князя дойдет или, не приведите боги, до наместника...

— Не бойтесь, — серьезно сказал Геральт. — Знаю, в чем дело, и вас не выдам.

Встречающиеся по деревням странные женщины и девушки, которых жители называли вещуньями или Мудрыми, не пользовались особой симпатией у вельмож, собиравших дань и тянувших жилы из селян. Кметы всегда обращались за советом к вещуньям, почти по любому вопросу. Верили им слепо и безгранично. Принимаемые на основе таких советов решения зачастую полностью противоречили политике хозяев и владык. Геральт слышал о совершенно радикальных и непонятных случаях — об уничтожении племенных стад, прекращении сева либо уборки и даже о переселении целых деревень. Владыки преследовали «суеверия», зачастую не выбирая средств. Поэтому крестьяне очень быстро научились скрывать Мудрых. Но слушаться их не перестали. Потому что одно, как подсказывал опыт, не подлежало сомнению — по крупному счету всегда оказывалось, что Мудрые правы.

— Лилле не позволила нам убить дьявола, — продолжал Крапивка. — Велела сделать так, как указывает книга. Вы уже знаете — не получилось. Уже были неприятности с сеньором. Когда мы отдали зерна меньше, чем положено, он разорался, кричал, что

разделается с нами. О дьяволе-то мы ему ни-ни, потому как сеньор строг ужась, как и в шутках ничегошеньки не смыслит. И тут вы объявились. Мы спрашивали Лилле, можно ли вас... нанять?

— И что?

— Через бабку сказала, что сначала ей надо на вас взглянуть.

— И взглянула.

— Ага. И признала вас, мы это знаем, умеем понять, что Лилле признает, а чего нет.

— Она не произнесла ни слова.

— Она ни с кем, кроме бабки, словом не обмолвится. Но если б вас не признала — в хату б не вошла ни за что.

— Хм... — задумался Геральт. — Интересно. Вещунья, которая, вместо того чтобы вещать, молчит. Откуда она взялась?

— Не знаем, милсдарь ведьмак, — буркнул Дхун. — Но с бабкой, как твердят старики, тожить так было. Предыдущая бабка тожить приласкала неразговорчивую девку, такую, што явилась неведомо откель. А та девка — то как раз наша теперешняя бабка. Дед мой говаривал: мол, бабка таким манером возрождается. Совсем вроде как месяц на небе возрождается и всякий раз становится новый. Не смейтесь...

— Я не смеюсь, — покачал головой Геральт. — Я достаточно много видел, чтобы меня могли насмешить такие вещи. К тому же я и не думаю совать нос в ваши дела, уважаемый Дхун. Мои вопросы имеют целью установить связь между Лилле и дьяволом. Вы, пожалуй, уже и сами поняли, что такая связь существует. Поэтому, если вам дорога ваша вещунья, то относительно дьявола я могу вам дать только один совет: вы должны его полюбить.

— Знаете, — сказал Крапивка, — тут не только в дьяволе дело. Лилле никому не позволяет сделать ничего плохого. Ни одному существу.

— Конечно, — вставил Лютик. — Деревенские вещуньи идут с того же корня, что и друиды. А друид, ежели слепень сосет его кровь, так он тому еще и приятного аппетита пожелает.

— Точно, — слабо улыбнулся Крапивка. — В самое что ни на есть яблочко. То же было у нас с дикими свиньями, которые по огородам повадились лазать. И что? Гляньте в окно. Огороды как на картинке. Отыскался способ, Лилле даже не знает какой. Чего глаз не видит, того сердцу не жаль. Понятно?

— Понятно, — буркнул Геральт. — А как же. Ну и что? Лилле не Лилле, а ваш дьявол — это сильван. Существо чрезвычайно редкое, но разумное. Я его не убью, ибо мой кодекс этого не позволяет.

— Ежели он такой страсть как разумный, — проговорил Дхун, — то попробуйте его на этот самый ум взять.

— И верно, — подхватил Крапивка. — Если у дьявола есть разум, значит, он крадет зерно по-умному. Так вы, милсдарь ведьмак, разузнайте, чего ему надо. Ведь он того зерна не жрет, в каждом разе — не столько. Так на кой ему зерно? Нам назло или как? Чего он хочет? Узнайте и выгоните его из округи каким-нить ведьмаковским способом. Сделаете?

— Попытаюсь, — решил Геральт. — Но...

— А чего?..

— Ваша книга, дорогие мои, устарела. Понимаете, куда я клоню?

— По правде-то, — буркнул Дхун, — не очень.

— Я вам разьясню. Так вот, уважаемый Дхун, уважаемый Крапивка, если вы думаете, что моя помощь обойдется вам в серебряный грош или полтора, то глубоко заблуждаетесь.

5

— Эй!

В зарослях послышался шорох, гневное «ук-ук» и потрескивание жердей.

— Эй! — повторил ведьмак, предусмотрительно спрятавшись. — Покажись-ка, леший!

— Сам ты леший!
— Тогда кто? Черт?
— Сам ты черт! — Козерог выставил голову из конопли, скаля зубы. — Чего надо?
— Поговорить хочу.
— Смеешься или как? Думаешь, не знаю, кто ты такой? Парни наняли тебя, чтоб меня отсюда выкинул, э?
— Верно, — спокойно согласился Геральт. — Именно об этом я и хотел поговорить. А вдруг — договоримся?
— Вон оно что! — проблеял дьявол. — Хочешь отделаться малой ценой? Без трудов? Со мной такие штучки не пройдут, бе-е-е! Жизнь, человеке, это состязание. Выигрывает лучший. Хочешь у меня выиграть, докажи, что ты лучше. Чем болтать-то — давай устроим состязание. Победитель диктует условия. Я предлагаю гонки отсюда до старой вербы на дамбе.
— Не знаю, где дамба и где старая верба.
— Если б знал, я предлагать бы не стал. Люблю состязаться, но не люблю проигрывать.
— Это я заметил. Нет, не станем играть в догонялки. Жарковато сегодня.
— Жаль. Так, может, потягаемся в чем-нибудь другом? — Дьявол оскалил желтые зубы и поднял с земли большой бульжник. — Знаешь игру «Кто громче гукнет»? Чур, я гукаю первый. Закрой глаза.
— У меня другое предложение.
— Ну-ка, ну-ка?
— Ты отвалишь отсюда без состязаний, гонок и гукания. Сам, без принуждения.
— Засунь свое предложение а d'yeabl aep arge, — дьявол проявил знание Старшей Речи. — Никуда я не уберусь. Мне и здесь хорошо.
— Но ты слишком уж тут набезобразничал. Переборщил с шутками.
— Duwelsheyss тебе до моих шуток, — леший, оказывается, знал и язык краснолюдов. — И цена твоему предложению такая же, как и duwelsheyss'у. Никуда я не уберусь. Другое дело, если победишь в какой-нибудь игре. Дать тебе шанс? Поиграем в загадки, ежели не любишь силовых игр. Сейчас я тебе загадку загадаю, если отгадаешь — выиграешь, а я уйду. Если нет — я останусь, а ты уберешься. Ну, напряги мозги, потому как загадка не из легких.
Не успел Геральт возразить, как дьявол заблеял, затопал копытцами, мазнул землю хвостом и продекламировал:

Розовы листочки, пухлые стручочки,
Зреет в мягкой глинке, рядом с ручеечком.
А на длинном стебле в точечках цветов.
Не давай котенку, чтобы он не сдох.

— Ну что это? Угадай.
— Понятия не имею, — равнодушно признался ведьмак, даже не пытаясь подумать.
— Скверно. Ты проиграл.
— А правильный ответ? У чего бывают... хм... в точечках цветочки?
— У капусты.
— Слушай, — проворчал Геральт, — твои шуточки начинают действовать мне на нервы.
— Я упреждал, — захохотал дьявол, — что загадка не из легких. Сорт такой. Что делать, я выиграл, остаюсь. А ты уходишь. Низко кланяюсь.
— Минуточку. — Ведьмак незаметно сунул руку в карман. — А моя загадка? Наверно, у меня есть право на реванш?
— Нету, — запротестовал дьявол. — Чего ради? А вдруг я не отгадаю? За дурака меня держишь?

— Нет, — покачал головой Геральт. — Держу тебя за зловредного, наглого, нахального балбеса. Сейчас поиграем в совсем новую, неизвестную тебе игру.

— Да? Ишь ты! Ну и что же это за игра?

— Игра называется, — медленно произнес ведьмак, — «Не делай другому то, что тебе самому неприятно». Закрывать глаза не обязательно.

Геральт наклонился, размахнулся, в воздухе резко просвистел дюймовый металлический шарик и со звоном врезался дьяволу точно между рогами. Сильван рухнул как подкошенный. Геральт шукой скользнул меж жердей и схватил дьявола за косматую ногу. Леший забекал и взбрыкнул, ведьмак прикрыл голову предплечьем, но у него все равно зазвенело в ушах, потому что дьявол, несмотря на неуклюжую фигуру, лягался с силой разъяренного мула. Геральт попытался ухватить брыкающиеся копыта, но не сумел. Козерог разошелся, заколотил по земле руками и лягнул его снова, на этот раз прямо в лоб. Ведьмак выругался, чувствуя, как нога дьявола вырывается у него из пальцев. Оба они, расцепившись, покатались в разные стороны, с треском выворачивая жерди и запутываясь в побегах конопли.

Дьявол вскочил первым и кинулся на ведьмака, опустив увенчанную рогами голову. Но Геральт уже твердо стоял на ногах и легко уклонился, схватил лешего за рог, крепко рванул, повалил на землю и прижал коленями. Дьявол заблеял и плюнул ему в глаза, причем так, что этого не постыдился бы и верблюд, страдающий слюноизвержением. Ведьмак автоматически отступил, не отпуская, однако, дьяволиных рогов. Леший, мотая головой, лягнул его двумя копытами сразу и — что самое удивительное — обоими попал. Геральт дико выругался, но рук не разжал. Поднял дьявола с земли, припер к трещащим жердям и со всей силы долбанул ногой по косматому колену, а потом наклонился и наплевал ему прямо в ухо. Дьявол взвыл и защелкал тупыми зубами.

— Не делай другому... — выдохнул ведьмак, — что тебе неприятно! Продолжаем игру?

— Блеблебле-е-е! — булькал, выл и плевался дьявол, но Геральт крепко держал его за рога и прижимал голову книзу, поэтому плевки попадали дьяволу на собственные копыта, вздымающие тучи пыли и травы.

Следующие несколько минут ушли на бурную возню, обмен ругательствами и пинками. Геральт если и мог чему-то радоваться, так исключительно тому, что никто его не видит, ибо картинка была воистину кретинская.

Очередной пинок разорвал дерущихся и разбросал их в разные стороны, в гущу конопли. Дьявол снова опередил ведьмака — вскочил и кинулся бежать, заметно прихрамывая. Геральт, тяжело дыша и вытирая лицо, бросился вдогонку. Они продрались сквозь коноплю, влетели в хмель. Ведьмак услышал цокот копыт мчащегося галопом коня. Звук, которого он ожидал.

— Здесь! Лютик! Я здесь! — крикнул он. — Во хмелю!

И тут он увидел над собой грудь лошади, а в следующую секунду на него наехали. Он оттолкнулся от коня, как от скалы, и рухнул навзничь. От удара о землю потемнело в глазах. Несмотря на это, он сумел откатиться вбок, за жерди, уклоняясь от удара копыт. Ловко вскочил, но тут на него налетел другой всадник и снова повалил. А потом вдруг кто-то насел на него, пригвоздив к земле.

И был блеск и пронизывающая боль в затылке.

И тьма.

6

Рот был забит песком. Когда Геральт попытался его выплюнуть, то понял, что лежит лицом к земле. Когда захотел пошевелиться, понял, что связан. Слегка приподнял голову. Услышал голоса.

Он лежал на земле у ствола сосны. Шагах в двадцати стояло несколько расседланных

лошадей. Он видел их сквозь перистые папоротники, нечетко, но один из коней, несомненно, был гнедой Лютика.

— Три мешка кукурузы, — услышал он. — Хорошо, Торкве. Очень хорошо. Молодцом.

— Это еще не все, — сказал блеющий голос, который мог принадлежать только козерогу. — Посмотри на это, Галарр. Вроде бы фасоль, но совсем белая. И какая крупная! А вот это называется рапс. Они из него масло делают.

Геральт крепко зажмурился, потом снова открыл глаза. Нет, это был не сон. Дьявол и Галарр, кем бы он ни был, пользовались Старшей Речью эльфов. Но слова «кукуруза», «фасоль» и «рапс» были произнесены на общем.

— А это что такое? — спросил тот, кого звали Галарр.

— Льняное семя. Лен, понимаешь? Рубахи делают из льна. Гораздо дешевле, чем из шелка, и носится дольше. Способ обработки, кажется, довольно сложный, но я выпрошу, что и как.

— Только б принялся этот твой лен, только б не пропал у нас, как репа, — посетовал Галарр, по-прежнему пользуясь чудным воляпюком. — Постарайся раздобыть новые саженцы репы, Торкве.

— Чего проще, — баянул дьявол. — Никаких проблем, все растет как на дрожжах. Доставлю, не бойся.

— И еще одно, — сказал Галарр. — Узнай наконец, в чем суть ихнего троеполья.

Ведьмак осторожно приподнял голову и попробовал повернуться.

— Геральт... — услышал он шепот. — Очнулся?

— Лютик, — тоже шепотом отозвался он. — Где мы... Что с нами...

Лютик тихо застонал. Геральт не выдержал, выругался, напрягся и перевернулся на бок.

Посреди поляны стоял дьявол, носивший, как он уже знал, звонкое имя Торкве. Он был занят погрузкой на лошадей мешков, корзин и выюков. Помогал ему высокий худощавый мужчина, который мог быть только Галарром. Тот, услышав движение ведьмака, повернулся. Его черные волосы заметно отливали темно-синим. На угловатом лице горели большие глаза. Уши заострились кверху.

Галарр был эльфом. Эльфом с гор. Чистой крови Aen Seidhe — представитель Старшего Народа.

Галарр не был единственным эльфом в пределах видимости. На краю поляны сидело еще шестеро. Один был занят тем, что потрошил выюки Лютика, другой тренировал на лютне трубадура. Остальные, собравшись вокруг развязанного мешка, усиленно уничтожали репу и сырую морковь.

— Vanadain, Toruviel, — сказал Галарр, движением головы указывая на пленников. — Vedrai! Enn'le!

Торкве подскочил и заблеял.

— Нет, Галарр! Нет! Филавандрель запретил! Ты забыл?

— Нет, не забыл. — Галарр перекинул два связанных мешка через спину лошади. — Но надо проверить, не ослабли ли петли.

— Чего вы от нас хотите? — простонал трубадур, пока один из эльфов, прижав его к земле коленом, проверял узлы. — Зачем связываете? Что вам надо? Я — Лютик, тру...

Геральт услышал звук удара. Повернулся, выкручивая шею.

У стоящей над Лютиком эльфки тоже были черные глаза и буйно опадающие на плечи волосы цвета воронова крыла, только на висках заплетенные в две тоненькие косички. На ней была короткая кожаная курточка, надетая на свободную рубаху из зеленого сатина, и облегающие шелковые брючки, заправленные в сапоги для верховой езды. Бедра обмотаны цветным платком.

— Que glosse? — спросила она, глядя на ведьмака и поигрывая рукоятью длинного кинжала, висящего на поясе. — Que l'en ravienn ell'ea?

— Nell'ea, — возразил он. — T'en ravienn, Aen Seidhe.

— Слышал? — повернулась эльфка к товарищу, высокому сеидхе, который, и не думая проверять узлы Геральта, с безразличной миной на вытянутом лице продолжал брэнчать на лютне Лютика. — Ты слышал, Ванадайн? Человекообразное умеет говорить! К тому же нагло!

Сеидхе повел плечами. Перья, украшавшие его куртку, зашелестели.

— Еще один повод заткнуть ему глотку, Торувьель.

Эльфка наклонилась над Геральтом. У нее были длинные ресницы, неестественно бледная кожа, обветренные, потрескавшиеся губы. Она носила ожерелье из фигурных кусочков золотистой бронзы, нанизанных на ремешок, несколько раз обернутый вокруг шеи.

— Ну-ка скажи что-нибудь, человекообразное, — прошипела она. — Посмотрим, куда годится твоя привыкшая лаять глотка.

— Тебе что, повод нужен, — ведьмак с усилием перевернулся на спину, выплюнул песок, — чтобы ударить связанного? А так, без предлога, не можешь? Я же видел, тебе это доставляет удовольствие. Ну, успокой душеньку.

Эльфка выпрямилась.

— На тебе я уже душу успокоила, когда у тебя были свободные руки, — сказала она. — Это я прошлась по тебе конем и дала по морде. Знай, что именно я прикончу тебя, когда придет время.

Он не ответил.

— Охотнее всего я б ткнула тебя кинжалом сейчас, глядя в глаза, — продолжала эльфка. — Но от тебя жутко несет, человек. Я прикончу тебя из лука.

— Воля твоя, — пожал плечами ведьмак, насколько это позволяли путы. — Как хочешь, благородная Aen Seidhe. В связанного и неподвижного ты должна бы попасть. Не промахнуться.

Эльфка встала над ним, расставив ноги, и наклонилась, сверкнув зубами.

— Должна, — прошипела она. — И попаду, куда хочу. Но будь уверен, от первой стрелы ты не подохнешь. И от второй тоже. Постараюсь сделать так, чтобы ты чувствовал, что умираешь.

— Не подходи так близко, — поморщился он, изображая отвращение. — От тебя зверски несет, Aen Seidhe.

Эльфка отскочила, качнулась и с размаху пнула его в бедро. Геральт скорчился и сжался, видя, куда она собирается пнуть теперь. Это ему удалось, он получил по ноге, да так, что лязгнули зубы. Стоящий рядом высокий эльф сопровождал ударам резкими аккордами на струнах лютни.

— Оставь его, Торувьель, — заблеял дьявол. — Спятила? Галарр, вели ей прекратить!

— Thaess! — взвизгнула Торувьель и пнула ведьмака еще раз. Высокий сеидхе сильно рванул струны, одна с протяжным стоном лопнула.

— Достаточно! Довольно, о боги! — нервно крикнул Лютик, дергаясь в путах. — Зачем ты издеваешься над ним, глупая девка! Оставьте нас в покое! А ты перестань терзать лютню, слышишь?

Торувьель повернулась к нему со злой гримасой на потрескавшихся губах.

— Музыкант! — проворчала она. — Гляньте-ка, человек, а музыкант! Лютнист! Надо же!

Она молча выхватила инструмент из рук высокого эльфа и, с размаху разбив о ствол сосны, бросила опутанные струнами остатки Лютику на грудь.

— На коровьем роге тебе играть, дикарь, не на лютне!

Поэт смертельно побледнел, губы у него задрожали. Геральт, чувствуя вздымающуюся где-то внутри холодную ярость, притянул взглядом черные глаза Торувьели.

— Что пялишься? — прошипела эльфка, наклоняясь. — Грязное человекообразное! Хочешь, чтобы я выколола твои гадючьи зенки?

Ожерелье нависло над ним. Ведьмак напрягся, резко приподнялся, схватил ожерелье

зубами и сильно рванул, подогнув ноги и выворачиваясь на бок. Торувьель, потеряв равновесие, свалилась на него. Геральт метался в узах, как выброшенная на берег рыба. Он прижал собою эльфку, откинул голову так, что хрустнуло в шейных позвонках, и изо всей силы ударил ее лбом в лицо. Торувьель взвыла, захлебнулась воздухом.

Его грубо стащили с нее, волоча за одежду и волосы. Подняли, кто-то ударил, он почувствовал, как перстни рвут кожу на скуле, в глазах заплясал и поплыл лес. Он увидел, как Торувьель поднимается на колени, увидел кровь, текущую у нее из носа и рта. Эльфка выхватила из ножен кинжал, сгорбилась, но вдруг разрыдалась, суксилась, схватилась за лицо и опустила голову в колени.

Высокий эльф в украшенной пестрыми перьями куртке взял у нее из руки кинжал и подошел к удерживаемому другими ведьмаку. Усмехнулся, поднимая клинок. Геральт видел его сквозь красный туман, кровь, сочившаяся из разбитого о зубы Торувьель лба, заливала ему глаза.

— Нет! — заблеял Торкве, подскакивая к эльфу и повисая у него на руке. — Не убивай! Нет!

— Voe'gle, Vanadain, — раздался вдруг звучный голос. — Quess aen? Caelm, evellienn! Galarr!

Геральт повернул голову, насколько это позволяла вцепившаяся ему в волосы пятерня.

На полянку выехал снежно-белый, длинногривый конь. Грива, мягкая даже на вид, казалась шелковистой, как женские волосы. Шевелюра сидящего в богатом седле наездника была того же цвета. Волосы были перехвачены на лбу повязкой, усеянной изумрудами.

Торкве, побелев, подскочил к лошади, ухватил ее за стремя и засыпал белоголового эльфа потоком слов. Сеидхе, прервав его властным жестом, спрыгнул с седла. Приблизился к Торувьели, осторожно отнял от ее лица окровавленный платок. Торувьель душераздирающе охнула. Сеидхе покрутил головой, повернулся к ведьмаку, подошел ближе. Его черные пылающие глаза, горевшие на бледном лице словно звезды, были обведены синими кругами, будто он несколько ночей кряду не знал сна.

— Кусаешься даже связанный, — сказал он без акцента, тихо, на общем языке. — Как василиск. Я сделаю отсюда выводы.

— Торувьель сама начала, — забебекал дьявол. — Она пнула его, связанного, словно сумасшедшая...

Эльф жестом велел ему замолчать. По его краткому приказу другие сеидхе перетащили ведьмака к сосне и привязали ремнями к стволу. Потом все присели рядом с лежащей Торувьелью, заслонив ее. Геральт слышал, как она вдруг вскрикнула, дергаясь в их руках.

— Я этого не хотел, — сказал дьявол, все еще стоявший рядом с ними. — Не хотел, человек. Я не знал, что они появятся именно тогда, когда мы... Когда тебя оглушили, а твоего друга связали веревкой, я просил, чтобы вас оставили там, в хмеле. Но...

— Они не могли оставить свидетелей, — проворчал ведьмак.

— Может, нас не убьют? — простонал Лютик. — Может, нас не...

Торкве молчал, шмыгая мягким носом.

— Черт побери, ох, прости, — снова застонал поэт. — Убьют? В чем дело, Геральт? Свидетелями чего мы были?

— Наш козлорогий друг выполняет в Долине Цветов особую миссию. Верно, Торкве? По заданию эльфов он крадет семена, саженцы, рассаду, выуживает сельскохозяйственные знания... Что еще, чертушка?

— Что удастся, — бебекнул Торкве. — Все, что они потребуют. А ты скажи мне, чего они не требуют? Они голодают в горах, особенно зимой. А о земледелии понятия не имеют. Пока-то они приручат животных или птицу, пока-то что-нибудь вырастят на своих делянках... У них нет на это времени, человек.

— Плевал я на их время. Что я им сделал? Лично я? — простонал Лютик. — Что плохого сделал им я?

— Подумай хорошенько, — сказал беззвучно подошедший белоголовый эльф, — и,

может быть, сам себе ответишь.

— Он просто мстит за все несправедливости, какие эльфы испытывали от людей, — криво усмехнулся ведьмак. — Ему все равно, кому мстить. Не дай обмануть себя благородной внешностью и изысканной речью, Лютик. Он ничем не отличается от той черноглазой, которая била нас ногами. Ему надо на ком-то разрядить свою бессильную ненависть.

Эльф поднял сломанную лютию Лютика. Некоторое время рассматривал искореженный инструмент, потом отбросил его в кусты.

— Если б я хотел дать волю ненависти или желанию отомстить, — сказал он, поигрывая перчатками из мягкой белой кожи, — я напал бы на долину ночью, спалил поселки и вырезал жителей. Детская забава, они даже не выставляют охраны. Они не видят и не слышат нас, когда ходят в лес. Разве может быть что-то проще, легче, чем быстрая тихая стрела, пущенная из-за дерева? Но мы не охотимся на вас. Это ты, человек со странными глазами, устроил охоту на нашего друга, сильвана Торкве.

— А, да что там, — бекнул дьявол, — какая там охота. Мы немного поиграли...

— Это вы, люди, ненавидите всех, кто отличается от вас хотя бы только формой ушей, — спокойно продолжал эльф, не обращая внимания на козерога. — Поэтому отняли у нас землю, изгнали из домов, вытеснили в дикие горы. Заняли нашу Dol Blathanna, Долину Цветов. Я — Filavandrel aen Fidhail из Серебряных Башен, из рода Feleaorn'ов с Белых Кораблей. Теперь, изгнанный и оттесненный на край света, я просто Филавандрель с Края Света.

— Мир велик, — буркнул ведьмак. — Можем поместиться. Места хватит.

— Мир велик, — повторил эльф. — Это верно, человек. Но вы изменили этот мир. Сначала изменяли его силой, поступали с ним так, как со всем, что попадало вам под руку. Теперь, похоже, мир начал приспосабливаться к вам. Склонился перед вами. Подчинился вам.

Геральт не отвечал.

— Торкве сказал правду, — продолжал Филавандрель. — Да, мы голодаем. Да, нам угрожает гибель. Солнце светит иначе, воздух — другой, вода — уже не та, какой была. То, что мы некогда ели, чем пользовались, погибает, вырождается, хиреет, пропадает. Мы никогда не занимались земледелием, никогда, в отличие от вас, людей, не раздирали землю мотыгами и сохами. Вам земля платит кровавую дань. Нас она одаривала. Вы вырываете у земли ее богатства силой. Для нас земля рожала и цвела, потому что любила нас. Что ж, ни одна любовь не длится вечно. Но мы хотим выжить.

— Вместо того чтобы воровать зерно, его можно купить. Сколько надо. У вас множество того, что очень ценят люди. Вы могли бы торговать.

Филавандрель брезгливо поморщился.

— С вами? Никогда.

Геральт нахмурился, разрывая запекшуюся на щеке кровь.

— Идите вы к черту вместе с вашей наглостью и презрением. Не желая сосуществовать, вы сами обрекаете себя на гибель. Сосуществовать, договориться — вот ваш единственный шанс.

Филавандрель сильно наклонился вперед, глаза у него блеснули.

— Сосуществовать на ваших условиях? — спросил он изменившимся, но все еще спокойным голосом. — Признать ваше превосходство? Сосуществовать как рабы? Парии? Сосуществовать с вами, оставаясь за пределами стен, которыми вы отгораживаетесь от нас в своих городах? Сожительство с вашими женщинами и идти за это на шибеницу? И видеть, что происходит с детьми, появившимися на свет в результате такого сожительства? Почему ты избегаешь моего взгляда, странный человек? Как тебе удастся сосуществовать с ближними, от которых ты, кстати, немного отличаешься?

— Стараюсь помаленьку, — посмотрел ему в глаза ведьмак. — Справляюсь. Потому что должен. Потому что другого выхода у меня нет. Потому что смог подавить в себе спесь и

заснайство, которые хоть и дают мне защиту от «инности», но защиту плачевную. Ибо я понял, что солнце светит иначе, что нечто изменяется, но не я являюсь осью этих изменений. Солнце светит иначе и будет светить, и без толку кидаться на него с мотыгой. Надо признавать факты, эльф, надо этому научиться.

— Как раз этого-то вы и добиваетесь, верно? — Филавандрель отер пот, выступивший на бледном лбу над белесыми бровями. — Именно это вы стремитесь навязать другим? Убедить всех, что вот он пришел, ваш час, ваша, человеческая, эпоха, что то, как вы поступаете с другими расами, столь же естественно, как восходы и закаты солнца? Что все обязаны с этим согласиться, смириться? И ты еще обвиняешь меня в спесивости? А что же тогда проповедуешь ты? Почему вы, люди, не поймете наконец, что ваше владычество над миром не более естественно, чем у вшей, расплодившихся в тулупе? С тем же успехом ты мог бы предложить мне сосуществовать со вшами, с таким же вниманием я слушал бы вшей, если б взамен за признание их верховенства мы согласились на совместное пользование тулупом...

— Знаешь что, эльф, не трать напрасно свое драгоценное время на споры с таким отвратным насекомым, как я, — сказал ведьмак, с трудом сдерживая ярость. — Меня удивляет, как сильно тебе хочется в такой вше, как я, разбудить чувство вины и раскаяния. Ты жалок, Филавандрель. Ты разгорячился, ты жаждешь мести и сознаешь собственное бессилие. Ну давай, пырни меня мечом. Отыграйся на мне за всю человеческую расу. Увидишь, как тебе полегчает. А для начала вдарь меня по яйцам или по зубам, как это сделала твоя Торувьель.

— Торувьель больна, — сказал Филавандрель, отвернувшись.

— Знаю я эту болезнь и ее признаки. — Геральт сплюнул через плечо. — То, что я предложил, должно помочь.

— И верно, бессмысленный разговор. — Филавандрель встал. — Сожалею, но мы вынуждены вас убить. Месть тут ни при чем, это чисто практическое решение. Торкве продолжит выполнять свою задачу, и никто не должен подозревать, для кого он это делает. Мы не в состоянии воевать с вами, а на торговле и обмене провести себя не дадим. Мы не настолько наивны, чтобы не знать, чьим авангардом являются ваши купцы. Кто за ними идет. И какого рода сосуществование приносит.

— Слушай, эльф, — тихо проговорил молчавший до сих пор поэт. — У меня есть друзья. Люди, которые дадут за нас выкуп. Если хочешь, то и пищей. В любом виде. Подумай об этом. Ведь уворованные семена вас не спасут...

— Их уже ничто не спасет, — прервал его Геральт. — Не пресмыкайся перед ними, Лютик, не клянчи. Это бессмысленно и достойно сожаления.

— Для того, кто живет кратко, — усмехнулся Филавандрель, но улыбка получилась вымученной, — ты проявляешь поразительное презрение к смерти, человек.

— Двум смертям не бывать, одной не миновать, — спокойно сказал ведьмак. — Философия в самый раз для вши, верно? А твое долголетие? Жаль мне тебя, Филавандрель.

— Это почему же? — поднял брови эльф.

— Вы жалостно смешны со своими уворованными мешочками семян на вьючных лошадях, с горсткой зерна, с теми крохами, за счет которых намерены выжить. И с вашей миссией, которая служит только тому, чтобы отвлечь ваши мысли от близкой гибели. Ведь ты-то знаешь, что это уже конец. Ничто не взойдет и не уродится на плоскогорьях, ничто вас уже не спасет. Но вы — долговечны, вы будете жить долго, очень долго в собственноручно и высокомерно избранной изоляции, слабеющие, малочисленные, все более озлобленные. И ты знаешь, что произойдет, Филавандрель. Знаешь, что тогда отчаявшиеся юнцы с глазами столетних старцев и отцветшие, бездетные и больные, как Торувьель, девушки поведут в долины тех, кто еще сможет удержать в руках меч и лук. Вы спуститесь в цветущие долины навстречу смерти, желая умереть достойно, в бою, а не в постелях, на которые повалят вас анемия, туберкулез и цинга. И тогда, долгожитель Aen Seidhe, ты вспомнишь обо мне. Вспомнишь, что мне было тебя жаль. И поймешь, что я был прав.

— Время покажет, кто был прав, — тихо проговорил эльф. — И в этом преимущество долголетия. У меня есть возможность убедиться лично. Хотя бы благодаря украденным горстям зерна. У тебя такой возможности не будет. Сейчас ты умрешь.

— Пощади хотя бы его. — Геральт указал на Лютика движением головы. — Нет, не из патетического милосердия, а из соображений разума. Обо мне никто не вспомнит, но за него захотят отомстить.

— Ты неверно оцениваешь мой разум, — сказал эльф. — Если он выживет благодаря тебе, он, несомненно, почувствует себя обязанным отомстить за тебя.

— И не сомневайся! — взревел Лютик, бледный как смерть. — Можешь быть уверен, сукин сын! Убей меня тоже, потому что, клянусь, в противном случае я подниму против тебя весь мир. Ты увидишь, на что годны вши из тулупа! Мы перебьем вас, даже если для этого придется сровнять с землей ваши горы! Можешь быть уверен!

— Ну и глуп же ты, Лютик! — вздохнул ведьмак.

— Двум смертям не бывать, одной не миновать, — гордо сказал поэт, причем эффект несколько подпортили стучавшие, как кастаньеты, зубы.

— Это решает дело. — Филавандрель вынул перчатки из-за пояса и натянул их. — Пора кончать этот досадный эпизод.

По его краткому приказу эльфы с луками выстроились напротив. Сделали они это быстро: явно уже давно ожидали приказа. Один, как заметил ведьмак, все еще жевал репу. Торувьель, у которой рот и нос были крест-накрест закрыты полосками ткани и берестой, встала рядом с лучниками. Но без лука.

— Завязать вам глаза? — спросил Филавандрель.

— Отойди, — буркнул ведьмак. — Иди ты в...

— A d'yeabl aep arse, — закончил Лютик, стуча зубами.

— Э, нет! — вдруг заблеял дьявол, подбегая и заслоняя собою осужденных. — У вас что, разум отбило? Филавандрель! Мы так не уговаривались! Ты должен был вывезти их в горы, поддержать где-нибудь в пещерах, пока мы не закончим здесь...

— Торкве, — сказал эльф, — не могу. Я не могу рисковать. Ты же видел, что он, связанный, сделал с Торувьелью? Я не могу рисковать.

— Мне плевать, что ты можешь, а чего нет! Что вы вообразили? Думаете, я позволю вам совершить убийство? Здесь, на моей земле? Здесь, рядом с моим поселком? Вы, проклятые дурни! Выматывайтесь отседова вместе со своими луками, иначе на рога подниму, ук, ук!!!

— Торкве, — Филавандрель вытер руки о пояс, — то, что мы собираемся сделать, — необходимость.

— Duwelsheyss, а не необходимость!

— Отойди в сторону, Торкве!

Козерог потряс ушами, заблеял еще громче, вытаращил глаза и согнул локоть популярным у краснолюдов оскорбительным жестом.

— Никого вы тут убивать не станете! Садитесь на коней и выбирайтесь в горы, за перевалы! В противном случае вам придется убить и меня!

— Ну рассуди, — медленно проговорил беловолосый эльф. — Если мы оставим их в живых, люди узнают о тебе, о том, что ты делаешь. Они поймают тебя и замучают. Ты их знаешь.

— Знаю, — буркнул дьявол, все еще заслоняя собою Геральта и Лютика. — Получается, что мне они известны лучше, чем вам! И не знаю, честное слово, кого следует держаться. Жалею, что сошелся с вами, Филавандрель!

— Ты сам этого хотел, — холодно сказал эльф, подавая знак лучникам. — Ты сам хотел, Торкве.

Эльфы вытянули стрелы из колчанов.

— Отойди, Торкве, — сказал Геральт, стискивая зубы. — Это бессмысленно. Отойди в сторону.

Дьявол, не двигаясь, показал ему краснолюдский же жест.

— Я слышу музыку... — неожиданно заплакал Лютик.

— Это бывает, — сказал ведьмак, глядя на кончечники стрел. — Не бери в голову. Не стыдно поглупеть от страха.

Лицо Филавандреля изменилось, собралось в странную гримасу. Беловолосый сеидхе резко повернулся, что-то крикнул лучникам, кратко, отрывисто. Те опустили оружие.

На поляну вышла Лилле.

Это уже не была тощая деревенская девчонка в грубой холщовой рубахе. По покрывающей поляну траве шла — нет, не шла — плыла к ним Королева, сияющая, золотоволосая, огненноглазая, захватывающая дух Королева Полей, украшенная гирляндами цветов, колосьев, трав. У ее левой ноги топтался на непослушных ножках олененок, у правой шелестел большой еж.

— Dana Meabdh, — почтительно произнес Филавандрель. Потом наклонил голову и опустился на одно колено.

Преклонили колени и остальные эльфы, медленно, как бы с нежеланием, один за другим, низко и почтительно склоняя головы. Последней, кто опустился на колени, была Торувьель.

— Hael, Dana Meabdh, — повторил Филавандрель.

Лилле не ответила. Она остановилась в нескольких шагах от эльфа, повела голубым взглядом по Лютику и Геральту. Торкве, хоть и он тоже согнулся в поклоне, тут же принялся развязывать узлы. Никто из сеидхе не пошевелился.

Лилле продолжала стоять перед Филавандрелем. Она не произнесла ни слова, не издала ни звука, но ведьмак видел, как меняются лица эльфов, ощутил обволакивающую их ауру и не сомневался, что между этой парой происходит обмен мыслями. Дьявол вдруг потянул его за рукав.

— Твой друг, — тихо проблеял он, — изволил упасть в обморок. Самое время. Что делать?

— Дай ему пару раз по щекам.

— С удовольствием.

Филавандрель поднялся с колен. По его приказу эльфы мгновенно кинулись седлать коней.

— Пойдем с нами, Дана Меабдх, — сказал беловолосый эльф. — Ты нам нужна. Не покидай нас, Извечная. Не лишай нас своей милости. Мы погибнем без нее.

Лилле медленно покачала головой, указала на восток, в сторону гор. Эльф поклонился, теребя в руках украшенные поводья своего белогривого коня.

Подошел Лютик, бледный и молчаливый, поддерживаемый дьяволом. Лилле взглянула на него, улыбнулась. Посмотрела в глаза ведьмаку, смотрела долго. Не произнесла ни слова. Слова были не нужны.

Большинство эльфов уже были в седлах, когда подошли Филавандрель и Торувьель. Геральт посмотрел в черные глаза эльфки, горевшие над бинтами.

— Торувьель... — начал он. И не закончил.

Эльфка кивнула, сняла с луки седла лютню, прекрасный инструмент из легкого, искусно инкрустированного дерева с изящным, резным грифом и молча вручила Лютику. Поэт принял инструмент, поклонился. Тоже молча, но его глаза говорили о многом.

— Прощай, странный человек, — тихо сказал Филавандрель Геральту. — Ты прав. Слова не нужны. Они ничего не изменяют.

Геральт молчал.

— После долгого раздумья, — добавил сеидхе, — я пришел к выводу, что ты был прав. Когда пожалел нас. Посему до свидания. До скорого свидания. В тот день, когда мы спустимся с гор в долину, чтобы умирать с достоинством. Тогда мы будем искать тебя, я и Торувьель. Не подведи нас.

Они долго молчали, глядя друг на друга. Потом ведьмак ответил коротко и просто:

— Я постараюсь.

7

— О боги, Геральт, — Лютик перестал перебирать струны, прижал лютню, коснулся ее щекой. — Это дерево поет само! Его струны живут! Какой изумительный звук. Черт побери, прости, Торкве, привычка, за такую лютенку несколько пинков и немного страха — очень низкая цена. Я позволил бы пинать себя с утра до вечера, если б знал, что получу. Геральт! Ты вообще-то меня слушаешь?

— Трудно вас не слышать. — Геральт поднял голову от книги, взглянул на дьявола, который все время заядло пищал на какой-то странной дудке, изготовленной из кусочков тростника различной длины. — Да слышу я вас, вся округа вас слышит.

— Duwelsheyss, а не округа. — Торкве отложил дудку. — Пустырь, и все тут. Дичь. Эх, жаль мне моей конопли.

— Конопли ему жаль! — засмеялся Лютик, осторожно подкручивая покрытые искусной резьбой колки лютни. — Надо было сидеть в куще, как мышь под метлой, а не пугать девок, уничтожать дамбы и поганить колодцы. Думаю, теперь ты будешь осторожнее и прекратишь свои фокусы, а, Торкве?

— Я люблю фокусы, — сообщил дьявол, ослабившись. — И жизни себе, в смысле себе, без них не представляю. Но так и быть, обещаю, что на новых землях буду осторожнее. Буду... откалывать более продуманные номера.

Ночь была облачная и ветреная, ветер валил тростник, шумел в кустах, в которых они разбили бивак. Лютик подкинул в костер хворосту, Торкве вертелся на подстилке, отмахиваясь хвостом от комаров. В озере плеснулась рыба.

— Нашу поездку на край света я опишу в балладе, — сообщил Лютик. — И тебя в ней тоже не забуду, Торкве.

— Не думай, что это тебе так легко сойдет с рук, — буркнул дьявол. — Я тогда тоже напишу балладу и не забуду тебя, да так не забуду, что ты двенадцать лет не сможешь появляться в приличном обществе. Тогда увидишь. Геральт?

— А?

— Ты вычитал что-то интересное в книге, которую обманом выудил у безграмотных кметов?

— Именно.

— Так прочти и нам, пока еще огонь не погас.

— Да, да, — зазвенел Лютик на лютне Торувьели. — Почитай, Геральт.

Ведьмак оперся на локоть, подвинул книгу поближе к огню.

— «Узреть ее можно, — начал он, — летней порой, с дней мая и древоточца по дни костров, но чаще всего это случается в праздник Серпа, который древние называли „Ламмас“. Является она в виде Девы Светловолосой, в цветах вся, и все живое устремляется за ней и льнет к ней, все равно, травы ли, зверь ли. Поэтому и имя у нее Живия. Древние зовут ее „Данамеби“ и особо почитают. Даже Бородачи, хоть они и внутри гор, не среди полей обретаются, уважают ее и именуют „Bloëmenmagde“.

— Данамеби, — буркнул Лютик. — Dana Meabdh, Дева Полей.

— «Куда Живия стопу поставит, там земля цветет и родит и буйно плодится зверье всякое, такая в ней сила. Люды всякие жертвы ей приносят из урожая, в надежде неустанной, что в их, а не в чужие края Живия наведается. Ибо говорят также, что осядет наконец Живия среди того люду, кой выше других вознесется, но все это так, пустые словеса. Потому правду мудрецы рекут, что Живия землю токмо любит и то, что растет на ней и живет, однако без разницы, травка ль то мельчайшая, либо червь самый тишайший, а люды всякие для нее значат не боле, чем наименьшая былинка, ибо и они уйдут когда-нибудь, а новые после них, иные придут племена. А Живия вечно есть, была и будет, всегда, по край времен».

— По край времен! — пропел трубадур и забренчал на лютне. Торкве присоединился высокой трелью на своей тростниковой пищалке. — Благодарю тебя, Дева Полей! За урожай, за цветы и Долю Блатанна и за шкуру нижеподписавшегося, в смысле — вышепропевшего, которую ты спасла от стрел. Знаете, что я вам скажу?

Он перестал играть, обнял лютню, словно ребенка, и посмурил.

— Пожалуй, не стану я упоминать в балладе ни эльфов, ни трудности, с которыми им приходится бороться. А то еще найдутся охотники до гор... Зачем ускорять...

Трубадур замолчал.

— Докончи, — горько сказал Торкве. — Ты хотел сказать: ускорять то, что неизбежно. Неизбежно.

— Не будем об этом, — прервал Геральт. — Зачем? Слова не нужны. Берите пример с Лилле.

— Она разговаривала с эльфом телепатически, — буркнул бард. — Я чувствовал. Правда, Геральт? Ты ведь воспринимаешь такую связь. Ты понял, о чем... Что она передавала эльфам?

— Кое-что.

— О чем она говорила?

— О надежде. О том, что все обновляется и не перестает обновляться.

— И всего-то?

— Этого было достаточно.

— Хм... Геральт? Лилле живет в деревне, среди людей. Не думаешь ли ты, что...

— Что так и останется среди них? Здесь, в Долине Блатанна? Возможно. Если...

— Если что?

— Если люди окажутся того достойны. Если край света останется краем света. Если мы будем уважать границу. Ну, довольно болтать, парни. Спать пора.

— Верно. Полночь близко, костер угасает. А я посижу еще, у меня всегда рифмы лучше подбираются у догорающего костра. А для моей баллады нужно название. Хорошее название.

— Может, «Край света»?

— Банально, — фыркнул поэт. — Даже если это действительно край, надобно его назвать иначе. Метафорически. Полагаю, ты знаешь, что такое метафора, Геральт? Хм... Надо подумать... «Там, где...» Черт, о прости, Торкве, привычка. «Там, где...»

— Спокойной ночи, — сказал дьявол.

Глас рассудка VI

Ведьмак расшнуровал рубаху, отлепил от шеи намокший лен. В гроте было очень тепло, даже жарко, в воздухе висел тяжелый, влажный пар, каплями оседавший на омшелых валунах и базальтовых плитах стен.

Кругом были растения. Они тянулись из выдолбленных в основании, заполненных торфом углублений, из огромных ящиков, корыт и горшков. Взбирались по стенам, деревянным решеткам и шестам. Геральт с любопытством осматривался, узнавал некоторые редкие экземпляры — те, что входили в состав ведьмачьих лекарств и эликсиров, магических фильтров и колдовских декоктов. И те, еще более редкие, о свойствах которых он мог лишь догадываться. Были здесь и такие, которых он вообще не знал и о которых даже не слышал. Стены грота покрывали пятна звездолистного донника, из гигантских горшков выпирали плотные шары пустоглава и побеги усыпанной кроваво-красными ягодами аренарии. Он узнавал мясистые, с толстыми прожилками листья скороцвета, бордово-желтые овалы безмера и темные стрелки пилорытки. Видел прильнувший к каменным глыбам перистый мох ставикрова, поблескивающие шишечки вороньего глаза и тигрино-полосчатые пластинки мышехвостого ятрышника.

В затененной части грота пузырились серые, словно полевой булыжник, шапки гриба

шибальца. Неподалеку рос пивоград — растение, способное нейтрализовать любой известный токсин или яд. Торчащие из заглубленных в грунт ящиков серо-желтые, невзрачные метелочки выдавали зарник — корень с сильными и универсальными лечебными свойствами.

Середину грота занимали водные растения. Здесь располагались кадки, полные роголистника и желтоватой ряски, бассейны, покрытые плотным ковром вглубки — пищи для паразитирующего куркума, стеклянные сосуды, забитые спутанными стеблями галлюциногенного двустрела, стройными темно-зелеными криптофигиями и клубками ниточников, грязевые, затененные корыта, питомники бесчисленных видов плесени, простейших болотных растений.

Нэннеке, закатав рукава жреческой одежды, достала из корзинки ножницы и костяные грабельки и молча принялась за работу. Геральт присел на скамеечку между столбиками света, падающего сквозь большие хрустальные плиты в потолке грота.

Жрица мурлыкала себе под нос, ловко погружала руки в гущу листьев и побегов, быстро щелкала ножницами, заполняя корзинку пучками растений. Попутно поправляла палочки и рамки, поддерживающие стебли, рыхлила землю ручкой грабелек. Иногда, раздраженно ворча, вырывала засохшие или подгнившие стебельки, кидала их в сборник гумуса для пищи грибам и каким-то незнакомым ведьмаку чешуйчатым и змееподобным растениям. Он даже не был уверен, что это вообще растения, ему казалось, что поблескивающие корни слабо шевелятся и тянутся к рукам жрицы волосатыми отростками.

Было тепло. Очень тепло.

— Геральт?

— Слушаю, — он поборол сонливость. Нэннеке, поигрывая ножницами, глядела на него из-за огромных перистых листьев муходрева.

— Повремени немного. Останься. На несколько дней.

— Не могу, Нэннеке. Мне пора.

— Что тебя так гонит? Наплюй на Эреварда. А этот бродяга, Лютик, пусть едет один.

Оставайся, Геральт.

— Нет, Нэннеке.

Жрица щелкнула ножницами.

— Уж не потому ли ты бежишь из храма, что боишься, как бы она тебя здесь не нашла?

— Да, — признался он тут же. — Угадала.

— Загадка не из трудных, — проворчала Нэннеке. — Успокойся, Йеннифэр уже была.

Два месяца тому. Так скоро не вернется. Мы повздорили. Нет, не из-за тебя, о тебе она даже не спрашивала.

— Не спрашивала?

— Вот где у тебя болит, — засмеялась жрица. — Ты эгоцентрист, как и всякий мужчина. Самое худшее для вас, когда вами не интересуются, верно? Хуже равнодушия. Не отчаивайся. Я достаточно хорошо знаю Йеннифэр. Она не спрашивала, но внимательно смотрела, пытаясь отыскать следы твоего присутствия. А на тебя была страшно зла, я это почувствовала.

— Из-за чего повздорили-то?

— Не все ли равно из-за чего?

— Можешь не говорить. Я и без того знаю.

— Сомневаюсь, — спокойно сказала Нэннеке, поправляя колышки. — Ты знаешь ее весьма поверхностно. Она тебя, по правде сказать, тоже. Довольно типично для уз, которые вас связывают или когда-то связывали. Обоих вас не хватает ни на что, кроме как на чересчур эмоциональную оценку последствий при одновременном игнорировании причин.

— Она была здесь, чтобы вылечиться, — сказал он холодно. — Из-за этого вы и поругались, признайся.

— Мне не в чем признаваться.

Ведьмак встал и застыл под одной из хрустальных плит в кровле грота.

— Подойди на минутку, Нэннеке. Взгляни на это.

Он развернул потайной кармашек в поясе, извлек маленький сверточек — миниатюрный мешочек из козьей кожи, высыпал содержимое на ладонь.

— Два бриллианта, рубин, три славных нефрита, привлекательный агат. — Нэннеке разбиралась во всем. — Сколько отдал?

— Две с половиной тысячи темерских орен. Плата за упырицу из Вызимы.

— За располосованную шею, — поморщилась жрица. — Ну что ж, вопрос цены. Но ты правильно поступил, обратив наличные в стекляшки. Орен держится слабо, а цены на камни в Вызиме невысоки, слишком близко от гномовых приисков в Махакаме. Продав камушки в Новиграде, получишь никак не меньше пятисот новиградских крон, а крона сейчас тянет на шесть с половиной орен и постоянно растет в цене.

— Я хочу, чтобы ты это взяла.

— На хранение?

— Нет. Нефриты — для храма, как, скажем, мое пожертвование богине Мелитэле. Остальные камни... для нее. Для Йеннифэр. Отдай, когда она навестит тебя, что, вероятно, случится вскоре.

Нэннеке взглянула ему прямо в глаза.

— На твоём месте я бы не стала этого делать. Поверь, ты её ещё сильнее разозлишь, если такое вообще возможно. Оставь всё как есть, ты уже ничего не можешь ни исправить, ни улучшить. Сбежав от неё, ты вел себя... ну, скажем, не вполне достойно для зрелого мужчины. Пытаясь загладить вину драгоценностями, ты себя ведешь как мужчина весьма, весьма перезрелый. Поверь, я не знаю, какой тип мужчины мне меньше по душе.

— Она слишком властолюбива, — проворчал Геральт, отвернувшись. — Я не мог этого вынести. Она относилась ко мне, как...

— Перестань, — оборвала Нэннеке. — Не распускай нюни. Я тебе не мамочка, сколько можно повторять? Твоей поверенной тоже не намерена быть. Мне безразлично, как она к тебе относилась. А твоё к ней отношение интересует меня ещё меньше. Посредничать или же вручать ей эти дурные камушки я не собираюсь. Если хочешь быть дураком — пожалуйста, но без меня.

— Ты не поняла. Я не собираюсь ублажать её или покупать. Просто я ей кое-что должен, а лечение, на которое она рассчитывает, стоит, кажется, очень дорого. Я хочу ей помочь, вот и всё.

— Ты, оказывается, ещё больший дурень, чем я думала. — Нэннеке подняла корзинку. — Дорогое лечение? Помощь? Геральт, для неё твои камушки — мелочь, не стоящая плевка. Знаешь ли ты, сколько Йеннифэр может получить за прерывание беременности у светской дамы?

— Это-то я как раз знаю. Как и то, что за лечение бесплодия она берет ещё больше. Жаль, себе не в силах помочь. Поэтому ищет помощи у других, в том числе и у тебя.

— Ей не поможет никто, это совершенно исключено. Она волшебница. Как у большинства магичек, у неё атрофированные, совершенно непродуцирующие гонады, и это необратимо. У неё никогда не будет ребенка.

— Не все чародейки в этом смысле ущербны. Я кое-что знаю об этом. Ты — тоже.

— Верно. — Нэннеке прищурилась. — Знаю.

— Не может быть правилом то, из чего есть исключения. И, пожалуйста, не надо говорить, что, мол, исключения подтверждают правила. Лучше расскажи об исключениях из таковых.

— Об исключениях, — холодно ответила богослужительница, — можно сказать только одно: они есть. Ничего больше. А Йеннифэр... Ну что ж, к сожалению, она в число исключений не входит. Во всяком случае, в том роде дефектности, о котором мы говорим. Потому что во всем остальном трудно найти исключение большее, нежели она.

— Чародеям, — Геральт не обиделся ни на холод, ни на намеки, — удавалось воскрешать мертвых. Мне известны документально подтвержденные случаи. А воскрешать

мертвых, сдается, потруднее, чем ликвидировать атрофию желез или органов.

— Скверно тебе сдается. Я не знаю ни одного задокументированного удачного случая лечения атрофии либо регенерации желез внутренней секреции. Геральт, хватит, наша беседа начинает походиться на консилиум. Ты в этом не разбираешься, а я разбираюсь. И если говорю, что Йеннифэр заплатила за приобретение определенных способностей утратой других, значит, так оно и есть.

— Если это настолько очевидно, то не понимаю, почему она все пытается...

— Ты вообще страшно мало понимаешь, — прервала жрица. — Страшно мало. Перестань беспокоиться о недугах Йеннифэр, подумай о своих. Твой организм тоже подвергли необратимым изменениям. Тебя удивляет она, а что скажешь о себе самом? Ведь тебе должно быть ясно, что ты никогда не будешь человеком, а меж тем ты только то и делаешь, что пытаешься быть им. И совершаешь человеческие ошибки. Ошибки, которые ведьмак совершать не должен.

Геральт прислонился к стене грота, отер пот со лба.

— Не отвечаешь, — заметила Нэннеке, улыбнувшись. — Неудивительно. Трудно спорить с гласом рассудка. Ты болен, Геральт. Ты неполноценен. Плохо реагируешь на эликсиры. У тебя ускоренный пульс, замедленная аккомодация глаз, запаздывающие реакции. У тебя не получаются самые простые Знаки. И ты намерен выйти на большак? Тебе надо лечиться. Необходима терапия. Но прежде — транс.

— Так вот зачем ты прислала ко мне Иолю? Ради терапии? Для облегчения транса?

— Глуп ты, как я погляжу!

— Не настолько.

Нэннеке отвернулась, засунула руку между мясистыми побегами незнакомых ведьмаку вьющихся растений.

— Ну ладно. Да, я прислала ее к тебе. Ради терапии, как ты изволил выразиться. И скажу тебе, это получилось. Утром ты реагировал гораздо лучше. Был спокойнее. Кроме того, Иоля тоже нуждается в терапии. Не злись.

— Я не злюсь ни на... терапию, ни на Иолю.

— А на глас рассудка, который слышишь?

Геральт не ответил.

— Транс необходим, — повторила Нэннеке, окидывая взглядом свой пещерный сад. — Иоля готова. Она установила с тобой физический и психический контакт. Если хочешь уехать, мы сделаем это сегодня ночью.

— Не хочу. Пойми, Нэннеке, в трансе Иоля может начать вещать. Пророчествовать, читать будущее.

— Именно это и имеется в виду.

— Вот-вот. А я не хочу знать будущего. Как я стану после этого делать то, что делаю? Впрочем, я знаю его и без того.

— Ты уверен?

Он промолчал.

— Ну хорошо, — вздохнула богослужительница. — Пошли. Да, Геральт, не хочется быть бестактной, но скажи мне... Скажи, как вы познакомились? Ты и Йеннифэр? Как это началось?

Ведьмак улыбнулся.

— Началось с того, что нам с Лютиком нечего было есть, и мы решили наловить рыбы.

— Надо понимать, вместо рыбы ты поймал Йеннифэр?

— Не совсем так. Я расскажу, как было. Но, если не возражаешь, после ужина — я немного проголодался.

— Тогда пошли. Я взяла все, что требовалось.

Ведьмак направился к выходу, еще раз повел глазами по пещерной теплице.

— Нэннеке?

— А?

- Половина того, что здесь растет, не встречается нигде в мире. Я не ошибаюсь?
- Не ошибаешься. Больше половины.
- В чем причина?
- Если я скажу, что причиной тому милость богини Мелитэле, тебе, вероятно, этого будет недостаточно?
- Скорее всего, да.
- Так я и думала. — Нэннеке улыбнулась. — Видишь ли, Геральт, наше яркое солнце все еще светит. Но уже не так, как раньше. Хочешь, почитай книжки. А ежели не хочешь тратить на это времени, то, может, тебя удовлетворит, если я скажу, что хрусталь, из которого сделаны окна в кровле, действует как фильтр. Он отсеивает убийственные лучи, которых в солнечном свете все больше. Поэтому здесь живут растения, которых в естественных условиях нигде в мире не встретить.
- Понял, — кивнул ведьмак. — А мы, Нэннеке? Как с нами? Ведь и на нас светит то же солнце. Не следует ли и нам попрыгаться под такие стекла?
- В принципе следует, — вздохнула жрица. — Но...
- Что «но»?
- Но уже поздно.

Последнее желание

1

Сом выставил усастую голову, сильно рванул, забился, взбурлил воду, сверкнул белым брюхом.

— Осторожнее, Лютик! — крикнул ведьмак, упираясь каблуками в мокрый песок. — Держи, черт...

— Держу... — прокряхтел поэт. — Мать моя, ну чудовище! Не рыба — левиафан! Жратвы будет, боги!

— Трави, трави, а то бечева порвется!

Сом прильнул ко дну, рывком кинулся вниз по течению, в сторону излучины. Бечева зазвенела, перчатки Лютика и Геральта задымились.

— Тяни, Геральт, тяни! Не отпускай, запутается в корнях!

— Бечева лопнет!

— Не лопнет! Тащи!

Они напряглись, потянули. Бечева со свистом рассекала воду, вибрировала, разбрасывала капли, блестящие, словно ртуть, в лучах восходящего солнца. Сом вдруг вынырнул, закружил под самой поверхностью воды, напряжение бечева ослабло. Они принялись быстро выбирать слабинку.

— Завялим, — засопел Лютик. — Отвезем в деревню и велим завялить. А головизна пойдет на уху!

— Осторожнее!

Чувствуя под брюхом мелководье, сом вывалился из воды до половины двухсаженного тела, дернул головой, хлестнул плоским хвостом, резко ринулся в глубину. Перчатки снова задымили.

— Тяни! Тяни! На берег его, рыблю душу!!!

— Бечева трещит! Трави, Лютик!

— Выдержит! Не бойсь! А из головы... уху сварим...

Снова подтянутый ближе к берегу сом взвертелся и принялся яростно рвать бечеву, словно давая понять, что так легко не даст засунуть себя в горшок. Брызги взвились на сажень вверх.

— Шкуру продадим... — Лютик, упираясь и покраснев от натуги, тянул бечеву обеими

руками. — А усы... Из усов сделаем...

Никто никогда не узнает, что собирался поэт сделать из сомовьих усов. Бечевка с треском лопнула, и рыбаки, потеряв равновесие, повалились на мокрый песок.

— А, чтоб тебя! — рявкнул Лютик так, что эхо пошло по камышам. — Сколько жратвы пропало! Чтоб ты сдох, рыбий хвост!

— Говорил я, — Геральт отряхнул брюки, — говорил, не тяни силой! Испортил ты все, друг мой Лютик. Рыбак из тебя, как из козьей задницы труба.

— Неправда, — обиделся трубадур. — То, что это чудовище вообще заглотало наживку, моя заслуга.

— Интересно. Ты и пальцем не пошевелил, чтобы помочь закинуть крюк. Бренькал на лютне и драл глотку на всю округу, ничего больше.

— Ошибаешься, — ухмыльнулся Лютик. — Когда ты уснул, я снял с крючка живца и нацепил дохлую ворону, которую нашел в кустах. Хотел утром посмотреть на тебя, когда ты эту ворону вытянешь. А сом купился на ворону. На твоего живца хрен бы что клюнуло.

— Клюнуло-клюнуло. — Ведьмак сплюнул в воду и принялся наматывать бечеву на деревянную крестовину. — А порвалось, потому что ты тянул по-дурному. Чем болтать, сверни лучше остальные лесы. Солнце взошло, пора в дорогу. Я пошел собираться.

— Геральт!

— Что?

— На второй лесе тоже что-то есть... Нет, тьфу ты, просто что-то зацепилось. Ты смотри, держит словно камень, не справиться! Ну... пошло. Ха, ха, глянь! Не иначе барка времен короля Дезмода! А большая, едри ее... Глянь, Геральт!

Лютик, конечно, преувеличивал. Вытянутый из воды клубок прогнивших веревок, остатков сетей и водорослей был большой, но до барки времен легендарного короля ему было далеко. Бард распластал добычу на песке и начал копать в ней мыском ботинка. В водорослях кишмя кишели пиявки, бокоплавывы и маленькие рачки.

— Эй! Глянь, что я нашел!

Геральт, заинтересовавшись, подошел. находка оказалась щербатым глиняным кувшином, чем-то вроде двуручной амфоры, запутавшейся в сети, черной от сгнивших водорослей, колоний ручейников и улиток, покрытой вонючим илом.

— Ха! — гордо воскликнул Лютик. — Знаешь, что это?

— А как же! Старый горшок.

— Ошибаешься, — возвестил трубадур, щепкой соскребая с сосуда раковины и окаменевшую глину. — Это не что иное, как волшебный кувшин. Внутри сидит джинн, который исполнит три моих желания.

Ведьмак хохотнул.

— Смейся-смейся. — Лютик покончил с очисткой, наклонился и постучал по амфоре. — Слушай-ка, на пробке печать, а на печати волшебный знак.

— Какой? Покажи.

— Ишь ты! — Поэт спрятал кувшин за спину. — Еще чего. Я его нашел, и мне полагаются все желания.

— Не трогай печать! Оставь кувшин в покое!

— Пусти, говорю! Это мой!

— Лютик, осторожнее!

— Как же!

— Не трогай! О дьявольщина!

Из кувшина, который во время возни упал на песок, вырвался светящийся красный дым.

Ведьмак отскочил и кинулся за мечом. Лютик, скрестив руки на груди, даже не шевельнулся.

Дым запульсировал и на уровне головы поэта собрался в неправильной формы шар. Потом превратился в карикатурную безносую голову с огромными глазищами и чем-то

вроде клюва. В голове было около сажени диаметра.

— Джинн, — проговорил Лютик, топнув ногой, — я тебя освободил, и отныне я — твой повелитель. Мои желания...

Голова защелкала клювом, который был вовсе не клювом, а чем-то вроде обвислых, деформированных и меняющих форму губ.

— Беги, — крикнул ведьмак. — Беги, Лютик!

— У меня, — продолжал Лютик, — следующие желания. Во-первых, пусть как можно скорее удар хватит Вальдо Маркса, трубадура из Цидариса. Во-вторых, в Каэльфе проживает графская дочка Виргиния, которая никому не желает давать. Пусть мне даст. В-третьих...

Каково было третье желание Лютика, никому узнать не дано. Чудовищная голова выкинула две ужасающие лапы и схватила барда за горло. Лютик захрипел.

Геральт в три прыжка подскочил к голове, взмахнул серебряным мечом и рубанул от уха, через середину. Воздух завыл, голова пыхнула дымом и резко выросла, удваиваясь в размерах. Жуткая пасть, тоже значительно увеличившаяся, раскрылась, защелкала и взвизгнула, лапы дернули вырывающегося Лютика и прижали его к земле.

Ведьмак сложил пальцы Знаком Аард и послал в голову максимальную энергию, какую только ему удалось сконцентрировать. Энергия, превратившись в охватившем голову свечении в ослепительный луч, ударила в цель. Громыкнуло так, что у Геральта зазвенело в ушах, а от взрывной волны аж зашумели ивы. Чудовище оглушительно зарычало, еще больше раздулось, но отпустило поэта, взметнулось вверх, закружилось и отлетело к поверхности воды, размахивая лапами.

Ведьмак кинулся оттаскивать неподвижно лежащего Лютика, и тут его пальцы наткнулись на засыпанный песком круглый предмет. Это была латунная печать, украшенная знаком изломанного креста и девятиконечной звезды.

Висящая над рекой голова уже вымахала до размеров стога сена, а ее раскрытая орущая пасть напоминала ворота овина средних размеров. Вытянув лапы, чудовище напало.

Геральт, не зная, что делать, зажал печать в кулаке и, выставив руку в сторону нападающего, выкрикнул формулу экзорцизма, которой некогда его научила одна знакомая богослужительница. Никогда раньше он этой формулой не пользовался, поскольку в суеверия принципиально не верил. Эффект превзошел все ожидания.

Печать зашипела и раскалилась, обжигая ладонь. Гигантская голова замерла в воздухе над водой. Повисев так минуту-другую, она взвыла, зарычала и превратилась в пульсирующий клуб дыма, в огромную клубящуюся тучу. Туча тонко взвизгнула и с невероятной скоростью помчалась вверх по течению реки, оставляя на поверхности воды бурлящую полосу. Через несколько секунд исчезла вдаль, только вода еще какое-то время приносила понемногу утихающий вой.

Ведьмак наклонился к поэту, стоящему на коленях на песке.

— Лютик? Ты жив, Лютик? Черт тебя побери! Что с тобой?

Поэт замотал головой, замахал руками и раскрыл рот для крика. Геральт поморщился и прикрыл глаза — у Лютика был хорошо поставленный, звучный тенор, а при сильном испуге он мог достигать невероятных высот. Но то, что вырвалось из горла барда, было едва слышным скрипом.

— Лютик! Что с тобой? Ну не молчи же!

— Х-х-х... е-е-е... кх... кх-х-уррва!

— Тебе больно? Что с тобой, Лютик?

— Х-х-х... к-к-ку-куррррва...

— Замолчи. Если все в порядке, кивни.

Лютик сморщился, с превеликим трудом кивнул, перевернулся на бок, скорчился, и его тут же вырвало кровью.

Геральт выругался.

— Боги милостивые! — Стражник попятился и опустил фонарь. — Что с ним?

— Пропусти нас, добрый человек, — тихо сказал ведьмак, поддерживая скорчившегося в седле Лютика. — Ты же видишь, мы спешим.

— Вижу, — сглотнул стражник, глядя на бледное лицо поэта и его заляпанный черной запекшейся кровью подбородок. — Ранен? Это скверно выглядит.

— Я спешу, — повторил Геральт. — Мы в пути с рассвета. Пропустите нас, пожалуйста.

— Не можем, — сказал другой стражник. — Через ворота можно входить только от восхода до заката. Ночью не можно. Приказ. Не можно никому, разве что со знаком короля аль ипата. Ну и еще, если гербовый вельможа.

Лютик захрипел, скорчился еще больше, оперся лбом о гриву коня, затрясся, дернулся в сухом позыве. По шее лошади, изукрашенной засохшими «извержениями», потекла очередная струйка.

— Люди, — сказал Геральт как можно спокойнее, — вы же видите, ему плохо. Мне нужен кто-нибудь, кто его вылечит. Пропустите нас, прошу.

— Не просите. — Стражник оперся на алебарду. — Приказ есть приказ. Пропущу, а меня поставят к позорному столбу и выгонят со службы. Чем я тогда буду детей кормить? Нет, милостивые государи, не могу. Стащите друга с коня и отведите в сторожевую башню перед крепостной стеной. Там есть комната. Мы его перевяжем, до рассвета протянет, ежели на роду написано. Ждать осталось недолго.

— Тут перевязать мало, — скрипнул зубами ведьмак. — Нужен знахарь, жрец, способный медик...

— Такого ночью все равно не добудитесь, — сказал второй стражник. — Все, что мы можем сделать, это не заставлять вас перед воротами до рассвета торчать. В доме тепло и найдется, куда положить раненого, легче ему будет, чем в седле. Давайте поможем стащить с коня.

В комнате сторожевой башни действительно было тепло, душно и уютно. Огонь весело потрескивал в камине, за которым истово пел сверчок.

За тяжелым квадратным столом, заставленным кувшинами и блюдами, сидели трое.

— Простите, уважаемые, — сказал поддерживавший Лютика стражник, — ежели помешали... Чай, не будете супротив... Этот рыцарь, хм... Ну и второй, ранен, ну, я подумал...

— Правильно подумал. — Один из мужчин повернул к ним худощавое, угловатое лицо, встал. — Давайте кладите его на лежанку.

Мужчина был эльфом. Как и второй, сидевший за столом, на что указывала их одежда, являвшая собой характерную смесь человеческой и эльфьей моды. Оба были эльфами. Оседлыми. Прижившимися. Третий мужчина, на вид постарше, был человеком. Рыцарем, о чем говорила его одежда и седоватые волосы, постриженные так, чтобы можно было надеть шлем.

— Я Хиреадан, — представился более высокий из эльфов, тот, что с выразительным лицом. Как обычно с представителями Старшего Народа, его возраст определить было невозможно. Ему с равным успехом можно было дать и двадцать и сто двадцать лет. — А это мой родственник, Эррдиль. А вон тот вельможа — Вратимир.

— Вельможа, — с надеждой буркнул Геральт, но внимательный взгляд на герб, вышитый на тунике, развеял его надежды: разделенный на четыре части щит с золотыми лилиями был наискось пересечен серебряной полосой. Вратимир был не только незаконнорожденным, но более того — ребенком от смешанной человеческо-нелюдской связи. И как таковой, хоть и гербовый, не мог считаться полноправным вельможей и явно не пользовался привилегией прохода в город после наступления сумерек.

— Увы, — от внимания эльфа не ускользнул взгляд ведьмака, — и мы тоже вынуждены ждать рассвета. Закон не знает исключений, во всяком случае, для таких, как мы.

Присоединяйтесь, милсдарь рыцарь.

— Геральт из Ривии, — представился ведьмак. — Я ведьмак, не рыцарь.

— Что с ним? — Хиреадан указал на Лютика, которого тем временем стражники уложили на топчан. — Похоже на отравление. Если так, могу помочь. У меня есть хорошее лекарство.

Геральт сел, потом кратко и осмотрительно изложил события у реки. Эльфы переглянулись. Седовласый рыцарь сплюнул сквозь зубы и поморщился.

— Невероятно, — сказал Хиреадан. — Что бы это могло быть?

— Джинн из бутылки, — буркнул Вратимир. — Прямо как в сказке...

— Не совсем. — Геральт показал на скорчившегося на топчане Лютика. — Не знаю ни одной сказки, которая бы кончалась так.

— У бедняги повреждения явно магического характера, — сказал Хиреадан. — Боюсь, мои медикаменты вряд ли пригодятся. Но облегчить страдания могут. Ты уже давал ему какие-нибудь лекарства, Геральт?

— Противоболевой эликсир.

— Пойдем, поможешь. Поддержи ему голову.

Лютик жадно выпил смешанное с вином лекарство, поперхнулся последним глотком, раскашлялся и оплевал подушку.

— Я его знаю, — сказал второй из эльфов, Эррдиль. — Это Лютик, трубадур и поэт. Когда-то я слушал его при дворе короля Этайна в Цидарисе.

— Трубадур, — повторил Хиреадан, глядя на Геральта. — Паршиво, очень. У него повреждены мышцы шеи и гортань. Начинаются изменения в голосовых связках. Необходимо как можно скорее прекратить действие чар, иначе... Это может быть необратимо.

— То есть... Он что, не сможет говорить?

— Говорить сможет. Но петь — нет.

Геральт, не произнеся ни слова, сел на стул, опустил голову на стиснутые кулаки.

— Колдун нужен, — сказал Вратимир. — Лекарство или лечебное заклинание. Ты должен отвезти его в какой-нибудь другой город, ведьмак.

— Это почему же? — поднял Геральт голову. — А здесь, в Ринде? Нет, что ли, колдуна?

— Во всей Ринде плохо с магами, — сказал рыцарь. — Верно, господа эльфы? После того как король Эриберт наложил разбойничий налог на чары, магии бойкотируют столицу и города, которые рьяно выполняют всякие королевские распоряжения. А советники в Ринде, я слышал, славятся своим усердием. Верно? Хиреадан, Эррдиль, я прав?

— Прав, — подтвердил Эррдиль. — Но... Хиреадан, можно?

— Даже нужно, — сказал Хиреадан, глядя на ведьмака. — Незачем делать тайну из того, что и так вся Ринда знает. В городе, Геральт, временно обитает одна чародейка.

— Вероятно, инкогнито?

— Не совсем, — усмехнулся эльф. — Особа, о которой я говорю, большая оригиналка. Пренебрегает и бойкотом, который совет чародеев объявил Ринде, и распоряжением городских советников, и чувствует себя прекрасно, ибо в результате здесь возник крупный спрос на магические услуги. Конечно, чародейка никаких налогов в казну не платит.

— Городской совет терпит?

— Волшебница живет в доме крупного купца, торгового фактора из Новиграда, и одновременно титулярного советника. Никто не смеет ее там тронуть. Она пользуется правом убежища.

— Скорее домашний арест, чем убежище, — поправил Эррдиль. — Практически она там в заключении. Но на недостаток клиентов не сетует. Богатых клиентов. На советников демонстративно чихает, устраивает балы и пирушки...

— А советники злятся, подзуживают против нее кого только могут, всеми способами подрывают ее репутацию, — добавил Хиреадан. — Распускают о ней отвратительные слухи,

надеясь, что высший богослужитель из Новиграда запретит купцу предоставлять ей убежище.

— Не люблю лезть в такие дела, — буркнул Геральт. — Но выбора у меня нет. Как кличут того купца-посланника?

— Бо Берран, — ведьмаку показалось, что Хиреадан поморщился, произнося имя фактора. — Что ж, действительно, это твой единственный шанс. Вернее, единственный шанс того бедняги, твоего дружка. Но захочет ли чародейка помочь... Не знаю.

— Будь внимателен, когда пойдешь, — сказал Эррдиль. — Шпики ипата наблюдают за домом. Если задержат, сам знаешь, что делать. Деньги открывают любые двери.

— Пойду, как только откроют ворота. Как зовут волшебницу?

Геральту почудилось, что на выразительном лице Хиреадана заиграл легкий румянец. Но это мог быть и отблеск огня из камина.

— Йеннифэр из Венгерберга.

3

— Хозяин спит, — повторил привратник, глядя на Геральта сверху. Он был на голову выше и почти в два раза шире в плечах. — Ты что, оглох, бродяга? Спит хозяин, говорю.

— Ну и пусть его спит, — согласился ведьмак. — У меня дело не к твоему хозяину, а к даме, которая у вас... квартирует.

— Дело, значит. — Привратник, оказывается, был человеком скорым на шутки, что при такой фигуре и внешности было удивительно. — Ну так иди в бордель и удовлетворишься. Пшел вон!

Геральт отстегнул от пояса мешочек и подкинул его в руке, не выпуская ремешка.

— Меня не купишь, — гордо произнес цербер.

— А я и не собираюсь.

Привратник был слишком громоздок, чтобы обладать рефлексом, позволяющим уклониться или закрыться от быстрого удара обычного человека. А от удара ведьмака он не успел даже зажмуриться. Тяжелый мешок с металлическим звоном саданул его в висок. Он рухнул на дверь, обеими руками хватаясь за створку. Геральт оторвал его ударом в колено, толкнул плечом и хватил мешочком еще раз. Глаза у привратника помутнели и разбежались в комичном косоглазии, ноги сложились, как два складных ножика. Ведьмак, видя, что дылда хоть уже почти потерял сознание, но все еще пытается размахивать руками, приложил ему с размаха в третий раз, прямо по темечку.

— Деньги, — буркнул он при этом, — открывают любые двери.

В сенях было темновато. Из-за двери слева доносился громкий храп. Ведьмак осторожно заглянул туда. На разобранной лежанке спала, выводя носом затейливые рулады, толстая женщина в ночной рубашке, задранной выше бедер. Картина не из самых изысканных. Геральт затянул привратника в комнату и запер снаружи дверь на засов.

Справа располагалась следующая дверь, полуоткрытая, а за ней каменные ступени, ведущие вниз. Ведьмак уже собирался было пройти мимо, когда снизу долетело невнятное ругательство, грохот и сухой треск бьющегося сосуда.

Помещение оказалось большой кухней, заполненной сильно пахнущими травами и смолистыми дровами. На каменном полу, меж черепков глиняного кувшина, низко наклонив голову, ползал на коленях совершенно нагой мужчина.

— Яблочный сок, мать твою, — произнес он так, что трудно было разобрать, крутя при этом головой, как баран, который по ошибке боднул крепостную стену. — Сок... яблочный... желает... Где слуги?

— Чего желаете? — вежливо спросил ведьмак.

Мужчина поднял голову и икнул. Глаза у него были тупые и красные.

— Она желает яблочного сока, — сообщил он и, с трудом приподнявшись, уселся на прикрытый овчиной сундук, опершись о печь. — Надо... отнести ей наверх, а то...

— Я имею удовольствие разговаривать с купцом Бо Берраном, фактором и посланником?

— Тише, — болезненно поморщился мужчина. — Не верещи. Слушай, там, в бочонке... сок... яблочный. Налей во что-нибудь... и помоги мне подняться по лестнице, лады?

Геральт пожал плечами, потом сочувственно покачал головой. Сам он по возможности избегал алкогольных приключений, но состояние, в котором пребывал купец, не было ему совсем уж чуждо. Он отыскал среди сосудов кувшин и оловянный кубок, зачерпнул из бочонка сока. Услышал храп и повернулся. Голый мужчина спал, свесив голову на грудь.

У ведьмака появилась дурная мысль облить его соком и разбудить, но он тут же раздумал. Взял кувшин и вышел из кухни. Коридор оканчивался тяжелыми, инкрустированными дверями. Он осторожно вошел, раскрыв их ровно настолько, чтобы можно было проскользнуть в комнату. Было темно, пришлось расширить зрачки. И тут же скривить нос.

В воздухе висел тяжелый запах прокисшего вина, свечей и перезрелых плодов. И чего-то наподобие смеси аромата сирени с крыжовником.

Он осмотрелся. На столе посреди комнаты громоздились кувшины, графины, кубки, бокалы, серебряные блюда и вазы, тарелки, вилки и ножи с ручками из слоновой кости. Помятая, сползшая набок скатерть, твердая от воска, стекавшего с подсвечников, была залита вином, пестрела фиолетовыми пятнами. Апельсиновая кожура блестела словно цветы среди косточек слив и абрикосов, хвостиков от груш и обобранных от ягод виноградных кистей. Один кубок был перевернут и разбит. Другой цел, наполовину полон, и из него торчала индюшачья кость. Рядом с кубком стояла черная туфелька на высоком каблуке. Туфелька была сделана из кожи василиска. Дороже материала для обуви на свете не существовало.

Вторая туфелька валялась под столом на небрежно брошенном черном платье с белыми оборками и шитьем на тему растительных мотивов.

Геральт постоял минуту, нерешительно, борясь с чувством неловкости, желанием развернуться и уйти. Но это означало бы, что цербер в сенях получил свое напрасно. Ведьмак не любил делать что-либо напрасно. В углу комнаты он заметил винтовую лестницу, на ступеньках которой лежали четыре увядшие розы и салфетка, испачканная вином и карминовой губной помадой. Запах сирени и крыжовника усиливался.

Лестница вела в спальню, пол которой покрывала большая косматая шкура. На шкуре валялась белая рубашка с кружевными манжетами и несколько белых роз. И черный чулок.

Второй чулок свисал с одного из четырех резных столбиков, поддерживавших балдахин над ложем. Рельефы на столбиках изображали фавнов и нимф в разных позах. Некоторые позиции были весьма любопытными. Другие — идиотски смешными. Многие повторялись. В принципе.

Геральт громко кашлянул, глядя на обилие черных локонов, выбивающихся из-под даматового одеяла. Одеяло пошевелилось и застонало. Геральт кашлянул громче.

— Бо? — невнятно спросило обилие черных локонов. — Принес сок?

— Принес.

Из-под черных локонов возникло бледное треугольное лицо, фиалковые глаза и узкие, слегка кривившиеся губы.

— О-о-ох... — губы скривились еще сильнее. — О-о-ох... Умру от жажды...

— Прошу.

Женщина села, выбравшись из-под одеяла. У нее были ладные плечи и красивая шея, на шее — черная бархотка со звездообразным, искрящимся бриллиантами украшением. Кроме бархотки, на женщине не было ничего.

— Благодарю. — Она взяла кубок, жадно выпила, потом подняла руку и дотронулась до виска. Одеяло сдвинулось еще больше. Геральт отвел глаза. Тактично, но без особого желания.

— Кто ты, собственно говоря, такой? — спросила черноволосая женщина, щуря глаза и прикрываясь одеялом. — Что тут делаешь? Где этот баран Берран?

— На который вопрос следует отвечать в первую очередь?

Он тут же пожалел об иронии. Женщина подняла руку, из пальцев выстрелила золотая лента. Геральт рефлекторно отреагировал, сложив ладони Знаком Гелиотропа, выхватил чары уже перед самым лицом, но разряд оказался настолько сильным, что его отбросило назад, на стену. Он сполз на пол.

— Не надо! — крикнул он, видя, что женщина поднимает руку снова. — Госпожа Йеннифэр! Я пришел с миром, без злых намерений!

От лестницы послышался топот, в дверях возникли фигуры слуг.

— Госпожа Йеннифэр!

— Уйдите, — спокойно бросила волшебница. — Вы больше не нужны. Я плачу вам за то, чтобы вы охраняли дом. Но если этот тип все же сумел войти, я займусь им сама. Передайте это господину Беррану. А для меня подготовьте баню.

Ведьмак с трудом выпрямился. Йеннифэр, прищурившись, молча глядела на него.

— Ты отбил мое заклинание, — сказала она наконец. — Ты не волшебник, это видно. Но отреагировал невероятно быстро. Говори, кто ты, незнакомец. И советую, говори быстро.

Йеннифэр перевесилась с кровати, ухватив вырезанного на столбике фавна за неплохо для этой цели приспособленную анатомическую деталь. Не спуская глаз с Геральта, подняла с пола халат с меховым воротником. Плотнo обернувшись, встала. Не спеша налила себе еще сока, выпила одним духом, откашлялась, подошла. Геральт незаметно массирует крестец, который минуту назад довольно болезненно соприкоснулся со стеной.

— Геральт из Ривии, — повторила чародейка, глядя на него из-под черных ресниц. — Как ты сюда попал? И зачем? Надеюсь, ничего плохого Беррану не сделал?

— Не сделал. Госпожа Йеннифэр, мне нужна твоя помощь.

— Ведьмак, — проворчала она, подходя ближе и плотнее закутываясь в халат. — Мало того, что ты вообще первый ведьмак, какого я вижу в натуре, так к тому же еще и знаменитый Белый Волк. Наслышана, а как же.

— Представляю себе.

— Не знаю, что ты себе представляешь, — зевнула она и придвинулась совсем близко. — Ты позволишь? — Она коснулась рукой его щеки, заглянула в глаза. Он стиснул зубы. — Зрачки автоматически приспособляются к освещению или ты сужаешь их по желанию?

— Йеннифэр, — спокойно сказал Геральт, — я ехал в Ринду целый день, не останавливаясь. Я ждал всю ночь, пока раскроют ворота. Я дал по черепу привратнику, который не хотел меня впускать. Невежливо и нахально нарушил твой сон и покой. И все потому, что моему другу нужна помощь, которую в силах оказать только ты. Окажи ее, прошу, а потом, если пожелаешь, мы поболтаем о мутациях и аберрациях.

Она отступила на шаг, некрасиво скривила губы.

— О какого рода помощи идет речь?

— О восстановлении магически пораженных органов. Горла, гортани и голосовых связок. Поражение такое, словно его вызвал пурпурный туман. Либо что-то похожее.

— Похожее, — повторила она. — Короче говоря, не пурпурный магический туман поразил твоего друга. Так что это было? Ну говори, когда меня будят на рассвете, у меня нет сил и желания зондировать твой мозг.

— Хм... Лучше будет, если я все начну сначала...

— О нет, — прервала она — Если все так уж сложно, то немного повремени. Во рту противно, волосы взлохмачены, глаза слипаются, да и другие утренние заботы сильно ограничивают мои способности воспринимать сказанное. Спустись в баню и подожди. Я сейчас там буду, и ты мне все расскажешь.

— Йеннифэр, я не хотел бы показаться нахалом, но время уходит. Мой друг...

— Геральт, — прервала она, — ради тебя я вылезла из постели, хоть и не собиралась

делать этого до обеда. Я готова отказаться от завтрака. Знаешь почему? Потому что ты принес мне яблочный сок. Ты спешил, ты страдал из-за мучений друга, ты ворвался сюда силой, колотя людей по черепам, и, несмотря на это, уделил внимание жаждущей женщине. Тем самым ты расположил меня к себе, и, возможно, я тебе помогу. Но от воды и мыла не откажусь. Иди в баню. Прошу.

— Хорошо.

— Геральт?

— Да? — Он задержался на пороге.

— Воспользуйся оказией и искупайся тоже. По запаху я могу определить не только породу и возраст, но и масть твоего коня.

4

Она вошла в тот момент, когда Геральт, сидя нагишом на маленькой табуретке, ополаскивался из ушата. Он кашлянул и скромно отвернулся.

— Не стесняйся, — сказала она, кидая охапку одежды на вешалку. — Я не теряю сознания при виде голого мужчины. Трисс Меригольд, моя подруга, говаривает, что если ты видела одного, значит, видела всех.

Он встал, обернувшись полотенцем вокруг бедер.

— Прелестный рубец, — улыбнулась Йеннифэр, увидев его грудь. — Что это было? Попал под пилу на лесопилке?

Он не ответил. Чародейка продолжала его разглядывать, кокетливо наклонив голову.

— Первый ведьмак, которого мне удалось рассмотреть вблизи, к тому же совершенно раздетого. Ого-го! — Она наклонилась, прислушалась. — Как странно бьется твое сердце! Очень медленный ритм. Ты можешь регулировать выделение адреналина? Ах, прости, профессиональное любопытство. Похоже, тебя раздражают разговоры о свойствах твоего организма. И ты привык эти свойства называть словами, которых я очень не люблю, и при этом впадаешь в патетический сарказм, которого я не люблю еще больше.

Он не отвечал.

— Ну довольно. Моя ванна остывает. — Йеннифэр сделала такое движение, словно хотела скинуть халат, но замялась. — Я буду купаться, ты будешь рассказывать. Сэкономим время. Но... Не хочу тебя смущать, к тому же мы почти незнакомы. Поэтому, следуя правилам приличия...

— Я отвернусь, — неуверенно предложил он.

— Нет. Я должна видеть глаза собеседника. У меня есть идея получше.

Он услышал, как она произнесла заклинание, почувствовал, как задрожал медальон, и увидел черный халат, мягко падающий на пол. А потом услышал плеск воды.

— Теперь я не вижу твоих глаз, Йеннифэр, — сказал он, — жаль.

Невидимая волшебница, фыркнув, заплескалась в бадье.

— Рассказывай.

Геральт прекратил борьбу с брюками, сел на табурет. Застегивая пряжки ботинок, излагал приключение у реки, сокращая до минимума описание борьбы с сомом. Йеннифэр не походила на человека, интересующегося рыболовством.

Когда он дошел до того места, где существо-облако выбралось из кувшина, большая губка, намыливавшая невидимость, замерла.

— Так, так, — услышал он. — Любопытно. Джинн, запертый в бутылке.

— Какой там джинн, — возразил он. — Какая-то разновидность пурпурной мглы. Какой-то новый, неизвестный ее вид...

— Новый и неизвестный вид заслуживает того, чтобы его как-то назвать, — произнесла невидимая Йеннифэр. — Джинн — название ничуть не хуже других. Продолжай, пожалуйста.

Мыло в бадье пенилось в ходе его повествования, вода плескалась через край. В один

из моментов что-то привлекло его внимание, он пригляделся и заметил контуры и формы, проявленные мылом, покрывающим невидимость. Контуры и формы так увлекли его, что он онемел.

— Рассказывай! — подстегнул его голос, исходящий из ничего поверх контуров и форм. — Что дальше?

— Это все, — сказал он. — Я прогнал этого, как ты говоришь, джинна...

— Каким образом? — Черпак поднялся и вылил воду. Мыло исчезло, формы тоже. Геральт вздохнул.

— Заклинанием.

— Каким? — Черпак снова вылил воду. Ведьмак принялся следить за действиями черпака, ибо вода, хоть и ненадолго, тоже кое-что проявляла. Он повторил заклинание, ради безопасности заменяя гласную «э» вдохом. Думал понравиться чародейке знанием этого принципа и сильно удивился, услышав из бадьи дикий хохот.

— Что тут смешного?

— Твое заклинание... — Полотенце сплыло с вешалки и принялось вытирать остатки контуров. — Трисс лопнет от смеха, когда я ей расскажу! Кто тебя научил, ведьмак? Этому... заклинанию?

— Одна жрица из храма Гулдыры. Это тайный храмовый язык...

— Кому тайный — тому тайный. — Полотенце хлестнуло о край бадьи, вода плеснула на пол, следы босых ступней обозначили шаги волшебницы. — Никакое это не заклинание, Геральт. И не советую повторять его в других храмах.

— Если не заклинание, так что? — спросил он, наблюдая за тем, как два черных чулка создают из воздуха одну черную ножку за другой.

— Шутливое выражение. — Трусики с оборками охватили нечто ласкающим глаз образом. — Хоть и не совсем цензурное.

Белая блузка с большим жабо в форме цветка порхнула вверх и сотворила формы. Как ведьмак заметил, Йеннифэр не пользовалась никакими штучками с китовым усом, которые так любят женщины. Ей это было ни к чему.

— Какое выражение? — спросил он.

— Давай не будем об этом.

Из стоявшей на столике четырехгранной хрустальной бутылки вылетела пробка. В бане запахло сиренью и крыжовником. Пробка описала несколько кругов и прыгнула на место. Чародейка застегнула манжеты нижней рубашки, натянула платье и материализовалась.

— Застегни, — повернулась она спиной, расчесывая волосы черепашьим гребнем. У гребня, как заметил Геральт, был длинный заостренный конец, который в случае нужды мог заменить кинжал.

Он расчетливо медленными движениями, пряжка за пряжкой, застегивал платье, вдыхая аромат ее волос, черным каскадом ниспадающих до половины спины.

— Возвратимся к твоему «бутылочному» существу, — сказала Йеннифэр, вдевая в уши бриллиантовые серьги. — Конечно же, не твое смешное заклинание обратило его в бегство. Скорее всего, он просто разрядил ярость на твоём дружке и улетел, поскольку это ему надоело.

— Правдоподобно, — угрюмо согласился Геральт. — Не думаю, чтобы он полетел в Цидарис ужокошить Вальдо Маркса.

— Что еще за Вальдо Маркс?

— Трубадур, который считает моего друга, тоже поэта и трубадура, бесталанщиной, потакающей низменным вкусам толпы.

Чародейка обернулась, странно блеснув фиалковыми глазами.

— А твой друг успел высказать желание?

— Даже два, и оба до крайности глупые. Почему ты спрашиваешь? Ведь очевидная же нелепица: исполнение желаний гениями, д'йини, духами лампы...

— Очевидная нелепица, — усмехнувшись, повторила Йеннифэр. — Конечно.

Вымысел, глупая, бессмысленная сказка, как и все легенды, в которых добрые духи и ворожейки исполняют желания. Такие сказки придумывают несчастные простачки, которые даже и не помышляют о том, чтобы свои многочисленные желания и мечты исполнять собственными силами. Приятно знать, что ты не из их числа, Геральт из Ривии. Поэтому ты близок мне по духу. Я, если чего-то хочу, не мечтаю, а действую. И всегда добиваюсь того, чего желаю.

— Не сомневаюсь. Ты готова?

— Готова. — Волшебница подтянула ремешки туфелек и встала.

Даже на каблуках она была не слишком высока. Тряхнула волосами, которые, несмотря на активное расчесывание, сохранили красочно-взвихренный и вьющийся беспорядок.

— Есть вопрос, Геральт. Печать, которая закрывала бутылку. Она все еще у твоего друга?

Ведьмак задумался. Печать была не у Лютика, а у него, к тому же сейчас. Но опыт учил, что волшебникам не следует говорить слишком многого.

— Хм... Думаю, да, — помедлив, ответил он. — Да, пожалуй, у него. А что? Эта печать так важна?

— Станный вопрос, — резко сказала она, — для ведьмака, специалиста по сверхъестественным чудовищам, которому следовало бы знать, что такая печать достаточно серьезна, чтобы к ней не прикасаться.

Он стиснул зубы. Удар был точным.

— Ну что ж, — проговорила Йеннифэр немного мягче. — Видимо, ведьмакам, как простым смертным, свойственно ошибаться. Ну, можно идти. Где твой друг?

— Здесь, в Ринде. В доме некого Эррдия. Эльфа.

— У Эррдия, — скривила она губы, внимательно посмотрев на него. — Знаю, где это. Полагаю, там же находится и его брат, Хиреадан?

— Верно. А что...

— Ничего, — прервала она и, прикрыв глаза, подняла руки. Медальон на шее ведьмака задергался, рванул цепочку.

На влажной стене бани разгорелся светящийся квадрат, обрамляющий фосфоресцирующее молочно-белое ничто.

Ведьмак тихо выругался. Он не любил порталов и перемещений с их помощью.

— Разве обязательно... — кашлянул он. — Здесь недалеко...

— Я не могу ходить по улицам, — отрезала она. — Здесь меня не любят, могут оскорбить, закидать камнями, а то и чем-нибудь похуже. Несколько человек портят мне репутацию, думая, что это сойдет им безнаказанно. Не бойся, мои порталы безопасны.

Геральт был свидетелем того, как однажды сквозь безопасный портал пролетела половина человека. Вторую так и не нашли. Он знал несколько случаев, когда люди входили в порталы, и о них больше никто никогда и ничего не слышал.

Волшебница в очередной раз поправила волосы, пристегнула к поясу расшитый жемчугами мешочек. Мешочек казался маловатым, чтобы вместить что-либо, кроме горсти медаков да губной помады, но Геральт знал, что это необыкновенный мешочек.

— Обними меня. Сильнее, я не фарфоровая. В путь!

Медальон завибрировал, что-то сверкнуло, и Геральт погрузился в черное ничто, в пронизывающий холод. Он ничего не видел, не слышал, не чувствовал. Холод был тем единственным, что регистрировали органы чувств.

Он хотел выругаться, но не успел.

5

— Уже час, как она туда вошла. — Хиреадан перевернул стоящую на столе клепсидру. — Начинаю волноваться. Неужто с горлом Лютика все настолько плохо? Как думаешь, не заглянуть ли к ним?

— Она явно не желает этого. — Геральт с трудом допил кубок с травяным настоем. Он ценил и любил оседлых эльфов за ум, выдержку и специфическое чувство юмора, но их вкусов, касающихся пищи и напитков, не понимал и не разделял. — Я бы не стал мешать, Хиреадан. Магия требует времени. Пусть на это уйдут даже сутки, лишь бы Лютик выздоровел.

— Ну что ж, ты прав.

Из соседнего помещения доносился стук молотков, Эррдиль жил в заброшенной корчме, которую купил, намереваясь отремонтировать и въехать вместе с женой, тихой и неразговорчивой эльфкой. Рыцарь Вратимир, который после совместно проведенной в кордегардии ночи пристал к компании, добровольно предложил Эррдию помощь в ремонтных работах. Вместе с супругами он взялся обновлять панель сразу же, как только прошло замешательство, вызванное неожиданным и эффектным появлением ведьмака и Йеннифэр, выскочивших из стены в блеске портала.

— Если честно, — начал Хиреадан, — не думал, что у тебя так здорово пойдет. Йеннифэр не из тех, кто жаждет оказывать помощь. Заботы ближних не очень-то ее волнуют и нарушают сон. Короче говоря, не слышал, чтобы она когда-нибудь кому-нибудь чем-нибудь помогла бескорыстно. Интересно, ради чего она взялась помогать тебе и Лютику?

— Ты не преувеличиваешь? — усмехнулся ведьмак. — Она не произвела на меня такого уж скверного впечатления. Превосходство, верно, любит показывать, но по сравнению с другими колдунами, со всей их наглой сворой, она прямо-таки ходячее обаяние и доброжелательность.

Хиреадан улыбнулся.

— Твои слова звучат так, — сказал он, — словно ты считаешь, будто скорпион красивее паука потому, что у него такой прелестный хвостик. Будь внимателен, Геральт. Ты не первый, кто так о ней думает, не зная, что из своей красоты и доброжелательности она сделала оружие. Оружие, которым пользуется весьма ловко и беспринципно. Что, разумеется, отнюдь не умаляет того факта, что она на удивление красивая женщина. Думаю, не возражаешь?

Геральт быстро взглянул на эльфа. Ему уже второй раз показалось, что он замечает на лице Хиреадана след румянца. Это удивило его не меньше, чем слова. Чистокровные эльфы обычно не восхищаются женщинами людей. Даже очень красивыми. Йеннифэр же, хоть на свой манер и привлекательная, красавицей считаться не могла.

Вкусы вкусами, но в действительности мало кто называл колдуний «красавицами». В конце концов, все они происходили из тех общественных слоев, в которых Предназначением дочерей было исключительно замужество. Кто подумает осуждать дочь на годы кропотливой учебы и пытку соматическими изменениями, если ее можно просто удачно выдать замуж? Кому захочется иметь в родне колдунью? Несмотря на уважение, которым пользовались магики, родители чародеек не получали никакой выгоды, потому что к тому времени, когда девушка завершала учебу, ее переставало что-либо связывать с семьей, в расчет шло только братство таких же, как она. Поэтому чародейками становились, как правило, дочери с нулевыми шансами на замужество.

В противоположность священникам и друидкам, которые неохотно брали на воспитание некрасивых или уродливых девушек, чародеи принимали любую, которая проявляла предрасположенность. Если же ребенок проходил сквозь сито первых лет обучения, в дело вступала магия — выпрямляющая и выравнивающая ноги, исправляющая сросшиеся кости, латающая заячьи губы, сглаживающая рубцы, шрамы и следы перенесенной оспы.

Молодая чародейка становилась «привлекательной», потому что того требовал престиж профессии. Результатом были псевдокрасивые женщины со злыми и холодными глазами дурнушек. Дурнушек, неспособных забыть о своей некрасивой внешности, прикрытой магической маской, причем не для того, чтобы их осчастливить, а исключительно ради упомянутого престижа.

Нет, Геральт не понимал Хиреадана. Его глаза, глаза ведьмака, замечали слишком много деталей.

— Нет, Хиреадан, — ответил он на вопрос. — Не возражаю. И благодарю за предупреждение. Но сейчас дело исключительно в Лютике. Он пострадал при мне, в моем присутствии. Я не сумел его уберечь, не смог помочь. Если б я знал, что это его вылечит, я уселся бы на скорпиона голым задом.

— Этого-то ты и должен опасаться больше всего, — загадочно усмехнулся эльф. — Потому что Йеннифэр знает об этом и любит использовать свое знание. Не доверяй ей, Геральт. Она опасна.

Геральт не ответил.

Наверху скрипнула дверь. Йеннифэр стояла на лестнице, опершись о поручни.

— Ведьмак, можешь на минутку заглянуть?

— Конечно.

Волшебница прислонилась спиной к двери одной из более-менее обставленных комнат, в которой поместили страдающего трубадура. Ведьмак подошел, молча взглянул. Он видел ее левое плечо, немного более высокое, чем правое. Нос, немного длинноватый. Губы, немного узковатые. Подбородок, скошенный чуть больше, чем следовало бы. Брови, не очень правильные. Глаза... Он видел слишком много деталей. И совершенно напрасно.

— Что с Лютиком?

— Ты сомневаешься в моих способностях?

Он продолжал смотреть. У нее была фигура двадцатилетней девушки, хотя ее истинного возраста он предпочитал не угадывать. Двигалась она с естественной, непринужденной грацией. Нет, невозможно было угадать, какой она была раньше, что в ней исправили. Он перестал об этом думать, не было смысла.

— Твой талантливый друг будет здоров, — сказала она. — Его вокальные способности восстановятся.

— Я благодарен тебе, Йеннифэр.

— У тебя еще будет okazия это доказать, — улыбнулась она.

— К нему можно?

Она чуть помедлила, глядя на него со странной улыбкой и постукивая пальцами по дверной раме.

— Конечно. Входи.

Медальон на шее ведьмака начал резко, ритмично дрожать.

В центре пола лежал светившийся молочной белизной стеклянный шар размером с небольшой арбуз. Шар отмечал середину девятилучевой звезды, точнейшим образом вырисованной и касающейся лучами углов и стен комнаты. В звезду была вписана нарисованная красная пентаграмма. Концы пентаграммы были обозначены черными свечами, укрепленными в подсвечниках странной формы. Черные свечи горели также в изголовье постели, на которой лежал укрытый овечьими шкурами Лютик. Поэт дышал спокойно, уже не стонал и не хрипел, с его лица сбежала гримаса боли, теперь ее сменила блаженная улыбка идиота.

— Он спит, — сказала Йеннифэр. — И видит сон.

Геральт присмотрелся к изображениям, начертанным на полу. Ощущалась заключенная в них магия, но он знал, что это была магия дремлющая, неразбуженная. Она была все равно что дыхание спящего льва, но в ней ощущался и скрытый до поры до времени львиный рык.

— Что это, Йеннифэр?

— Ловушка.

— На кого?

— В данный момент на тебя. — Волшебница повернула ключ в замке, покрутила его в руке. Ключ исчез.

— Итак, меня поймали, — холодно сказал он. — И что дальше? Начнешь покушаться на мою невинность?

— Не льсти себе. — Йеннифэр присела на край кровати. Лютик, все еще кретински улыбаясь, тихо застонал. Это, несомненно, был стон блаженства.

— В чем дело, Йеннифэр? Если это игра, я не знаю правил.

— Я говорила, — начала она, — что всегда получаю то, чего хочу. Так уж случилось, что я захотела иметь то, чем владеет Лютик. Я заберу это у него, и мы расстанемся. Не бойся, я не причиню ему вреда...

— То, что ты устроила на полу, — прервал Геральт, — служит приманкой для демонов. Там, где вызывают демонов, всегда кому-то приносят вред. Я не допущу этого.

— ...у него волос с головы не упадет, — продолжала чародейка, не обращая никакого внимания на его слова. — Голосок у него станет еще красивее, и он будет весьма доволен, даже счастлив. Все мы будем счастливы. И расстанемся без сожаления, но и без обиды.

— Ах, Виргиния, — застонал Лютик, не открывая глаз. — Прелестны твои груди, нежнее лебединого пуха... Виргиния...

— Спятил, что ли? Бредит?

— Он видит сон, — усмехнулась Йеннифэр. — Его мечта сбывается во сне. Я прозондировала его мозг до самого дна. Не очень-то много там оказалось. Чутьочку хлама, несколько желаний, уйма поэзии. Ну да не в том дело. Печать, которой была запечатана бутылка с джином, Геральт. Я знаю, что она не у трубадура, а у тебя. Попрошу отдать ее мне.

— Зачем она тебе?

— Ну как бы тебе сказать? — Волшебница кокетливо улыбнулась. — Может, так: не твое это дело, ведьмак. Такой ответ устроит?

— Нет, — тоже улыбнулся Геральт. — Не устроит. Но не бичуй себя за это, Йеннифэр. Меня нелегко удовлетворить. До сих пор это удавалось только лицам более чем среднего уровня.

— Жаль. Стало быть, так и останешься неудовлетворенным. Что делать. Изволь печать. И не ухмыляйся так. Это не идет ни к твоей красоте, ни к твоей прическе. Если ты еще не заметил, то знай, что именно сейчас начала исполняться благодарность, которой ты мне обязан. Печать — первый взнос за голос певуна.

— Гляжу, ты разбросала цену на множество взносов, — холодно проговорил он. — Хорошо. Этого можно было ожидать, и я ожидал. Но пусть это будет честная торговля, Йеннифэр. Я купил твою помощь, и я заплачу.

Она скривила губы в улыбке, но ее фиалковые глаза оставались холодными.

— Уж в этом-то, ведьмак, не сомневайся.

— Я, — повторил он, — а не Лютик. Я забираю его отсюда в безопасное место. Сделав это, вернусь, заплачу второй взнос и последующие. Что же касается первого... — Он сунул руку в секретный кармашек на поясе, достал латунную печать со знаком звезды и ломаного креста. — Пожалуйста. Но не как первый взнос. Прими это от ведьмака как знак благодарности за то, что хоть и расчетливо, но ты отнеслась к нему доброжелательней, нежели это сделало бы большинство твоей братии. Прими это как доказательство доброй воли, призванное убедить тебя, что, позаботившись о безопасности друга, я вернусь сюда, чтобы расплатиться. Я не заметил скорпиона в цветах, Йеннифэр. И готов расплачиваться за свою невнимательность.

— Прекрасная речь, — колдунья скрестила руки на груди. — Трогательная и патетическая. Жаль только, напрасная. Лютик мне нужен и останется здесь.

— Он уже однажды столкнулся с тем, кого ты намерена сюда приволочь. — Геральт указал на изображения на полу. — Когда ты закончишь и притащишь сюда джина, то независимо от твоих обещаний Лютик пострадает, возможно, еще больше. Ведь тебя интересует то существо из бутылки, верно? Ты намерена завладеть им, заставить служить себе? Не отвечай, я знаю, плевать мне на это. Делай что хочешь, притащи хоть десяток демонов. Но без Лютика. Если ты подставишь Лютика, это уже не будет честной сделкой, Йеннифэр, и ты не имеешь права за такую требовать платы. Я не допущу... — Он осекся.

— Меня интересовало, когда же ты наконец почувствуешь, — хихикнула чародейка.

Геральт напрягся, собрал в кулак всю свою волю, до боли стиснув зубы. Не помогло. Его словно парализовало, он вдруг превратился в каменную статую, во вкопанный в землю столб. Не мог шевельнуть даже пальцем в башмаке.

— Я знала, что ты сумеешь отразить чары, брошенные открыто, — сказала Йеннифэр. — Знала также, что, прежде чем что-либо предпринять, ты постараешься расположить меня к себе красноречием. Ты болтал, а нависший над тобой заговор действовал и понемногу ломал тебя. Теперь ты можешь только говорить. Но тебе уже нет нужды мне нравиться. Я знаю, ты красноречив. И не надо продолжать, это только снизит эффект!

— Хиреадан... — с трудом проговорил он, все еще пытаюсь бороться с магическим параличом. — Хиреадан поймет, что ты что-то замышляешь. Сообразит быстро, заподозрит в любой момент, потому что не доверяет тебе. Он не доверял с самого начала...

Чародейка повела рукой. Стены комнаты затуманились и окрасились однообразным мутно-серым тоном. Исчезли двери, исчезли окна, исчезли даже пыльные занавески и засиженные мухами картинки на стенах.

— Ну и что, если Хиреадан сообразит? — зловеще поморщилась она. — Помчится на помощь? Сквозь мой барьер не пройдет никто. Но, уверяю тебя, Хиреадан никуда не побежит, не сделает ничего мне во вред. Ничего. Он очарован мною. Нет, дело не в чернокнижии, я не привораживала его. Обычная химия организма. Он влюбился в меня, дурень. Ты не знал? Он даже хотел вызвать Бо на поединок, представляешь? Эльф, а ревнивый. Такое встречается редко. Геральт, я не случайно выбрала этот дом.

— Бо Берран, Хиреадан, Эррдиль, Лютик. Действительно, ты идешь к цели самым прямым путем. Но мною, Йеннифэр, не воспользуешься.

— Воспользуюсь, воспользуюсь. — Чародейка встала с кровати, подошла, старательно обходя начертанные на полу знаки. — Я же сказала, ты мне кое-что должен за излечение поэта. Так, мелочь, небольшую услугу. После того что я сейчас собираюсь проделать, я сразу же исчезну из Ринды, а у меня в этом городишке еще есть кое-какие... неоплаченные долги, назовем это так. Некоторым людям я тут кое-что пообещала, а я всегда выполняю обещания. Однако поскольку сама я не успею, ты исполнишь мои обещания за меня.

Он боролся, боролся изо всех сил. Напрасно.

— Не дергайся, ведьмак, — ехидно усмехнулась она. — Впустую. У тебя сильная воля и хорошая сопротивляемость магии, но со мной и моими заклинаниями ты померяться не в состоянии. И не ломай комедию. Не пытайся покорить меня демонстрацией своей несгибаемой и гордой мужественности. Ты только самому себе кажешься несгибаемым и гордым. Ради друга ты сделал бы все и без чар, заплатил бы любую цену, вылизал бы мне туфли. А может, и еще кое-что, если б мне вдруг вздумалось повеселиться.

Он молчал. Йеннифэр стояла, усмехаясь и поигрывая прищипленной к бархотке обсидиановой звездой, искрящейся бриллиантами.

— Уже в спальне Бо, — продолжала она, — перекинувшись с тобой несколькими словами, я поняла, кто ты такой. И знала, какой монетой взять с тебя плату. Рассчитаться за меня в Ринде мог бы любой, например тот же Хиреадан. Но сделаешь это ты, ибо ты должен мне заплатить. За притворное высокомерие, за каменное лицо, за саркастический тон. За мнение, будто ты можешь стоять лицом к лицу с Йеннифэр из Венгерберга, считать ее самовлюбленной нахалкой, расчетливой ведьмой и одновременно таращиться на ее намыленные сиськи. Плати, Геральт из Ривии!

Она схватила его обеими руками за волосы и пылко поцеловала в губы, впившись в них, словно вампир. Медальон на шее задержался. Геральту почудилось, что цепочка укорачивается и стискивает горло словно гаррота. В голове сверкнуло, в ушах дико зашумело. Фиалковые глаза чародейки исчезли, и он погрузился во тьму...

Геральт стоял на коленях. Йеннифэр обращалась к нему мягким, нежным голосом.

— Запомнил?

— Да, госпожа.
Это был его собственный голос.
— Так иди и выполни мое поручение.
— Слушаюсь, госпожа.
— Можешь поцеловать мне руку.
— Благодарю тебя, госпожа.

Он пополз к ней, не поднимаясь с колен. В голове гудели десятки тысяч пчел. Ее рука источала аромат сирени и крыжовника... Сирени и крыжовника... Вспышка. Тьма.

Балюстрада, ступени. Лицо Хиреадана.

— Геральт! Что с тобой? Геральт, ты куда?

— Я должен... — его собственный голос. — Должен идти...

— О боги! Взгляните на его глаза!

Лицо Вратимира, искаженное изумлением. Лицо Эррдилья. И голос Хиреадана.

— Нет! Эррдиль, нет! Не прикасайся к нему и не пробуй задержать. С дороги, Эррдиль!
Прочь с его дороги!

Запах сирени и крыжовника...

Дверь. Всплеск солнца. Жарко. Душно. Запах сирени и крыжовника.

«Будет буря», — подумал он. И это была его последняя сознательная мысль.

6

Тьма. Запах...

Запах? Нет — вонь. Вонь мочи, гнилой соломы и мокрых лохмотьев. Смерд коптящего факела, воткнутого в железный захват, закрепленный в стене из грубо отесанных каменных блоков. Отбрасываемая факелом тень на покрытом соломой земляном полу...

Тень решетки.

Ведьмак выругался.

— Наконец-то. — Он почувствовал, что кто-то приподнимает его, прислоняет спиной к влажной стене. — Я уже стал опасаться. Ты так долго не приходил в себя.

— Хиреадан? Где... Черт, голова разламывается... Где мы?

— А ты как думаешь?

Геральт отер лицо ладонью и осмотрелся. У противоположной стены сидели трое оборванцев. Он видел их смутно, они приткнулись как можно дальше от факела, почти в полной темноте. Под решеткой, отделяющей всех их от освещенного коридора, прикорнуло что-то на первый взгляд напоминающее кучу тряпья. На самом деле это был старик с носом, похожим на клюв аиста. Длина висящих сосульками волос и состояние одежды говорили о том, что он находится здесь не первый день.

— Нас кинули в яму, — угрюмо сказал Геральт.

— Рад, что ты обрел способность логически мыслить и делать выводы, — бросил эльф.

— Дьявольщина... А Лютик? Давно мы здесь сидим? Сколько времени прошло с тех пор...

— Не знаю. Когда меня кинули, я тоже был без сознания. — Хиреадан подгрел солому, уселся поудобнее. — Разве это важно?

— Еще как, черт возьми. Йеннифэр... И Лютик. Лютик там, с ней, а она собирается... Эй, вы. Нас давно здесь заперли?

Оборванцы пошептались, но не ответили.

— Вы что, оглохли? — Геральт сплюнул, все еще не в состоянии отделаться от металлического привкуса во рту. — Я спрашиваю, какое сейчас время дня? Или ночи? Наверное, знаете, когда вам приносят жратву?

Оборванцы снова пошептались, покашляли.

— Милсдарь, — сказал наконец один, — оставьте нас в покое и, пожалуйста, не разговаривайте с нами. Мы — честные воры, мы не политические. Мы супротив власти не

шли. Не... покушались. Мы токмо воровали.

— Угу, — сказал второй. — У вас свой угол, у нас свой. Каждому свое.

Хиреадан фыркнул. Ведьмак сплюнул.

— Так оно и есть, — промямлил заросший волосней старик с длинным носом. — В тюряге кажный стерегёт свой угол и держится своих.

— А ты, дедок, — насмешливо спросил эльф, — держишься их или нас? Ты к какой группе себя относишь? К честным или политическим?

— Ни к какой, — гордо ответил старик. — Ибо невинен есьм.

Геральт снова сплюнул.

— Хиреадан, — спросил он, массируя виски, — с этим покушением на власть... Верно?

— Абсолютно. Ты ничего не помнишь?

— Ну вышел на улицу... Люди на меня поглядывали... Потом... Потом был какой-то магазин...

— Ломбард, — понизил голос эльф. — Ты вошел в ломбард. И сразу же дал по зубам ломбардщику. Крепко. Даже очень.

Ведьмак сдержал проклятие.

— Ломбардщик упал, — тихо продолжал Хиреадан. — Ты дал ему несколько раз ногой по весьма чувствительным местам. На помощь прибежал слуга. Ты выкинул его через окно на улицу.

— Боюсь, — буркнул Геральт, — этим дело не ограничилось.

— Опасение вполне обоснованное. Ты вышел из ломбарда и направился по середине улицы, расталкивая прохожих и выкрикивая какие-то глупости относительно чести дамы. За тобой тянулся солидный хвост. Там же были я, Эррдиль и Вратимир. Ты остановился перед домом аптекаря Лавроносика, вошел и через минуту снова вышел, волоча Лавроносика за ногу. Затем обратился к собравшейся толпе с чем-то вроде речи.

— Какой?

— Говоря наиболее доходчиво, ты сообщил, что уважающий себя мужчина не должен называть курвой даже профессиональную проститутку, ибо это низко и отвратительно. Что применять определение «курва» по отношению к женщине, которую ты никогда не... имел — ты выразился более красочно — и никогда ей за это не давал денег, дело грязное и абсолютно недопустимое. Экзекуция, сообщил ты всем и вся, будет произведена немедленно, и это будет наказание в самый раз для такого говнюка, как Лавроносик. После чего зажал голову аптекаря между колен, стащил с него портки и врезал по заднице ремнем.

— Продолжай, Хиреадан. Продолжай, не жалея меня.

— Лупцевал ты Лавроносика по заднице, не жалея сил, а аптекарь выл и верещал, плакал, взывал к помощи господней и людской, умолял сжалиться, обещал даже исправиться, но ты ему явно не верил. Тут подбежали несколько вооруженных бандитов, которых в Ринде почему-то принято именовать гвардией.

— А я, — покачал головой Геральт, — именно тогда и покусился на власть?

— Куда там! Ты покусился гораздо раньше. И ломбардщик, и Лавроносик числятся в городском совете. Вероятно, тебе интересно будет узнать, что оба требовали выкинуть Йеннифэр из города. Они не только голосовали за это в совете, но говорили о ней всякие гадости по корчмам и обсуждали ее весьма неизящным образом.

— Об этом я догадывался уже давно. Рассказывай. Ты остановился на гвардейцах. Это они бросили меня в яму?

— Хотели. Ох, Геральт, это было зрелище. Что ты с ними вытворял, описать невозможно. У них были мечи, дубины, палки, топоры, а у тебя только ясеневый стек с ручкой, который ты отобрал у какого-то франта. И когда все уже лежали на земле, ты пошел дальше. Большинство из нас знало, куда ты направляешься.

— Хотел бы знать и я.

— Ты шел в храм. Ибо богослужитель Крепп, тоже член совета, уделял Йеннифэр много места в своих проповедях. Впрочем, ты вовсе и не скрывал своего мнения

относительно богослужителя Креппа. Ты обещал прочитать ему лекцию, касающуюся уважения к прекрасному полу. Говоря о нем, ты упустил его официальный титул, но добавлял иные эпитеты, вызывавшие заметное оживление у следовавшей за тобой детворы.

— Так, — проворчал Геральт. — Стало быть, прибавилось и богохульство. Что еще? Осквернение храма?

— Нет. Войти ты не успел. Перед храмом ждала рота городской стражи, вооруженная всем, что только нашлось в цейхгаузе, кроме катапульты, как мне кажется. Походило на то, что тебя просто-напросто изувечат. Но ты не дошел до них. Неожиданно схватился обеими руками за голову и потерял сознание.

— Можешь не заканчивать. Но, Хиреадан, ты-то как очутился в яме?

— Когда ты упал, несколько стражников подскочили, чтобы продырявить тебя копьями. Я вступил с ними в собеседование. Получил по голове алебардой и очутился здесь, в яме. Мне, несомненно, пришлют обвинение в участии в противолодском заговоре.

— Ну, коли уж мы попали в обвиняемые, — заскрежетал зубами ведьмак, — то, как думаешь, что нам грозит?

— Если Невилл, ипат, успел вернуться из столицы, — буркнул Хиреадан, — то кто знает... Мы знакомы. Но если не успел, приговор вынесут политики, в том числе, разумеется, Лавроносик и ломбардщик. А это значит...

Эльф сделал короткий жест в районе шеи. Несмотря на царящий в подвале полумрак, этот жест оставлял мало места для домыслов. Ведьмак помолчал. Воры шепотом переговаривались. Сидящий за «невинность» дедок, казалось, спал.

— Прекрасно, — сказал наконец Геральт и грязно выругался. — Мало того, что я буду висеть, так еще зная, что оказался причиной твоей смерти, Хиреадан. И, вероятно, Лютиковой. Не прерывай. Я знаю, что это делишки Йеннифэр, но виноват все равно я. Моя дурь. Она окрутила меня, сделала из меня, как говорят краснолюды, дуба.

— Хм, — проворчал эльф. — Ни добавить, ни убавить. Я тебя предупреждал. Черт побери, тебя предупредил, а сам оказался таким же, пользуясь твоим выражением, дубом. Ты сетуешь на то, что я попал сюда из-за тебя. Я мог остановить тебя на улице, обезоружить, не допустить... Я этого не сделал. Боялся, что, когда развеются чары, которые она на тебя навела, ты вернешься и... причинишь ей зло. Прости.

— Прощаю великодушно. Потому как ты понятия не имеешь, какая сила была в ее заклинании. Я, дорогой эльф, обычный наговор перебиваю за несколько минут и при этом не теряю сознания. Заклинания Йеннифэр тебе бы не удалось сломать, а чтобы меня обезоружить... Вспомни гвардию.

— Повторяю, я думал не о тебе. Я думал о ней.

— Хиреадан?

— Да?

— Ты ее... Ты ее...

— Я не люблю возвышенных слов, — прервал эльф, грустно улыбнувшись. — Я ею, скажем так, сильно увлечен. Ты, вероятно, удивишься, как можно увлечься такой, как она?

Геральт прикрыл глаза, чтобы вызвать в памяти образ. Образ, который его необъяснимым образом, скажем так, не используя возвышенных слов, привлекал.

— Нет, Хиреадан, — сказал он. — Не удивлюсь.

В коридоре задуднили тяжелые шаги, послышался звон металла. На пол подвала легли тени четырех стражников. Проскрипел ключ, невинный старик резко отскочил от решетки и спрятался меж честных грабителей.

— Так быстро? — вполголоса удивился эльф. — Я думал, на то, чтобы поставить эшафот, потребуется больше времени...

Один из стражников, лысый как колено, дылда с истинно кабаньей щетиной на морде, ткнул в ведьмака.

— Этот.

Двое других схватили Геральта, грубо подняли и приперли к стенке. Воришки вжались

в угол, длинноносый дедок зарылся в солому. Хиреадан хотел вскочить, но упал на подстилку, отползая от приставленного к груди корда.

Лысый стражник остановился перед ведьмаком, подвернул рукава и помассировал кисть руки.

— Господин советник Лавроносик, — сказал он, — велели спросить, как тебе у нас в яме? Может, чего недостает? Может, холод докучает? А?

Геральт не счел нужным отвечать. Пнуть лысого он тоже не мог, потому что удерживавшие его стражники наступили ему на ноги тяжелыми ботинками.

Лысый коротко размахнулся и саданул его под дых. Не помогло защитное напряжение мышц. Геральт, с трудом хватая воздух, некоторое время рассматривал пряжку собственного пояса, потом стражники выпрямили его снова.

— Дык ничего тебе не надеть? — продолжал лысый, разя луком и гнилыми зубами. — Господин советник будет радый, что ты не жалуешься.

Второй удар, туда же. Ведьмак закашлялся, и его наверняка бы вырвало, если б было чем. Лысый повернулся боком. Сменил руку. Удар! Геральт снова уставился на пряжку собственного пояса. Хоть это и казалось странным, но выше пряжки не появилась дыра, сквозь которую просвечивала бы стена.

— Ну как? — Лысый немного отступил, явно собираясь размахнуться сильнее. — Нету никаких пожеланий? Господин Лавроносик велели спросить, нет ли каких? А чтой-то ты молчишь? Язык, что ль, свернулся? Щас я тебе его размотаю.

Удар!

Геральт и на этот раз не потерял сознания. А надо бы, потому что ему как-никак, а внутренние органы еще могли пригодиться. Однако, чтобы потерять сознание, надо было заставить лысого...

Стражник сплюнул, ощерился, снова помассировал пятерню.

— Ну как? Никаких желаний?

— Есть одно... — простонал ведьмак, с трудом поднимая голову. — Чтоб ты лопнул, сволота поганая.

Лысый заскрежетал зубами, отступил и замахнулся, теперь уже, как и хотел Геральт, примеряясь к голове. Но удар не состоялся. Стражник вдруг забулькал, словно индюк, покраснел, схватился обеими руками за живот, взвыл, зарычал от боли...

И лопнул.

7

— Ну и что мне с вами делать?

Потемневшее небо прорезала ослепительно яркая стрела молнии, после короткой паузы раздался хрупкий, протяжный гром. Ливень набирал силу, над Риндой проплывала дождевая туча.

Геральт и Хиреадан, сидевшие на лавке под большим гобеленом, изображающим Пророка Лебеду, пасущего овец, молчали, скромно потупившись. Ипат Невилл расхаживал по комнате, фыркая и гневно сопя.

— Вы, сволочные, засранные волшебники! — вдруг взорвался он, остановившись. — Невзлюбили мой город или как? Нет других городов на свете или что?

Эльф и ведьмак молчали.

— Чтобы такое... — захлебнулся ипат. — Чтобы ключника... Как помидор! Вдрызг! В красную жижу! Это бесчеловечно!

— Бесчеловечно и безбожно, — поддакнул присутствовавший в канцелярском покое ратуши богослужитель Крепп. — Так бесчеловечно, что любой дурак догадается, кто за этим стоит. Да, ипат. Хиреадана мы знаем оба, а этому, выдающему себя за ведьмака, недостало бы Силы, чтобы так уделать ключника. Это все работа Йеннифэр, богомерзкой ведьмы!

За окном, как бы подтверждая слова Креппа, громыхнуло.

— Она и никто другой, — продолжал богослужитель. — Несомненно. Кто ж, если не Йеннифэр, вздумал бы отыграться на государственном советнике Лавроносике?

— Ха-ха-ха! — расхохотался ипат. — На это-то я как раз меньше всего злюсь. Лавроносик подкапывался под меня, на мое место метил. Теперь его уже люди слушать не станут. Как вспомнят, как он по заду отхватил...

— Недоставало еще, чтобы вы начали аплодировать сему преступлению, милсдарь Невилл, — поморщился Крепп. — Напоминаю, если б я на ведьмака не наслал бесогонного заклинания, то бишь экзорцизма, он поднял бы руку на меня и на достоинство храма...

— А ведь ты тоже скверно отзывался о ней в своих проповедях, Крепп. Даже Берран жаловался. Но что правда, то правда. Слышите, поганцы? — Ипат снова повернулся к Геральту и Хиреадану. — Нету вам прощения! Не подумаю потакать таким фокусам! Ну, давайте говорите, что у вас есть в свое оправдание, потому как если нет, то я начинаю на все ваши религии и устрою вам такое, что вы до смерти не забудете. А ну выкладывайте все немедля, как на духу!

Хиреадан тяжело вздохнул и глянул на ведьмака многозначительно и с вопросом. Геральт тоже вздохнул, откашлялся.

И рассказал все. Ну, скажем, почти все.

— Стало быть, вон какие пироги, — произнес богослужитель, немного помолчав. — Хорошенькая история. Злой гений, освобожденный от заклятия. И чародейка, которая заимела на этого гения зуб. Недурственная комбинация. Это может скверно кончиться, очень скверно.

— Что такое гений? — спросил Невилл. — И что надобно этой Йеннифэр?

— Волшебники, — пояснил Крепп, — черпают свою мощь из сил Природы, точнее, из так называемых Четырех Основ, сиречь элементов, популярно именуемых стихиями: Воздуха, Воды, Огня и Земли. У каждой из сих стихий имеется свое Измерение, на колдовском жаргоне Плоскостью именуемое. Существуют, стало быть, Плоскость Воды, Плоскость Огня и так далее. Измерения сии нам недоступны и заселены существами, именуемыми гениями...

— Именуемыми в легендах, — прервал ведьмак. — Потому что, насколько мне известно...

— Не прерывай, — обрезал его Крепп. — То, что тебе известно мало, было ясно уже с самого начала твоего рассказа, ведьмак. Так что помолчи и послушай тех, кто умнее тебя. Итак, гении. Их четыре рода, как и четыре Плоскости. Существуют д'йины, существа воздушные, мариды, связанные со стихией Воды, ифриты, кои есть гении Огня, и д'ао — гении Земли...

— Ну, тебя понесло, Крепп, это называется словесный понос, — вставил Невилл. — Тут тебе не воскресная школа, не учи нас. Говори кратко: чего Йеннифэр хочет от того гения?

— Такой гений, ипат, есть живой сборник магической энергии. Волшебник, имеющий возможность по желанию призывать гения, может эту энергию направлять в виде заклинаний. Ему не надо тяжким трудом вытягивать Силу из Природы, за него это делает гений. Тогда могущество такого чародея становится огромным, почти безграничным.

— Что-то я не слышал о всесильных магах, — поморщился Невилл. — Совсем даже наоборот, сила большинства из них явно преувеличена. Этого не могут, то не в силах.

— Волшебник Стаммельфорд, — прервал богослужитель, снова впадая в менторский тон и встав в позу лектора, — некогда передвинул гору, коя заслоняла ему вид с башни. Никому ни до, ни после не удавалось совершить подобное. Ибо Стаммельфорд, как гласит молва, пользовался услугами д'ао — гения Земли. Сохранились записи о подобных действиях других магов. Гигантские волны и катастрофические проливные дожди, несомненно, дело рук маридов. Огненные столбы, пожары и взрывы — работа огненных ифритов...

— Смерчи, ураганы, полеты над землей, — проворчал Геральт. — Джоффрей Монк.

— Верно. Однако, вижу, кое-что ты все-таки знаешь. — Крепп посмотрел на него благосклонней. — Говорят, старый Монк нашел способ заставить служить себе и д'йини — гения Воздуха. Ходили слухи, что не одного. Он якобы держал их в бутылках и использовал по мере надобности, по три желания от каждого гения. Потому что гении, дорогие мои, исполняют только три желания, а потом свободны и смываются в свои измерения.

— Тот, над рекой, ничего не исполнил, — решительно сказал Геральт, — сразу схватил Лютика за горло.

— Гении, — задрал нос Крепп, — существа зловредные и коварные. Не любят тех, кто загоняет их в бутылки и велит передвигать горы. Они делают все, чтобы не допустить произнесения желаний, и выполняют их таким способом, которым трудно овладеть. И предвидеть. Порою выполняют буквально, поэтому надо следить за тем, что говоришь. Чтобы гения захомутать, нужна железная воля, стальные нервы, могучая Сила и немалое умение. Из сказанного тобою следует, что твои умения, ведьмак, были невелики.

— Слишком малы, чтобы эту дрянь обуздать, — согласился Геральт. — Но все же я изгнал его, да так, что воздух выл. А это чего-нибудь да стоит, Йеннифэр, правда, высмеяла мой экзорцизм...

— Какой экзорцизм? А ну повтори.

Ведьмак повторил слово в слово.

— Что?! — Богослужитель побледнел, потом покраснел и наконец посинел. — Да как ты смеешь! Охальник!

— Простите, — пролепетал Геральт. — Честно-то говоря, я не знаю... значения этих слов.

— Так не повторяй, коли не знаешь! И где только ты мог их услышать!

— Ну довольно, — махнул рукой ипат. — Напрасно теряем время. Ладно. Теперь мы знаем, зачем волшебнице понадобился ваш гений. Но вы говорили, Крепп, что это скверно. Что именно скверно? Да пусть она его поймает и убирается ко всем чертям, мне-то какое дело. Я думаю...

Никому не дано узнать, что в этот момент думал Невилл, если даже это не было хвастовством. На стене возле гобелена с Пророком Лебедой неожиданно возник светящийся четырехугольник, что-то сверкнуло — и на середину комнаты вывалился... Лютик.

— Он невиновен! — крикнул поэт чистейшим звучным тенором, сидя на полу и водя кругом дурным взглядом. — Невиновен! Ведьмак невиновен. Я желаю, чтобы в это поверили!

— Лютик, — ахнул Геральт, удерживая Креппа, явно собиравшегося выкрикивать экзорцизмы, а может, и заклęcia. — Ты откуда свалился... Лютик?

— Геральт! — Бард вскочил с пола.

— Лютик!

— Это еще кто такой? — буркнул Невилл. — Черт побери, если вы не прекратите колдовать, я за себя не поручусь. Я сказал, здесь, в Ринде, колдовать нельзя! Сначала надо подать письменное прошение, потом оплатить пошлину и налог на имущество... Эй! А это, случайно, не певец, заложник ведьмы?

— Лютик, — повторил Геральт, держа поэта за руки. — Как ты сюда попал?

— Не знаю, — признался бард с глупейшим и обеспокоенным выражением на лице. — Честно говоря, я не совсем понимаю, что со мной творится. Помню немного, но провалиться мне, если знаю, что тут было явью, а что кошмаром. Однако припоминаю миленькую чернулечку с горящими глазами...

— Нашли время болтать о чернулечках, — прервал Невилл. — К делу, уважаемые, к делу. Ты кричал, что ведьмак невиновен. Как это понимать? Что, Лавроносик сам себя высек? Потому что ежели ведьмак невиновен, то иначе быть не могло. Разве что коллективная галлюцинация.

— Мне ничего не ведомо ни о... э... высечении, ни о галлюцинациях, — гордо проговорил Лютик, — ни о лавровых носиках. Повторяю: последнее, что я помню, была

моднячая женщина, со вкусом одетая в черное и белое. Вышеупомянутая дама грубо кинула меня в светящуюся дыру явно магического портала. А до того дала четкое и ясное указание: по прибытии на место я должен был немедленно сообщить, цитирую: «Желаю, чтобы мне поверили, что ведьмак не виновен в том, что произошло. Таково, а не иное мое желание». Конец цитаты. Буквально так. Да, я спросил, в чем дело и зачем все это. Чернулечка не дала мне говорить. Обругала неизысканно, взяла за шиворот и кинула в портал. Это все. А теперь...

Лютик выпрямился, отряхнул куртку, поправил воротник и фантазийное, хотя и грязное жабо.

— ...соблаговолите мне сказать, как называется и где находится лучший в этом городе кабак.

— В моем городе нет плохих кабаков, — медленно произнес Невилл. — Но прежде чем убедиться в этом, ты познакомишься с лучшей в моем городе ямой. Ты и твои дружки. Вы еще не на свободе, паршивцы, напоминаю! Гляньте-ка! Один плетет небылицы, другой выскакивает из стены и кричит о невиновности, чего-то желает, верещит, требует, чтоб ему поверили. Он имеет нахальство желать...

— О боги! — Богослужитель вдруг хлопнул себя по лысине. — Понял! Я понял! Желание! Последнее желание!

— Что с тобой, Крепп? — насупился ипат. — Прихворнул?

— Последнее желание! — повторил богослужитель. — Она заставила барда высказать последнее, третье желание. Гением нельзя было овладеть, пока он не исполнил этого желания. А Йеннифэр поставила магическую ловушку и, вероятно, поймала гения, прежде чем тот успел сбежать в свое измерение! Господин Невилл, необходимо обязательно...

За окном громыхнуло. Да так, что задрожали стены.

— Черт, — проворчал ипат, подходя к окну. — Близко громыхнуло. Только б не в какой-нибудь дом, мне еще пожара не хватает... Боги! Взгляните! Вы только взгляните на это! Крепп!!! Что это?

Все кинулись к окну.

— Мамочка! — воскликнул Лютик, хватаясь за горло. — Это он! Тот сукин сын, который меня удушил!

— Д'йини! — крикнул Крепп. — Гений Воздуха!

— Над корчмой Эррдия! — закричал Хиреадан. — Над крышей!

— Она его сцапала! — Богослужитель высунулся так сильно, что чуть не вывалился. — Видите магический свет? Волшебница упекла гения в ловушку!

Геральт молча глядел.

Давным-давно, еще будучи совершенным сопляком, когда он обучался в Каэр Морхене в Обиталище Ведьмаков, он и его дружок Эскель поймали большого лесного шмеля и привязали к стоявшему на столе кувшину длинной ниткой, вытянутой из рубашки. Глядя, какие штучки выделяет шмель на привязи, они надрывались от хохота до того момента, пока их не накрыл на этом деле Весемир, воспитатель, и не отделал ремнем.

Джинн, круживший над крышей будущего трактира Эррдия, вел себя точно как тот шмель. Он взлетал и опускался, взмывал и пикировал, яростно гудя, носился по кругу. Потому что джинн, как и шмель из Каэр Морхена, был привязан скрученными нитями из ослепительно ярких разноцветных лучей света, плотно оплетающих его и оканчивающихся на крыше. Однако джинн располагал большими возможностями, нежели привязанный к кувшину шмель. Шмель не мог разрушать окрестных крыш, разваливать трубы, разносить в пыль и прах башенки и мансарды. Джинн мог. И делал это.

— Он уничтожает мой город! — взвыл Невилл. — Это чудовище уничтожает мой город!

— Хе-хе! — засмеялся богослужитель. — Сдается мне, нашла коса на камень! Это исключительно сильный д'йини! Воистину реку, не знаю, кто кого поймал, ведьма его или он ведьму! Ха, кончится тем, что д'йини сотрет ее в порошок, и очень хорошо сделает!

Справедливость восторжествует!

— Накрал я на справедливость! — рявкнул ипат, не обращая внимания на то, что под окнами могли собраться потенциальные избиратели. — Гляди, Крепп, что творится! Паника, руины! Этого ты мне не сказал, лысый дурень! Умничал, языком трепал, а о самом главном ни-ни! Почему не сказал, что демон... Ведьмак! Сделай что-нибудь! Слышишь, невинный колдун? Наведи порядок! Прощаю тебе все прегрешения, но...

— Тут ничего не сделаешь, господин Невилл, — фыркнул Крепп. — Вы не обращали внимания на то, что я говорил, вот и все. Никогда не прислушивались к моим словам. Это, повторяю, невероятно сильный д'йини, иначе б чародейка его уже взяла. Я вам говорю, ее заклятия сейчас ослабнут, и тогда д'йини раздавит ее и сбежит. И наступит покой.

— А тем временем город превратится в развалины?

— Надо ждать, — повторил богослужитель. — Но не сложа руки. Отдайте приказ, ипат. Пусть люди покинут окрестные дома и приготовятся тушить пожары. То, что там сейчас творится, пустяк по сравнению с адом, коий разверзнется, как только гений покончит с волшебницей.

Геральт поднял голову, встретил взгляд Хиреадана, опустил глаза.

— Господин Крепп, — решил он вдруг. — Мне необходима ваша помощь. Я говорю о портале, которым сюда прибыл Лютик. Портал все еще соединяет ратушу с...

— Портала уже и след простыл, — холодно проговорил богослужитель, указывая на стену. — Не видишь?

— Портал, даже невидимый, оставляет след. Заклинанием можно этот след стабилизировать. Я пройду по нему.

— Да ты, никак, не в своем уме! Даже если такой проход не разорвет тебя на куски, то чего ты хочешь добиться? Оказаться в центре циклона?

— Я спрашиваю, вы можете произнести заклинание, стабилизирующее след?

— Заклинание? — Богослужитель гордо поднял голову. — Я не безбожный колдун! Я не произношу заклинаний! Мое могущество проистекает из веры и молитв!

— Можете или нет?

— Могу.

— Так за дело! Время не ждет!

— Геральт, — вклинулся Лютик, — ты и впрямь сбрендил! Держись подальше от этого чертова удушителя!

— Прошу тишины! — проговорил Крепп. — И серьезности. Я молюсь.

— Пропади ты со своими молитвами! — не выдержал Невилл. — Я бегу собирать народ! Надо что-то делать, а не стоять и впустую молотить языками. О боги, что за день! Что за отвратный день!

Ведьмак почувствовал, как Хиреадан тронул его рукой. Повернулся. Эльф посмотрел ему прямо в глаза, потом потупился.

— Ты идешь туда... потому что должен, правда?

Геральт замялся. Ему показалось, что он улавливает аромат сирени и крыжовника.

— Пожалуй, да, — помедлил он. — Должен. Прости, Хиреадан...

— Не извиняйся. Я знаю, что ты чувствуешь.

— Сомневаюсь. Потому как и сам этого не знаю.

Эльф улыбнулся. Улыбка получилась не очень радостной.

— В том-то и дело, Геральт. Именно в том.

Крепп выпрямился, глубоко вздохнул.

— Готово, — сказал он гордо, указав на едва видимый контур на стене. — Но портал неустойчив и долго не протянет. К тому же нет никакой уверенности в его прочности. Может разорваться. Прежде чем туда ступить, господин ведьмак, подумайте о своих прегрешениях. Могу, конечно, благословить, но отпустить грехи...

— Недостанет времени, — закончил Геральт. — Знаю, господин Крепп. На это всегда не хватает времени. Выйдите все из комнаты. Если портал взорвется, у вас лопнут

барабанные перепонки.

— Я останусь, — сказал Крепп, когда за Лютиком и эльфом закрылась дверь. Он пошевелил в воздухе руками, создавая вокруг себя пульсирующую ауру. — На всякий случай небольшая защита. А если портал взорвется... Попытаюсь вытащить, господин ведьмак. Тоже мне, великое дело — перепонки. Перепонки срстаются.

Геральт взглянул на него приветливой. Богослужитель улыбнулся.

— Мужественный вы человек, — сказал он, переходя на «вы». — Хоть и ведьмак. Хотите ее спасти, верно? Но мужество вам вряд ли поможет. Джинны — существа мстительные. Чародейке конец. Да и вы, если пойдете туда, тоже погибнете. Подумайте, чиста ли у вас совесть.

— Уже подумал. — Геральт встал перед слабо светящимся порталом. — Господин Крепп?

— Слушаю?

— Тот экзорцизм, который вас так взбудоражил... Что они значат, те слова?

— Да уж самое подходящее время для шуток и забав...

— Прошу вас, господин Крепп.

— Что делать, — сказал богослужитель, прикрываясь тяжелым дубовым стулом ипата. — Ваше последнее желание. Отказать не могу. Это значило... Хм... Хм... «Топай отсюда и... оттрахай себя сам».

Геральт вступил в ничто, и холод приглушил сотрясающий его смех.

8

Портал, ревя и бушуя, как ураган, стремительно выбросил его, выплюнул с разрывающей легкие силой. Ведьмак бессильно рухнул на пол, с трудом ловя воздух раскрытым ртом.

Пол дрожал. Вначале он подумал, что трясся он сам после путешествия сквозь разрывающий ад портала, но быстро понял ошибку. Вибрировал, трясся и трещал весь дом.

Он осмотрелся. Это была не та комнатка, в которой он последний раз видел Йеннифэр и Лютика, а большая общая зала ремонтируемой корчмы Эррдила.

Увидел ее. Она стояла на коленях между стульями, склонившись над магическим шаром. Шар излучал сильное молочное сияние, просвечивая красным сквозь пальцы колдуньи. Свет, отбрасываемый шаром, создавал мигающую, колеблющуюся, но ясную картину. Геральт видел комнатку со звездой и раскалившейся сейчас добела пентаграммой, начертанной на полу. Видел вылетающие из пентаграммы разноцветные потрескивающие огненные струи, исчезающие вверху над крышей, откуда доносился яростный рев пойманного джинна.

Йеннифэр увидела его, вскочила и подняла руку.

— Нет! — крикнул он. — Не надо! Я хочу помочь тебе!

— Помочь? — зло фыркнула она. — Ты?

— Да.

— Несмотря на то, что я тебе сделала?

— Несмотря.

— Странно, но в принципе неважно. Мне не нужна твоя помощь. Убирайся немедленно.

— Нет!

— Убирайся! — взвизгнула чародейка, зловеще скривившись. — Тут становится опасно! Я не могу его взять, не понимаю, но мерзавец не слабеет. Я поймала его после того, как он выполнил третье желание трубадура. Ему уже полагается сидеть у меня в шаре. А он вообще не ослабевает. Похоже, становится еще сильнее! Но все равно, я его... осилю, сломаю...

— Не осилишь, Йеннифэр. Он убьет тебя.

— Меня не так легко убить...

Она осеклась. Потолок корчмы вдруг разгорелся и заблестел. Картина, которую проецировал шар, расплылась. На бревенчатом потолке вырисовался большой огненный квадрат. Чародейка чертыхнулась, подняла руку, из ее пальцев посыпались искры.

— Беги, Геральт!

— Что происходит, Йеннифэр?

— Он нащупал меня... — простонала она, краснея от усилия. — Хочет до меня добраться. Создает собственный портал, чтобы пробиться сюда. Разорвать нити он не может, но сквозь портал пройдет. Я не могу... Не могу его удержать!

— Йеннифэр!

— Не отвлекай! Мне надо сосредоточиться... Геральт, беги. Я раскрою свой портал. Для тебя. Будь внимателен, это случайный портал, на другой у меня нет ни сил, ни времени... Не знаю, где ты опустишься... но ты будешь в безопасности... Приготовься...

Большой портал на потолке вдруг ослепительно разгорелся, раздался вширь и деформировался, из пустоты возникла знакомая ведьмаку бесформенная, хлопающая обвислыми губами пасть, воющая так, что заныло в ушах. Йеннифэр вскочила, замахала руками и выкрикнула заклинание. Из ее руки вырвалось полотнище света, охватившее джинна словно сеть.

Джинн зарычал и выдал из себя длинные лапы, которые, словно нападающие кобры, потянулись к горлу чародейки. Йеннифэр не отступила.

Геральт кинулся к ней, оттолкнул и заслонил собою. Джинн, опутанный магическим светом, выскочил из портала, как пробка из бутылки, кинулся на них, разевая пасть. Ведьмак стиснул зубы и ударил его Знаком, без видимого результата. Но гений не напал. Он повис под самым потолком, раздулся до гигантских размеров, вытаращил на Геральта белые глазищи и зарычал. В этом рыке был как бы приказ, распоряжение. Геральт не понял какое.

— Сюда! — крикнула Йеннифэр, указывая на портал, который она выколдовала на стене у лестницы. По сравнению с порталом гения ее портал выглядел бедно, невзрачно и даже кустарно. — Сюда, Геральт! Беги!

— Только с тобой!

Йеннифэр, водя в воздухе руками, выкрикнула заклинание, разноцветные нити с треском рассыпали искры. Джинн закружился, словно бочонок, напряг узы, растянул их. Медленно, но верно он приближался к чародейке. Йеннифэр не отступала.

Ведьмак подскочил, ловко подставил ей ногу, схватил за талию одной рукой, другой вцепился в волосы на затылке. Йеннифэр грязно выругалась и ударила его локтем по горлу. Он не отпустил. Резкий запах озона, порожденного заклинанием, не заглушил аромата сирени и крыжовника. Геральт подсек чародейке ногу и прыгнул, унося ее прямо в опалесцирующее и мигающее ничто меньшего портала.

Портала, ведущего в неведомое.

Они вылетели, слившись в объятиях, упали на мраморный пол, заскользили по нему, перевернув огромный канделябр, а затем стол, с которого с грохотом и звоном посыпались хрустальные кубки, вазы с фруктами и огромная миска, заполненная толченым льдом, водорослями и устрицами. Кто-то взвизгнул, кто-то запищал.

Они лежали в самом центре ярко освещенной бальной залы. Богато разодетые мужчины и блистающие драгоценностями дамы, прервав танец, ошарашенно глядели на них. Музыканты на галерке оборвали мелодию разрывающей уши какофонией.

— Ты кретин! — крикнула Йеннифэр, пытаясь выцарапать ему глаза. — Идиот! Ты мне все испоганил! Я его уже почти поймала!

— Хрен ты поймала! — крикнул в ответ он, не на шутку обозленный. — Я спас тебя, глупая ведьма!

Она взвизгнула, как взбесившийся кот, ее руки сыпанули искрами. Геральт, отвернувшись, вцепился ей в кисти рук, и они принялись кататься среди устриц, засахаренных фруктов и толченого льда.

— У вас есть приглашения? — спросил вальяжный мужчина с золотой цепью камергера на груди, глядя на них сверху с высокомерной миной.

— Прочь, идиот! — снова взвизгнула Йеннифэр, все еще пытаясь выцарапать Геральту глаза.

— Это безобразие! — укоризненно проговорил камергер. — Поверьте, вы немного переигрываете со своей телепортацией. Я буду вынужден подать жалобу в Совет Чародеев. Я потребую...

Никто не узнал, что потребует камергер. Йеннифэр вырвалась, раскрытой рукой вцепилась в ведро по уху, изо всех сил пнула в лодыжку и прыгнула в угасающий на стене портал. Геральт кинулся следом, уже опробованным на практике движением схватив ее за волосы и талию. Йеннифэр, тоже поднабравшаяся опыта, хватанула его по локтю. От резкого движения у нее лопнуло платье под мышкой, открыв красивую девичью грудь. Из роскошного декольте выскользнула устрица.

Они влетели в небытие портала. Геральт еще услышал слова камергера:

— Музыка! Продолжайте играть! Все в порядке. Прошу не обращать внимания на достойный сожаления инцидент.

Ведьмак был уверен, что с каждым очередным полетом через портал увеличивается вероятность несчастья, и он не ошибся. Они попали в цель, в корчму Эррдилья, но материализовались под самым потолком и, переломив поручни лестницы, с оглушительным грохотом свалились на стол. Стол не мог этого выдержать и не выдержал.

В момент падения Йеннифэр оказалась внизу. Геральт был уверен, что она потеряла сознание. Он ошибся.

Она ткнула его костяшками кулака в глаз и бросила прямо в лицо целую гроздь оскорблений, которых не постыдился бы краснолюдский могильщик, а краснолюдские могильщики были несравненными охальниками. Ругань сопровождалась яростными и беспорядочными ударами, наносимыми вслепую, куда попало. Геральт схватил ее за руки и, стараясь избежать удара лбом, вжался лицом в декольте чародейки, пахнущее сиренью, крыжовником и устрицами.

— Пусти, — крикнула она, извиваясь, словно угорь. — Идиот, глупец, насильник! Пусти, говорю! Привязь сейчас лопнет, ее надо усилить, иначе джинн сбежит.

Геральт не ответил, хотя очень хотелось. Он сжал ее сильнее, пытаясь притиснуть к полу. Йеннифэр отвратительно выругалась, рванулась изо всей силы и ударила его коленом в промежность. Прежде чем он сумел вдохнуть, она вырвалась, крикнула заклинание. Он почувствовал, как чудовищная сила поднимает его с пола и бросает через всю залу, а потом, не в силах вдохнуть, он саданулся о резной двухдверный шкаф и развалил его на мелкие кусочки.

9

— Что там творится? — Лютик, вцепившись в подоконник, пытался пробить взглядом завесу ливня. — Скажите, черт побери, что там происходит?

— Дерутся, — крикнул один из глазающих бродяг, отскакивая от окна корчмы словно ошпаренный. Его дружки-оборванцы тоже кинулись бежать, шлепая по грязи босыми ногами. — Колдун и ведьма дерутся!

— Дерутся? — удивился Невилл. — Они там дерутся, а этот затраханый демон тем временем превращает мой город в руины! Глядите, он повалил еще одну трубу! И раскидал черепицу. Эй, люди! Бегом туда! О боги, счастье, что дождь, был бы пожар как пить дать!

— Долго это не протянется, — угрюмо произнес богослужитель Крепп. — Магический свет ослабевает, привязь сейчас лопнет. Господин Невилл! Прикажите людям отступить! Там сейчас развернется пекло! От дома останутся развалины! Господин Эррдиль, над чем вы смеетесь? Это ж ваш дом. Что вас так развеселило?

— Я развалюху застраховал на кучу денег!

— С учетом магических и сверхъестественных случаев?

— Конечно.

— Разумно, господин эльф. Очень разумно. Поздравляю. Эй, люди, прячьтесь. Кому жизнь мила, не подходите близко!

Из Эррдильева хозяйства донесся оглушительный гул, сверкнула молния. Толпа попятилась, прячась за столбами.

— Зачем Геральт туда полез? — охнул Лютик. — На кой черт? Зачем уперся спасать колдунью? Зачем? Черт побери, Хиреадан, ты это понимаешь?

Эльф грустно улыбнулся.

— Понимаю, Лютик, понимаю.

10

Геральт отскочил от очередной оранжево-огненной стрелы, вылетевшей из пальцев чародейки. Она явно утомилась, стрелы были слабые и медлительные, он увертывался от них без особого труда.

— Йеннифэр! — крикнул он. — Успокойся! Да пойми же ты наконец, что я хочу тебе сказать! Ты не сможешь...

Он не закончил. Из рук волшебницы вырвались тоненькие красные молнийки, впились в него в нескольких местах и буквально обмотали. Одежда зашипела и задымилась.

— Не смогу? — процедила она, встав над ним. — Сейчас увидишь, на что я способна. Достаточно, если ты просто лежишь и не будешь мне мешать.

— Сними это с меня! — зарычал он, пытаясь вырваться из огненной паутины. — Я горю, черт побери!

— Не шевелись, — посоветовала она, тяжело дыша. — Это жжет только когда двигаешься... Я не могу уделить тебе больше времени, ведьмак. Пошалили — и будет, хорошего понемножку. Я должна заняться джинном, он готов сбежать...

— Сбежать? — крикнул Геральт. — Это ты должна бежать! Джинн... Йеннифэр, послушай меня. Я должен тебе кое в чем признаться... Должен сказать тебе правду. Ты удивишься.

11

Джинн рванулся на привязи, облетел круг, натянул удерживающие его нити и смел башенку с дома Бо Беррана.

— Ну и рычит! — поморщился Лютик, непроизвольно хватаясь за горло. — Как рычит! Жуть! Похоже, он чертовски взбешен!

— Ибо взбешен, — произнес богослужитель.

Хиреадан быстро взглянул на него.

— Что?

— Он взбешен, — повторил Крепп. — И неудивительно. Я бы тоже взбесился, доведись мне в точности выполнять первое желание, которое случайно высказал ведьмак...

— Что? — крикнул Лютик. — Геральт? Желание?

— Ведь у него в руке была печать, которая удерживала джинна в бутылке. Гений выполняет его желания. Поэтому волшебница и не может одолеть джинна. Но ведьмаку не следует ей об этом говорить, даже если он уже догадался. Не следует.

— Черт, — буркнул Хиреадан. — Я начинаю понимать. Ключник в подвале... Лопнул...

— Это было второе желание ведьмака. У него осталось еще одно. Последнее. Но, боги, он не должен выдавать этого Йеннифэр!

12

Она стояла неподвижно, наклонившись к нему и не обращая никакого внимания на джинна, мечущегося на привязи над крышей корчмы. Дом сотрясался, с потолка сыпалась известка, мебель ползала по полу, лихорадочно тряслась.

— Вот оно что, — прошипела она. — Благодарю. Тебе удалось меня обмануть. Не Лютик, а ты! Так вот почему джинн так борется! Но я еще не проиграла, Геральт. Ты недооцениваешь моей силы. Пока что у меня в руках и джинн, и ты. У тебя есть еще одно, последнее желание? Так выскажи его. Освободи джинна, и тогда я загоню его в бутылку.

— Тебе не хватит сил, Йеннифэр.

— Ты недооцениваешь мои силы. Желание, Геральт, желание!

— Нет, Йеннифэр. Не могу... Джинн, может, и выполнит его, но тебя не простит. Освободившись, он убьет тебя, отыграется на тебе. Ты ослаблена, едва держишься на ногах. Ты погибнешь, Йеннифэр.

— Это мой риск! — яростно крикнула она. — Какое тебе дело до того, что станет со мной? Подумай лучше о том, что джинн может дать тебе! У тебя в запасе еще одно желание! Ты можешь пожелать что угодно! Воспользуйся возможностью! Используй ее, ведьмак! Ты можешь иметь все! Все!

13

— Они погибнут оба? — завыл Лютик. — Как это? Господин Скрепп или как вас там... Почему? Ведь ведьмак... Почему, я просто слов не нахожу, он не бежит? Почему? Что его там держит? Это же глупо...

— Глупо и бессмысленно, — горько проговорил Хиредан. — Совершенно.

— Самоубийство и обыкновенный идиотизм!

— Это его профессия, — вставил Невилл. — Ведьмак спасает мой город. Призываю богов в свидетели: если он победит волшебницу и прогонит демона, я щедро его вознагражу...

Лютик сорвал с головы шапочку, украшенную пером цапли, плюнул на нее, кинул в грязь и растоптал, повторяя при этом самые разные слова на самых разных языках.

— Но ведь он... — вдруг простонал бард. — У него же в запасе есть еще одно желание. Он мог бы спасти и ее, и себя! Господин Крепп!

— Все не так просто, — задумался богослужитель. — Но если бы он как-то связал свою судьбу с судьбой... Нет, не думаю, чтобы он догадался. И лучше, пожалуй, чтобы не догадался.

14

— Желание, Геральт! Скорее! Чего ты желаешь? Бессмертия? Богатства? Славы? Власти? Могушества? Почестей? Скорее, у нас нет времени!

Он молчал.

— Ты хочешь стать человеком, — вдруг сказала она, мерзко усмехаясь. — Я угадала, верно? Вот чего ты хочешь, вот о чем мечтаешь! О высвобождении, о свободе, возможности быть тем, кем хочешь, а не тем, кем быть вынужден. Джинн исполнит это желание, Геральт. Выскажи его.

Геральт молчал.

Она стояла над ним в мигающем свете волшебного шара, в магическом свете, в розблесках удерживающих джинна лучей, с развевающимися волосами и горящими фиолетовым огнем глазами, выпрямившаяся, стройная, черная, страшная...

И прекрасная.

Она резко наклонилась, взглянула ему в глаза. Он почувствовал аромат сирени и крыжовника.

— Молчишь? Так вот чего ты желаешь, ведьмак! Вот каково твое самое потаенное желание! Ты не знаешь или не можешь решиться? Поищи в себе, поищи глубоко и тщательно, ибо, клянусь Силой, другой возможности тебе не представится!

А он вдруг обрел истину. Он знал. Знал, кем она была когда-то. О чем помнила, о чем не могла забыть, с чем жила. Кем была в действительности, прежде чем стала волшебницей.

Потому что на него смотрели холодные, пронизывающие, злые и мудрые глаза горбуны.

Он ужаснулся. Нет, не от осознания правды. Он ужаснулся оттого, что она читает его мысли, знает, что он угадал. И никогда ему этого не простит. Он приглушил в себе эту мысль, убил ее, выкинул из памяти, навсегда, без следа, чувствуя при этом огромное облегчение. Чувствуя, что...

Потолок лопнул. Джинн, опутанный сетью уже угасающих лучей, повалился прямо на них, рыча, и в рычании этом было торжество и жажда убийства. Йеннифэр кинулась ему навстречу, из ее рук вырвался свет. Очень слабый свет.

Джинн разинул пасть и протянул к ней лапы. А ведьмак вдруг понял, чего хочет.

И выговорил желание.

15

Дом взорвался, кирпичи, балки и доски взлетели вверх в туче дыма и искр. Из пыли выплыл джинн, огромный, как овин. Рыча и заливаясь торжествующим хохотом, гений Воздуха — д'йини, уже не связанный никакими обязательствами и ничьей волей, проделал над городом три круга, сорвал шпиль с башни ратуши, взмыл в небо и улетел, пропал, исчез.

— Убежал! Убежал! — воскликнул богослужитель Крепп. — Ведьмак добился своего! Гений улетел! Больше он никому не угрожает!

— Ах, — произнес Эррдиль с искренним восхищением. — Какие красочные развалины!

— Черт! Черт! — крикнул Лютик, скорчившись за стеной. — Развалился весь дом! Выжить не мог никто! Это говорю вам я, Лютик!

— Ведьмак Геральт из Ривии пожертвовал собой ради спасения города, — торжественно проговорил ипат Невилл. — Мы не забудем его, мы почтим его. Мы подумаем о памятнике...

Лютик стряхнул с рукава кусок заляпанного глиной тростникового мата, отряхнул курточку от хлопьев смоченной дождем штукатурки, взглянул на ипата и несколькими тщательно подобранными словами высказал свое мнение о жертве, почестях, памяти и всех памятниках мира.

16

Геральт осмотрелся. Из дыры в потолке медленно капала вода. Кругом валялся хлам и кучи деревяшек. По странной случайности то место, где лежали они, было совершенно чистым. На них не упала ни одна доска, ни один кирпич. Все было так, словно их охранял невидимый щит.

Йеннифэр, слегка покрасневшая, опустилась рядом, уперев руки в колени.

— Ведьмак, — кашлянула она. — Ты жив?

— Жив. — Геральт отер пыль с лица, свистнул.

Йеннифэр медленным движением коснулась его запястья, нежно провела пальцами по ладони.

— Я тебя обожгла...

— Мелочь. Несколько пузырей...

— Прости. Знаешь, джинн убрался. Окончательно и бесповоротно.

— Ты жалеешь?

— Не очень.

— Ну и хорошо. Помоги мне встать, пожалуйста.

— погоди, — прошептала она. — А твое желание... Я слышала, чего ты пожелал. Я одурела, просто одурела. Всего я могла ожидать, только... Что тебя заставило так поступить, Геральт? Почему... Почему я?

— Не знаешь?

Она наклонилась, он почувствовал на лице прикосновение ее волос, пахнущих сиренью и крыжовником, и вдруг понял, что никогда не забудет этого аромата, этого мягкого прикосновения, понял, что никогда уже не сможет сравнить их с другими запахами и другими прикосновениями. Йеннифэр поцеловала его, и он понял, что никогда не пожелает других губ, кроме этих мягких, влажных и сладких от помады. Он вдруг понял, что с этой минуты для него будет существовать только она, ее шея, ее руки и грудки, высвободившиеся из-под черного платья, ее нежная, прохладная кожа, не сравнимая ни с одной из тех, которых он касался. Он видел совсем рядом ее фиалковые глаза, прекраснейшие глаза в мире, глаза, которые, он так этого боялся, станут для него...

...всем. Он знал это.

— Твое желание, — шепнула она, приложив губы к самому его уху. — Не знаю, может ли вообще исполниться твое желание. Не знаю, существует ли в Природе Сила, способная исполнить такое желание. Но если может, то ты приговорил себя. Приговорил себя... ко мне.

Он прервал ее поцелуем, объятием, прикосновением, лаской, ласками, а потом уже всем, всем собою, каждую своей мыслью, единственной мыслью, всем, всем, всем. Они прервали тишину вздохами и шелестом раскидываемой по полу одежды, прервали тишину очень мягко и неторопливо, обстоятельно, заботливо и нежно, и хотя оба не очень-то знали, что такое заботливость и нежность, это свершилось, ибо они очень того хотели. И вообще, они не спешили — и весь мир вокруг перестал существовать, перестал существовать на краткий, совсем краткий миг, а им казалось, что это была целая вечность, потому что это действительно была целая вечность.

А потом мир снова возник, но теперь он существовал уже совершенно по-другому.

— Геральт?

— Ммм...

— И что теперь?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. Потому что, понимаешь, я... Я не уверена, стоило ли тебе обрекать себя на меня. Я не умею... Подожди, что ты делаешь... Я хотела тебе сказать...

— Йеннифэр... Йен...

— Йен, — повторила она, полностью подчиняясь ему. — Никто никогда меня так не называл. Скажи еще раз, пожалуйста, ну скажи.

— Йен...

— Геральт...

17

Дождь прекратился. Над Риндой загорелась радуга, она пересекла небо оборванной многоцветной дугой. Казалось, она вырастает прямо из разрушенной крыши корчмы.

— О боги, — буркнул Лютик. — Какая тишина... Они мертвы, говорю вам. Или поубивали друг друга, или мой джинн их прикончил.

— Надо бы взглянуть, — сказал Вратимир, вытирая лоб помятой шапкой. — Они могут быть ранены. Может, вызвать медика?

— Уж скорее могильщика, — сказал Крепп. — Знаю я этих колдуний, да и у ведьмака в глазах тоже чертики бегали. Что поделаешь, надо копать на жальнике две могилы. Правда, эту Йеннифэр я посоветовал бы перед захоронением проткнуть осиновым колом.

— Какая тишина, — повторил Лютик. — Только что доски летали, а теперь мертвая

тишина, слышно, как муха пролетит.

Они подошли к развалинам будущей корчмы. Осторожно и медленно.

— Пусть столяр готовит гробы, — сказал Крепп. — Скажите столяру.

— Тише, — прервал Эррдиль. — Я что-то слышал. Что это было, Хиреадан?

Эльф откинул волосы с остроконечного уха, наклонил голову.

— Не уверен... Подойдем поближе.

— Йеннифэр жива, — вдруг сказал Лютик, напрягая свой музыкальный слух. — Я слышал, как она застонала. О, снова!

— Верно, — подтвердил Эррдиль. — Я тоже слышал. Застонала. Вероятно, ужасно страдает. Хиреадан, куда ты! Поберегись!

Эльф осторожно заглянул в разбитое окно и тут же отпрянул.

— Пошли отсюда, — сказал он кратко. — Не будем им мешать.

— Так они оба живы? Хиреадан? Что они там делают?

— Пошли отсюда, — повторил эльф. — Оставим их ненадолго вдвоем. Пусть останутся, она, он и его последнее желание. Переждем в какой-нибудь корчме, пройдет немного времени, и они к нам присоединятся. Оба.

— Нет, что они там делают? — заинтересовался Лютик. — Скажи же, черт побери!

Эльф улыбнулся. Очень, очень грустно.

— Не люблю громких слов, — сказал он. — Но другими словами этого не передать.

Глас рассудка VII

1

На поляне в полном вооружении, без шлема, в откинута на плечо карминовом плаще ордена стоял Фальвик. Рядом, скрестив руки на груди, — плотный бородатый краснолюд в лисьей шубе, кольчуге и шлеме с бармицей из железных колец.

Тайлес, без доспехов, в коротком стеганом камзоле, медленно прохаживался, время от времени помахивая обнаженным мечом.

Ведьмак осмотрелся, остановил коня. Кругом посверкивали полулукы и плоские каски окружавших поляну вооруженных пиками солдат.

— Дьявольщина, — проворчал Геральт. — Можно было ожидать.

Лютик развернул коня, тихо выругался, увидев отрезающих им отход пикинеров.

— В чем дело, Геральт?

— Ни в чем. Держи рот на замке и не встречай. Я попробую как-нибудь отбрехаться.

— Я спрашиваю, в чем дело? Снова приключение?

— Заткнись.

— Глупая была мыслишка съездить в город, — простонал трубадур, поглядывая на выступающие над лесом недалекие башенки храма. — Надо было сидеть у Нэннеке и не высовывать носа...

— Я же сказал, заткнись. Вот увидишь, все выяснится.

— Не похоже.

Лютик был прав. Не походило. Тайлес, размахивая мечом, продолжал расхаживать, не глядя на них. Солдаты, опершись на пики, глядели угрюмо и равнодушно, с минами профессионалов, у которых убийство не вызывает усиленного выделения адреналина.

Геральт и Лютик слезли с коней. Фальвик и краснолюд медленно подошли.

— Вы оскорбили благородного Тайлеса, ведьмак, — сказал граф без предисловий и требуемых обычаем приветствий. — А Тайлес, как вы, вероятно, помните, бросил вам перчатку. На территории храма не годилось настаивать, поэтому мы подождали, пока вы выйдете из-под юбки богослужительницы. Тайлес ждет. Вы должны биться.

— Должен?

— Должны.

— А вам не кажется, господин Фальвик, — криво усмехнулся Геральт, — что благородный Тайлес оказывает мне слишком много чести? Я не имел удовольствия быть посвященным в рыцари, а что до рождения, то уж лучше не вспоминать о сопутствовавших ему обстоятельствах. Боюсь, вряд ли я достоин того, чтобы... Как это говорится, Лютик?

— Недостаточно достоин того, чтобы дать сатисфакцию и сойтись на ристалище, — продекламировал поэт, раздувая щеки. — Рыцарский кодекс гласит...

— Капитул ордена руководствуется собственным кодексом, — прервал Фальвик. — Если б рыцаря ордена вызвали вы, он мог бы отказать вам в сатисфакции либо нет, в зависимости от своего желания. Однако дело обстоит иначе: рыцарь вызывает вас, а тем самым поднимает до своего уровня, разумеется, исключительно на время, необходимое для того, чтобы смыть оскорбление. Вы не можете отказать. Отказ временно сравняться с ним в достоинстве делает вас недостойным.

— Весьма логично, — сказал Лютик, состроив чисто обезьянью рожицу. — Похоже, вы изучали философов, благородный рыцарь.

— Не лезь. — Геральт поднял голову, взглянул в глаза Фальвику. — Докончите, рыцарь. Я хотел бы знать, к чему вы клоните. Что произойдет, если я вдруг окажусь... недостойным?

— Что произойдет? — Фальвик ехидно усмехнулся. — А то произойдет, что я прикажу повесить тебя на суку, негодяй.

— Спокойнее, — вдруг хрипло проговорил краснолюд. — Без нервов, господин граф. И без оскорблений, лады?

— Не учи меня манерам, Кранмер, — процедил рыцарь. — И помни, князь отдал тебе приказания, которые ты должен исполнять скрупулезно.

— Это вы не учите меня, граф. — Краснолюд положил руку на засунутый за пояс обоюдоострый топор. — Я знаю, как исполнять приказы, обойдусь без поучений. Господин Геральт, разрешите. Я Деннис Кранмер, капитан стражи князя Эреварда.

Ведьмак чопорно поклонился, глядя краснолюду в глаза, светло-серые, отливающие сталью под палевыми кустистыми бровями.

— Удовлетворите желание Тайлеса, господин ведьмак, — спокойно продолжал Деннис Кранмер. — Так будет лучше. Цель — не убить, а лишь обезоружить противника. Примите вызов и позвольте ему вас обезоружить.

— Простите, что сделать? Не понял.

— Рыцарь Тайлес — любимец князя, — сказал Фальвик, зловеще улыбаясь. — Если ты, выродок, коснешься его в ходе поединка мечом, будешь наказан. Капитан Кранмер арестует тебя и доставит пред ясные очи его высочества. Для наказания. Таков приказ.

Краснолюд даже не взглянул на рыцаря, он не отрывал от Геральта своих холодных стальных глаз. Ведьмак слабо, но достаточно презрительно улыбнулся.

— Если я верно понял, — сказал он, — я должен согласиться на поединок, ибо, если откажусь, меня повесят. Если же буду драться, то должен позволить противнику меня искалечить, потому как ежели раню его я, то меня колесуют. Сплошь радостные перспективы. А может, облегчить вам дело? Удариться башкой о ствол сосны и самому себя... разоружить? Вас это устроит?

— Без шуточек, — прошипел Фальвик. — Не ухудшай своего положения. Ты оскорбил орден, бродяга, и должен быть наказан, надеюсь, дошло? А юному Тайлесу нужна слава победителя ведьмака, поэтому Капитул решил предоставить ему такую возможность. Иначе бы ты уже висел. Дашь себя победить — сохранишь свою поганую жизнь. Нам не нужен твой труп, мы хотим, чтобы Тайлес оставил отметку на твоей шкуре. А твоя шкура, шкура мутанта, зарастает быстро. Ну, поехали. Решай, выбора у тебя нет.

— Вы так думаете, господин граф? — Геральт усмехнулся еще противнее, оглянулся, прошелся по солдатам оценивающим взглядом. — А я думаю, есть.

— Да, это правда, — признал Деннис Кранмер. — Есть. Но тогда прольется кровь,

много крови. Как в Блавикене. Вы этого хотите? Вы хотите отяготить совесть кровью и смертью? Потому что выбор, о котором вы думаете, господин Геральт, это кровь и смерть.

— Аргументируете очаровательно, даже пленительно, — пошутил Геральт. — Человека, на которого напали в лесу, вы пытаетесь взять на гуманизм, обращаетесь к его высшим чувствам. Просите, как я понял, не проливать кровь напавших на меня разбойников? Гляжу я на ваших пикинеров и вижу, как дрожат у них коленки при одной только мысли о драке с Геральтом из Ривии, ведьмаком, который управляется с упырями голыми руками. Здесь не прольется ни капли крови, никто ничуть не пострадает. За исключением тех, кто ломает ноги, удирая в город.

— Я, — спокойно проговорил краснолюд и молодцевато задрал бороду, — не могу сказать ничего плохого о своих коленях. До сих пор я не убежал ни от кого и привычек не изменю. Я не женат, о детях ничего не знаю, да и мать, малознакомую мне женщину, предпочел бы не втягивать в эту историю. Но данные мне приказы выполняю. Как всегда, скрупулезно. Не обращаясь ни к каким чувствам, ни к высшим, ни к низшим, прошу вас, господин Геральт из Ривии, принять решение. Я соглашусь с любым и поведу себя соответственно.

Они глядели друг другу в глаза, краснолюд и ведьмак.

— Ну хорошо, — сказал наконец Геральт. — Давайте кончать. Жаль терять день.

— Стало быть, согласен. — Фальвик поднял голову, глаза у него заблестели. — Согласен на поединок с благородным Тайлесом из Дорндаля?

— Да.

— Прекрасно. Приготовьтесь.

— Я готов. — Геральт натянул перчатку. — Не будем терять времени. Лютик, сохраняй спокойствие. Ты к этому вообще не имеешь никакого отношения. Правда, господин Кранмер?

— Абсолютно, — твердо сказал краснолюд и поглядел на Фальвика. — Абсолютно, господин Геральт. Как бы там ни было, это касается только вас.

Ведьмак вытянул меч из-за спины.

— Нет, — сказал Фальвик, доставая свой. — Своей бритвой ты драться не будешь. Возьми мой.

Геральт пожал плечами. Взял оружие графа и махнул им для пробы.

— Тяжелый, — отметил он холодно. — С таким же успехом можно биться заступами.

— У Тайлеса такой же. Шансы равные.

— Ах, вы такой шутник, рыцарь Фальвик. Ну невероятный!

Солдаты окружили поляну редкой цепью. Тайлес и ведьмак встали друг против друга.

— Господин Тайлес? Не желаете ли извиниться?

Рыцаренок стиснул зубы, заложил левую руку за спину, замер в позиции фехтовальщика.

— Нет? — усмехнулся Геральт. — Не послушаетесь гласа рассудка? Жаль.

Тайлес присел, прыгнул, напал молниеносно, без предупреждения. Ведьмак даже не подумал парировать, отклонился от плоского удара быстрым полуоборотом. Рыцаренок широко размахнулся, клинок снова рассек воздух. Геральт ловким пируэтом вышел из-под острия, мягко отскочил, сделал короткий финт и выбил Тайлеса из ритма. Тайлес выругался, рубанул широко, справа, на мгновение потерял равновесие, попытался восстановить, неловко и высоко заслонившись мечом. Ведьмак ударил со скоростью и силой молнии, саданул напрямую, выбросил руку на всю длину. Тяжелое оружие со звоном столкнулось с клинком Тайлеса так, что тот сильно ударил рыцаря по лицу. Тайлес взвыл, упал на колени и коснулся лбом травы. Фальвик подбежал к нему. Геральт воткнул меч в землю и отвернулся.

— Стража! — выкрикнул Фальвик. — Взять его!

— Стоять! Ни с места! — крикнул Деннис Кранмер, кладя руку на топор.

Солдаты замерли.

— Нет, граф, — медленно сказал краснолюд. — Я всегда выполняю приказы...

скрупулезно. Ведьмак не дотронулся до рыцаря Тайлеса. Мальчишка ударился о собственную сталь. Ему не повезло.

— У него ранено лицо! Он обезображен на всю жизнь!

— Кожа срастается. — Деннис Кранмер уставился на ведьмака стальными глазами и обнажил в улыбке зубы. — А рубец? Рубцы для рыцаря — почетная память, повод для славы и хвалы, которых так желал ему Капитул. Рыцарь без шрама — пшик, не рыцарь. Спросите его, граф, убедитесь, что он рад.

Тайлес крутился на земле, плевался кровью, стонал и выл, вовсе не походя на обрадованного.

— Кранмер! — рявкнул Фальвик, вырывая свой меч из земли. — Ты пожалеешь об этом, клянусь!

Краснолюд отвернулся, медленно вытащил из-за пояса топор, откашлялся и сочно поплевал в правую руку.

— Ох, господин граф, — проскрипел он. — Не клянитесь напрасно. Терпеть не могу клятвопреступников, а князь Эревард дал мне право карать таких с ходу. Я пропущу ваши глупые слова мимо ушей. Но не повторяйте их, убедительно прошу.

— Ведьмак, — Фальвик, задыхаясь от ярости, повернулся к Геральту, — убирайся из Элландера. Немедленно. Тотчас.

— Я редко когда соглашаюсь с ним, — буркнул Деннис, подходя к ведьмаку и отдавая ему меч, — но в данном случае он прав. Уезжайте отсюда как можно скорее.

— Принимаем ваш совет. — Геральт перекинул ремень через плечо. — Но сначала... Мне надо кое-что сказать благородному графу. Господин Фальвик!

Рыцарь Белой Розы нервно заморгал, вытер руки о плащ.

— Возвратимся на минутку к кодексу вашего Капитула, — продолжал ведьмак, стараясь не улыбаться. — Очень меня интересует одно дельце. Если б, положим, я почувствовал себя недовольным и оскорбленным вашим поведением во всей этой афере и если б, допустим, вызвал вас на бой здесь, сейчас, на месте, как бы вы поступили? Сочли бы меня достаточно... достойным того, чтобы скрестить со мной клинки? Или отказались бы, зная, что в таком случае я счел бы вас недостойным даже того, чтобы на вас плюнуть, отхлестать по морде и дать пинка под зад на глазах кнехтов? А? Граф Фальвик, будьте столь любезны, удовлетворите мое любопытство?

Фальвик побледнел, отступил на шаг, оглянулся. Солдаты избегали его взглядов, Деннис Кранмер скривился, высунул язык и плюнул на солидное расстояние.

— Молчите, — продолжал Геральт, — но я слышу в вашем молчании глас рассудка, господин Фальвик. Вы удовлетворили мое любопытство, а теперь я удовлетворю ваше. Если вас интересует, что будет, ежели орден пожелает каким-либо образом досадить матери Нэннеке либо ее жрицам и послушницам или же слишком уж грубо обойдется с капитаном Кранмером, то знайте, граф, я отыщу вас и, не посмотрев ни на какой кодекс, выпущу из вас кровь, как из поросенка.

Рыцарь побледнел еще сильнее.

— Не забывайте о моем обещании, господин Фальвик. Пошли, Лютик. Нам пора. Бывай, Деннис.

— Успеха, Геральт, — широко улыбнулся краснолюд. — Бывай! Рад нашей встрече, надеюсь, не последней.

— Взаимно, Деннис. Стало быть, до свидания.

Они нарочито медленно, не оглядываясь, отъехали. На рысь перешли только когда скрылись в лесу.

— Геральт, — вдруг проговорил поэт, — полагаю, мы не поедем прямо на юг? Думаю, надо обойти стороной Элландер и владения Эреварда. А? Или ты намерен продолжать спектакль?

— Нет, Лютик, не намерен. Поедем лесами, потом свернем на Купеческий тракт. Помни, при Нэннеке о сегодняшней драке ни слова. Ни словечка.

— Надеюсь, мы отправимся сразу же?

— Немедленно.

2

Геральт наклонился, проверил исправленную скобу стремени, подогнал еще не размявшийся и туго идущий в пряжке стременной ремень. Подправил подпругу, сумы, скатанную за седлом попону и притороченный к ней серебряный меч. Нэннеке неподвижно стояла рядом, скрестив руки на груди.

Подошел Лютик, ведя под уздцы своего темно-гнедого мерина.

— Благодарим за гостеприимство, уважаемая, — серьезно сказал он. — И уж не злись на меня. Я ведь все равно знаю, что ты меня любишь.

— Конечно, — серьезно ответила Нэннеке. — Люблю тебя, шалопаю, хоть и сама не знаю за что. Ну, будьте...

— До встречи, Нэннеке.

— До встречи, Геральт. Следи за собой.

Ведьмак горько улыбнулся.

— Предпочитаю следить за другими. Это вообще-то полезнее.

Из-за храма, из-за оплетенных плющом колонн вышла Иоля в сопровождении двух младших послушниц. Она несла сундучок ведьмака. Иоля неловко избегала его взгляда, смущенная улыбка то появлялась, то сбегала с ее веснушчатой, пухленькой, покрытой румянцем мордашки. Сопровождающие ее послушницы не скрывали многозначительных взглядов, с трудом удерживаясь, чтобы не рассмеяться.

— Великая Мелитэле, — вздохнула Нэннеке. — Целая прощальная процессия. Возьми сундучок, Геральт. Я пополнила запасы твоих эликсиров, там все, чего недоставало. И то лекарство, знаешь, о чем я. Принимай регулярно каждые две недели. Не забывай. Это важно.

— Не забуду. Благодарю, Иоля.

Девушка опустила голову, подала ему сундучок. Ей так сильно хотелось что-то сказать. Но она не знала, что именно, какие слова произнести. И не знала, что сказала бы, если б могла. Не знала. И хотела.

Их руки соприкоснулись.

Кровь. Кровь. Кровь. Кости словно белые поломанные прутики. Сухожилия словно белесые шпагаты, вырывающиеся из-под кожи, раздираемой огромными, ощетилившимися лапами и острыми зубами. Ужасный звук разрываемого тела и крик — бесстыдный и ужасающий в своем бесстыдстве. В бесстыдстве конца. Смерти. Кровь и крик. Крик. Кровь. Крик...

— Иоля!!!

Нэннеке с невероятной при ее комплекции скоростью припала к лежащей на земле, напрягшейся, сотрясаемой конвульсиями девушке, придерживая ее за плечи и волосы. Одна из послушниц остановилась словно громом пораженная, другая, более скорая, опустилась на колени в ногах Иоли. Иоля выгнулась дугой, раскрыв рот в беззвучном крике.

— Иоля! — кричала Нэннеке. — Иоля! Говори! Говори, детка! Говори!

Девушка напряглась еще сильнее, закусила губу, тонкая струйка потекла по ее щеке. Нэннеке, покраснев от усилия, крикнула что-то, чего ведьмак не понял, но его медальон рванул шею так, что он непроизвольно наклонился, согнутый, придавленный невидимым грузом.

Иоля застыла.

Лютик, бледный как полотно, громко вздохнул. Нэннеке поднялась с колен. С трудом. Медленно.

— Заберите ее, — бросила она послушницам. Их было уже больше, они сбежались, серьезные, изумленные и молчаливые.

— Заберите ее, — повторила жрица. — Осторожно. И не оставляйте одну. Я сейчас

приду.

Она повернулась к Геральту. Ведьмак стоял неподвижно, теребя поводья вспотевшей рукой.

— Геральт... Иоля...

— Молчи, Нэннеке.

— Я тоже это видела... Мгновение. Геральт, не уезжай.

— Я должен.

— Ты видел... видел это?

— Да. Не в первый раз.

— И что?

— Нет смысла оглядываться назад.

— Не уезжай, прошу тебя.

— Я должен. Займись Иолей. До свидания, Нэннеке.

Жрица медленно покачала головой, хлюпнула носом и вытерла рукой слезу резким, отрывистым движением.

— Прощай, — шепнула она, глядя ему в глаза.